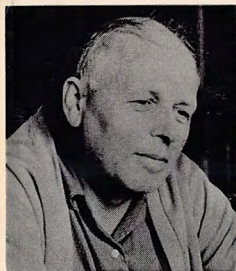

Международное Слушание Сахарова

Международное Слушание Сахарова в Копенгагене

Комитет
Слушания
Сахарова

Международное Слушание Сахарова

в Копенгагене

Графическое оформление обложки Х. Кайзера

Published by The Sakharov Hearing Committee,
Copenhagen

Printed by «Polyglott Printing House», 1977

ВСТУПЛЕНИЕ

«Московское обращение», подписанное группой советских диссидентов во главе с академиком А. Д. Сахаровым, могло, как и многие другие воззвания из СССР, остаться незамеченным на Западе, если бы не датчанин по имени Ойвинд Фельдстед Андресен. Этот человек, боровшийся во время второй мировой войны в рядах датской армии сопротивления против немецких оккупантов, предложил венгру Эрно Эстерхазу, председателю Объединенного комитета беженцев из стран Восточной Европы, организовать в Парламенте Дании слушание, посвященное проблеме нарушения прав человека в СССР. «Тут один русский обращается к западной общественности. Давайте попробуем что-нибудь сделать, чтобы помочь», — с этих слов, сказанных Андресеном, началась в ноябре 1974 года история организации «Международного Слушания Сахарова».

Анализ подготовки и проведения этого мероприятия приводит к оптимистическому заключению, что горсточка людей, горячо преданных идее, в состоянии противостоять массовой пропаганде с Востока и расшевелить совесть сытых и безразличных людей Запада.

Десять человек, не имевших никакого опыта в политике, но вооруженных непобедимым оружием — верой в торжество справедливости, — сумели получить разрешение воспользоваться зданием Парламента, убедить датских политиков явиться на «Слушание» и задавать вопросы свидетелям, собрать необходимые средства, отыскать по всему свету свидетелей, переводчиков, членов международного жюри и разрешить

«по ходу действия» сотни непредвиденных проблем.

Вполне логично, что правительство Советского Союза не могло равнодушно отнестись к идее созыва международного слушания на тему о бесправии, царящем в СССР. На второй день после официального объявления о предстоящем «Слушании» Агентство ТАСС встретило эту идею в штыки. Посыпались официальные угрозы по адресу датского правительства. Кульминация всех тщетных попыток сорвать «Слушание» и умалить его значение наступила за три дня до начала «Слушания», когда из СССР, без какого-либо приглашения из Дании, явилась официальная делегация и устроила «антислушание» под названием «Прав ли Сахаров в своей критике СССР?». В состав этой делегации, возглавленной известным демагогом — редактором «Литературной газеты» Чаковским, готовым доказать всё, что от него партия потребует, — входили: проф. Вул (выдававший себя в Копенгагене за друга Сахарова!); некий фальшивый раввин, впервые в жизни надевший кипу и разоблаченный раввином Копенгагена; профессор психиатрии, к несчастью своему, встретившийся во время пресс-конференции лицом к лицу с жертвой своих преступных экспериментов, и известный юрист, поспешивший закрыть пресс-конференцию сразу же после того, как слушатели начали задавать щекотливые вопросы.

Радио- и телестанции всех стран Западной Европы транслировали как выступления официальных представителей, так и выступления 24 свидетелей, подавляющее большинство которых лично прошло через тюрьмы и лагеря СССР,

поведавших миру правду о том, как живет советский человек. Таким образом, мировая общественность смогла сопоставить факты с идеологией и сделать соответствующие выводы.

Покидая Данию, редактор «Литературной газеты» сказал правду (вероятно, первый раз в своей жизни): «Слушание» в Копенгагене было политическим стриптизом». Он благоразумно не добавил, кого тут, в сущности, при всем честном народе разоблачили, однако мировая общественность увидела коммунистическую систему в ее самом неприглядном виде.

Авторы «Московского обращения» обратились к Западу с просьбой создать Трибунал. Это дело будущего. Трибунал будет создан тогда, когда подсудимые будут находиться в здании суда и выслушают приговор. Наш организационный комитет создал «Слушание» (новое понятие в русском и многих других языках), а жюри «Слушания», состоявшее из всемирно известных лиц, вынесло моральное осуждение тому, что творится в СССР. Настоящее издание документов на русском языке предназначается в первую очередь для жителей СССР, не имеющих доступа к источникам информации. Задача этой книги — нести правду в самую гущу народа. Правда эта должна в конце концов побороть миллионкратную ложь, которой переполнена вся жизнь советских людей. Крупицы правды западут глубоко в сердца и умы людей и станут ростками великих перемен в стране, в которой вот уже почти 60 лет царят грубая физическая сила, хамство, ложь и невежество.

Книга состоит исключительно из документов. В этом ее сила.

Эту книгу будут жечь на границе, за эту книгу будут преследовать, так как в ней содержатся факты — то, что наиболее опасно для существования общественного строя, основанного на лжи.

Этой книге суждено жить и обличать.

А историки отдаленного будущего будут черпать из нее сведения о страшном XX столетии, в котором нам довелось жить.

Бернард Караватский
Копенгаген

ОБРАЩЕНИЕ К «СЛУШАНИЮ САХАРОВА»

Я благодарен за предоставленную мне возможность выступить на этом «Слушании» и за то, что ему присвоено мое имя. Я рассматриваю это как признание заслуг не только моих личных, но и всех тех в моей стране, кто стремится к гласности, к осуществлению прав человека и в особенности тех, кто платит за это дорогой ценой лишения свободы. Я предполагаю, что свидетели на этом «Слушании», опираясь на многочисленные документы и на личный опыт, смогут представить убедительную картину и внесудебных и судебных, в том числе психиатрических преследований за убеждения, за национальные устремления и желание покинуть страну, осветят тяжести режима мест заключения, недопустимые в современном мире, расскажут о продолжающемся нарушении прав крымских татар и ряда других национальностей, о нарушении свободы совести и преследовании за религиозные убеждения.

Среди важных для этого слушания документов я особо хотел бы отметить издающийся в СССР в Самиздате информационный журнал «Хроника текущих событий». Вышеупомянутые проблемы находят подробное и, как я считаю, объективное отражение на его страницах, в частности, специальный выпуск журнала посвящен трагически нетерпимому положению в лагерях и тюрьмах нашей страны. Я обращаю в этой связи внима-

ние «Слушания» на усиление репрессий против политзаключенных. Только за последние месяцы многие из них переведены во Владимирскую тюрьму, в том числе Роде, Суперфин, Антонюк, Хнох, Торик. Угроза лагерного суда нависла над Глуzmanом. Я считаю, что лейтмотивом работы «Слушания» должно явиться требование всеобщей политической амнистии в СССР, такой, как это сформулировано в недавнем обращении Ларисы Богораз, Анатолия Марченко и других. Политическая амнистия явилась бы важнейшим фактором изменения нравственного и политического климата в нашей стране, решающей поддержкой принципов разрядки напряженности внутри и вне страны. Я убежден, что для каждого человека на Западе требование всеобщей политической амнистии, требование гарантий прав человека и гласности в СССР являются не только делом совести, но и защитой его личного будущего и будущего его детей. Сейчас, после совещания в Хельсинки, такие требования являются особенно своевременными. Я считаю важным, чтобы «Слушание» высказалось в защиту известных ему узников совести в СССР — таких, как Леонид Плющ, подвергающийся психиатрическому уничтожению в Днепропетровской специальной психиатрической больнице, как героические узники Владимирской тюрьмы, пермских и мордовских лагерей. Среди них священник Василий Романюк, повторно осужденный закрытым судом на десять лет за религиозную деятельность и несколько слов сочувствия Валентину Морозу. Первый арест Романюка в 1944 году, первый десятилетний срок не имели даже таких оснований, но тем не менее повлекли за собой ссылку

всей семьи, гибель от голода отца и убийство малолетнего брата. В 1959 году Романюк был реабилитирован, тем не менее при повторном осуждении в 1972 году он объявлен особо опасным рецидивистом. Романюк провел длительную голодовку протеста против совершенной над ним несправедливости. Сейчас его жизнь под угрозой. Я призываю участников этого «Слушания» использовать все возможности для спасения Романюка и облегчения участи его обездоленной семьи. Судьба священника Романюка — слепок с положения религии в нашей стране.

Очень важно, чтобы «Слушание» высказалось в защиту ожидающих суда арестованных в 1974 и 1975 годах членов советской группы Международной амнистии Сергея Ковалева и Андрея Твердохлебова, которым ставится в вину их многолетняя открытая деятельность во имя прав человека, во имя гласности. В частности, Сергей Ковалев обвиняется в распространении книги Солженицына «Архипелаг ГУЛаг». По-видимому, это один из главных пунктов обвинения. Замечательная книга Солженицына объявляется клеветнической. Такая позиция сама по себе является саморазоблачающей, и я надеюсь, что когда-нибудь она будет пересмотрена. Ковалеву, талантливому биологу и человеку удивительной, действенной доброты и честности, угрожают семь лет заключения и пять лет ссылки.

Я призываю принять специальные резолюции в защиту Ковалева, Твердохлебова, погибающего от истощения, вызванного многомесячной голодовкой, Мустафы Джемилёва, которому угрожает четвертый срок, и повторно осужденного на восемь лет заключения Владимира Осипова.

Особенно неотложными представляются требования немедленного освобождения женщин-политзаключенных, освобождения всех заключенных, осужденных до принятия нового законодательства на двадцать пять лет заключения, облегчения режима всех заключенных, в частности, соблюдения безопасности труда и отмены его принудительного характера, улучшения питания и медицинского обслуживания, разрешения посылок в места заключения лекарств и витаминов.

Политзаключенные Мордовии предоставили мне право выступать на «Слушании» от их имени. Я не могу сегодня называть конкретных фамилий этих людей, но считаю долгом в меру своего понимания отразить их чаяния.

Надеюсь, что это «Слушание» привлечет самое пристальное внимание датской и мировой прессы и явится важным этапом усиления борьбы за права человека в СССР.

Андрей Сахаров

ЗАЯВЛЕНИЕ

Симона Визентала

Прежде всего я хотел бы объяснить, почему я немедленно и безоговорочно предоставил себя в распоряжение Комитета Слушания Сахарова.

Тридцать лет тому назад, со времени моего освобождения из концлагеря, я посвятил свою жизнь борьбе за справедливость. Я не вернулся к своей прежней профессии архитектора. Созданием Еврейского Документационного Центра я пытался предупредить мир от забвения событий нацистского времени, убийства миллионов людей. Я посвятил себя розыску тех, кто ответствен за это, — палачей, участвовавших в этой огромной катастрофе.

За долгое время моей деятельности мне удалось раскрыть много до тех пор неизвестных деятелей европейской трагедии во времена нацизма и заставить предать суду многих преступников.

Сразу после 1945 года, на Нюрнбергском и других процессах были осуждены и клеймены преступления национал-социализма. Для меня этого было недостаточно. Ибо я знал, что преступления эти, жертвой которых стали миллионы, были совершены не несколькими дюжинами людей. У гитлеровской машины истребления были тысячи и тысячи помощников. Я считал, что эти помощники тоже должны были заплатить за свое участие в этих преступлениях. Мне удалось

заставить предстать перед судом более 1100 преступников. Я хочу сказать, что во всем случившемся были виновны не только Гитлер и его ближайшие сотрудники. Этот тоталитарный режим был благодатной почвой для множества садистов и предоставил им возможность удовлетворять свои преступные наклонности, безнаказанно мучить и убивать невинных людей. Это были садисты, чье место, при нормальных условиях, в тюрьме — и не в качестве тюремщиков.

Я очень рано узнал, что происходит в Советском Союзе в отношении подавления человеческой личности. С 1939 года я 21 месяц прожил в Советском Союзе и лично мог наблюдать всемогущество тайной полиции и игнорирование даже самого элементарного духа правосудия. Впоследствии, в немецких концлагерях я встретил русских военнопленных. В ходе общих мероприятий их перевели из лагерей для военнопленных в концлагерь. Все, что они мне рассказывали, еще больше расширило мои познания.

После войны я узнал, что мои друзья, которые, спасаясь от германского нацизма, бежали в Советский Союз, были арестованы по подозрению в шпионаже. В тюрьме им сообщили, что они приговорены к многолетнему заключению — без суда и, конечно, без возможности защитить себя от обвинений. Я узнал о бесчеловечных трудовых лагерях, о деспотизме лагерного начальства и его помощников, о притеснениях со стороны уголовников, которых ставили в привилегированное положение, чтобы они издевались над политическими заключенными.

И когда были опубликованы сообщения людей, выживших в этих лагерях, я увидел, что существ-

вует большое сходство между этими двумя тоталитарными режимами — нацистским и советским — в отношении их обращения с заключенными.

Занимаясь деятельностью, направленной против национал-социалистских преступлений, я не имел возможности посвятить себя преступлениям, совершенным во имя так называемого социализма.

Впервые мне представился случай публично высказать свое мнение в 1961 году. В это время, уже после хрущевского выступления с осуждением Сталина и сталинского режима, в Иерусалим прибыл, в качестве наблюдателя на процессе Эйхмана, д-р Фредерик Коль из Восточного Берлина. На пресс-конференции он попытался обвинить израильское правительство, прибегнув к инсинуации, — что израильское правительство судит Эйхмана, игнорируя в то же время других нацистов. Перед лицом собравшихся представителей прессы, у нас с ним развернулась бурная дискуссия. Я не считал своим долгом защищать израильское правительство. Но я отрицал право д-ра Коля, как коммуниста, рассуждать о нацистах и обвинять их. Я заявил:

«Теперь мы знаем о преступлениях Сталина. Мы не можем быть уверены, что мы знаем всё. Но, как и в случае гитлеризма, известно, что там были тысячи соучастников. Были тайные суды — так называемые «Тройки», — которые приговаривали людей к многим годам заключения, даже не видя и не выслушав обвиняемых. Были бесчеловечные лагерные надзиратели, преступно обращавшиеся с заключенными. Они отказывали в медицинской помощи заболевшим. Они били

людей и заставляли их умирать с голода. Мировое общественное мнение не нашло, что достаточно в Нюрнберге осудить и приговорить к смертной казни верхушку германского правительства и партии. Те, кто в Третьем Рейхе принимали участие в механизме истребления, направленном против миллионов людей, были также разысканы и предстали перед судом. То же самое ожидается и от Советского Союза после десталинизации. До тех пор, пока д-р Коль или другой представитель восточноевропейских стран не сообщит нам, что, кроме казни Берия и Абакумова и, может быть, полдюжины других, возбуждены судебные дела и осуждены тысячи и тысячи сотрудников НКВД, трибуналов, лагерного надзора и других организаций, занимавшихся издевательством над невинными людьми, — до этого представители стран Восточного блока не имеют права обвинять немцев».

Д-р Коль был в ярости, потому что власти на Востоке придерживаются собственных суждений о том, где нарушаются права человека.

Права человека, по моему пониманию, не имеют географических границ. Если мы выступаем против всех, кто нарушает права человека, мы не можем делать никаких исключений.

В связи с этим я хотел бы сообщить вам о случае, которым я сам занимаюсь и который характеризует режим в Советском Союзе. Я говорю о судьбе шведского дипломата Рауля Валленберга.

В любую эпоху всплывают на поверхность люди вроде Гитлера, Сталина и других, которых мы презираем и ненавидим. Но в то же время появляются и люди, которых мир любит и ува-

жает. Таким человеком был Рауль Валленберг.

Во времена, не знавшие жалости, он был третьим секретарем шведского посольства в Будапеште. Его готовность помочь и его сочувствие преследуемым были огромны. Используя свое положение и даже далеко превышая свои полномочия как третьего секретаря, он спас жизнь более 20000 венгерских евреев, которым угрожали нацисты. В эти мрачные времена, освещаемые лишь отблесками пламени крематориев, имя Рауля Валленберга ясно свидетельствовало о том, что благородно мыслящие люди должны бороться против преступного режима и делать больше, чем просто выполнять свои обязанности. Но после советского «освобождения» Будапешта от нацистов этот человек, Рауль Валленберг, был арестован и похищен. Он пропал без вести.

Вплоть до 1955 года советские власти упорно отрицали, что они что-нибудь знают о Валленберге. Затем, после многочисленных посредничеств и протестов, они объявили, что он умер в 1947 году, в возрасте 32 лет, в Москве, в Лубянской тюрьме, от сердечного приступа. Это заявление о его смерти не заслуживало доверия.

По просьбе семьи Валленберга и как представитель народа, которому во время глубочайших для него несчастий Валленберг помогал, я занялся лично — и продолжаю это делать — выяснением судьбы этого мужественного человека. Мы собрали большое количество письменных показаний от людей, слышавших о Валленберге, но теперь мы нашли и первого свидетеля, который лично встретил его после его «официальной смерти». Я надеюсь найти еще и других свидете-

лей и доказать, что заявление о его смерти в 1947 году было выдумкой.

Совсем недавно многие известные люди выехали из Советского Союза — люди, в чьей правдивости не может быть сомнения. Искренне и со знанием дела они информируют широкие массы о том, что происходит за колючей проволокой и в тюрьмах.

Мы знаем, что сейчас — в отличие от сталинских времен — в Советском Союзе относятся с большой чувствительностью к тому, что публикует западная пресса, и к общественному мнению Запада. Это дает нам шанс. Именно сейчас, во времена «детанта», совершенно очевидно, что все народы и нации хотят вести мирную совместную жизнь и никто не собирается нападать на Советский Союз. В это время существует возможность помочь людям, духовное и физическое существование которых находится под угрозой.

Правительство, осуществляющее разрядку искренне и серьезно, должно быть способно смотреть фактам в лицо. Тот, кто борется против истины, не может быть действительно за разрядку.

Я был рад предложить свой тридцатилетний опыт и исследования, чтобы помочь облегчить несчастья гонимых и мучимых людей. Это может прозвучать патетически, но если бы я не имел этого в виду, то меня бы не было здесь, в Копенгагене.

По моему мнению, нам следовало бы не ограничиваться только словами, обличающими бесчеловечность в мире, который с гитлеровских и сталинских времен все больше скатывается к бес-

человечности. Мне представляется, что нам следовало бы оказать какую-то материальную поддержку семьям тех, чьи кормильцы незаконно заключены в лагеря или психиатрические тюрьмы. Мы должны помочь тем, кто нуждается в лечении, чтобы поправить здоровье, подорванное тюрьмой, и тем, кто вошел в тюрьму здоровым, а вышел из нее инвалидом, кто не имеет даже прожиточного минимума. Я думаю о фонде — с местонахождением его здесь, в Копенгагене, — который возглавили бы достойные и уважаемые люди.

Во многих западных странах существуют богатые промышленники, поддерживающие торговые отношения с Советским Союзом и продолжающие делать бизнес с Россией. Некоторые из товаров, которые они импортируют, произведены подневольными работниками и пропитаны кровью и потом, — например, древесина, некоторые минералы. Я отнюдь не желаю призвать этим к бойкоту торговли с Советским Союзом. Нет, это вожделенная часть разрядки! Но, с другой стороны, тем предпринимателям, которые получают доходы от своей торговли, следовало бы не забывать тех, кто отдает свою работу и свободу, чтобы создавать ценности, которые экспортируются Советским Союзом, и они должны были бы делать жертвования для них.

Может быть, в связи с этим предложением и после того, что я сказал, против меня будет развернута кампания. Но я привык к этому и это не мешает мне выступать на стороне истины всякий раз, когда я только смогу.

ОТКРЫТОЕ ЗАЯВЛЕНИЕ

Весьма сожалею, но датские власти, по чисто формальным причинам, отказали мне во въезде в страну. В то же самое время семь так называемых представителей «советской интеллигенции», а на самом деле штатных сотрудников соответствующих отделов нашей отечественной госбезопасности — Чаковский и иже с ним — беспрепятственно въезжают в Данию, с тем, чтобы при помощи определенной части средств массовой информации попытаться дискредитировать международное «Слушание Сахарова».

Видимо, идея такого «Слушания» пришлась не по вкусу определенным силам даже в официальных кругах. Хочется верить, что такая позиция найдет себе достойную оценку со стороны датской общественности и всех тех, кто отстаивает в наши дни права и достоинство человека.

Желаю «Слушанию Сахарова» большого успеха и верю, что это событие будет иметь огромное значение для подлинной разрядки напряженности и действительного взаимопонимания между народами.

15. 10. 75.

Владимир Максимов

**Преследование
инакомыслящих**

Виктор Балашов

О нарушении прав человека в СССР

Милостивые государи!
Имея честь быть выслушанным Вами, как свидетель происходившего в СССР за последнее десятилетие нарушения прав, свобод и достоинства человека, я обещаю говорить единственно и всецело полную правду о событиях и о лицах, о том, что мне довелось встретить и пережить.

В начале скажу о самом себе и о своем заключении в тюрьму за интеллектуально-нравственную оппозицию идеологической диктатуре партии и политическому режиму власти в СССР.

Я родился в Москве, 10.2.1942, в семье офицера-танкостроителя, погибшего при штурме Вены, в Австрии, в 1945 г.

В 1953 г. я поступил в Суворовско-офицерский колледж г. Киева — поскольку я был сыном офицера и желал служить России в качестве офицера, как и отец.

Однако впоследствии, будучи свидетелем подавления венгерского восстания советскими тан-

ками — руками советского офицерства, — я отказался от профессиональной карьеры офицера и оставил офицерский колледж, не приняв присяги, в 1960 г.

Я вернулся в Москву, где стал работать техническим фотографом и переводчиком в бюро иностранной военной литературы Министерства обороны и Генерального штаба, одновременно поступив в Московский государственный университет, на вечернее отделение.

В 1961 г. в кругу бывших кадетов офицерского колледжа, ставших кто офицерами, кто студентами институтов и университетов или военных академий, мною была создана организация «Союз свободного разума» и написан и распространен манифест интеллектуальных свобод — как обращение к интеллигенции, офицерству и студенчеству.

Основной смысл манифеста — создание интеллектуальной оппозиции партийной диктатуре в борьбе за академические и профессиональные свободы творчества и технической интеллигенции и офицерства, а равно студенчества.

Манифест призывал к свободе философии и творчества, к идеологии и культуре, свободным от партийных догм и тотальной идеологической диктатуры власти.

В 1962 г. мы были арестованы и преданы суду по обвинению в антисоветизме. Никто из нас не признал обвинение это справедливым, ибо мы имели целью не свержение или политическое изменение режима власти, но интеллектуальное и нравственное освобождение личности и всей нации от идеологической монополии — тирании КПСС.

Десять лет я провел в политическом заключении — в тюрьмах КГБ Москвы и г. Владимира, в психиатрическом Институте имени Сербского в Москве и в лагере особо строгого режима в Потье (Мордовия). И все годы я был верен, как и мои сотоварищи, идеалам интеллектуальной и нравственной свободы совести и боролся за право на интеллектуальные занятия в тюрьме, за право быть и называться «политическим заключенным», а не государственным преступником и особо опасным рецидивистом, как именует нас советский режим и аппарат власти.

По освобождении все бывшие политзаключенные становятся пожизненными политическими ссыльными и не имеют прав свободных граждан, но постоянно находятся под административно-полицейским надзором политической полиции СССР.

Два года свободы, 1972 — 1973, я провел под полицейским государственным надзором в Закавказье, под постоянной угрозой — психологическим и политическим шантажом КГБ — быть арестованным вновь за неизменность себе и принципам интеллектуально-нравственной свободы.

Свое право на выезд, свою свободу эмигрировать из СССР я завоевал ультимативной стойкостью личных принципов в обращениях и встречах с правительственными чиновниками в Ереване.

Мои сотоварищи по организации и политическому заключению, которые пытались выехать из СССР нелегально — ибо всем тогда было отказано в выезде, — Эдуард Кузнецов, Юрий Федоров, Алексей Мурженко — вновь были арестованы и осуждены на 15 лет заключения, в

условиях полного бесправия и унижения человеческого достоинства в политических лагерях КГБ, где я отбыл все десять лет и где они отбыли до этого тоже по пять или семь лет по первому политическому делу. Из тех, с кем я был в политическом заключении и кто находится там единственно за свои политические, национальные и религиозные убеждения (и, видимо, обречены советской властью на пожизненное заключение без права и достоинства быть и называться «политическими заключенными», но — государственными преступниками, особо опасными рецидивистами), я называю лишь тех, кого встречал и лично знал в тюрьмах особого режима и в чьей нравственной чистоте и интеллектуальной совести я не смею сомневаться.

Глубоко верующие монахи-священники «истинно-православного вероисповедания»:

1. *Михаил Ершов* — 30 лет в заключении — два приговора по 25 лет (последний — в 1958 г. в г. Казани).
2. *Василий Калинин* — те же 30 лет в заключении — два приговора по 25 лет заключения.

Русские националисты — религиозные философы и верующие:

1. *Игорь Огурцов* — 15 лет заключения, с 1967 года.
2. *Владимир Осипов* — 7 лет (1962-69 гг.) и новый суд и срок.
3. *Сергей Соловьев* — 20 лет заключения: 25 лет за офицерство во Власовской РОА и 10 лет за антисоветизм.
4. *Виктор Тартынский* — 21 год заключения.

25 лет — первый «воровской» криминал. Был в «партии воров», обратился в православное христианство и по обвинению в антисоветизме приговор — 10 лет.

Литовские католики-националисты:

1. *Петрус Паулайтис* — 20 лет заключения, приговоры за антисоветизм: первый — 25 лет (освобожден) и новый — 10 лет.
2. *Людвиг Симулис* — 20 лет в заключении; приговор — 25 лет за участие в национально-освободительном движении Литвы.

Украинские националисты:

1. *Александр Воденюк* — 20 лет провел в заключении; два приговора по 10 лет — обвинение в антисоветизме.
2. *Дмитрий Синяк* — 17 лет заключения; 15 лет и новые 15 лет в 1967 г.
3. *Константин Диденко* — 15 лет заключения с 1970 г. за попытку эмигрировать во время 7-дневной войны на Ближнем Востоке.

В психиатрическом Институте им. Сербского в 1962 г. я встретил (в дальнейшем они были посланы в политический изолятор психиатрической тюрьмы Казани):

1. Писателя *Петра Стебелева*, бывшего полковника, инженера-конструктора, я знал его еще на свободе по Издательству Министерства обороны. Арестован по санкции генерального прокурора СССР за написание книги-эпопеи «Битва Народов», которую Издательство Министерства обороны отклонило и осудило как «идеологически неверную».

2. Поэта *Валентина Безымянного* — обвинен в антисоветизме за написание стихотворных эпиграмм на Политбюро.

3. Иеромонаха Михаила Ершова (упомянутого выше) — провел многие годы в психиатрической тюрьме Казани, помимо чисто тюремного заключения...

Я должен сказать о режиме содержания политических заключенных во Владимирской тюрьме, где я был с 1963 по 1966 гг., и в лагере особого режима № 10 в Потье с 1966 по 1972 гг. Это был режим — и он остается таковым и поныне для политзаключенных — голода и психологического террора, осуществляемого тюремной администрацией.

Голодный паек: 500 г хлеба в день и по сути ничего, кроме хлеба, ибо так называемый «приварок» — добавление к хлебу — совершенно несъедобен, да и сам хлеб очень низкого качества, что провоцировало постоянно заключенных на голодовки протеста.

Принудительный, по сути каторжный труд в тюрьме, ибо он оценивается *в месяц* 2 р. 50 коп. с позволением купить на эту сумму продукты в ларьке.

В лагере особого режима труд оценивается 5-10 рублями в месяц, но с правом покупать на 3-4 рубля, однако характер труда — машиностроение — весьма производителен и, по сути, государство использует в отношении политических заключенных систему рабского труда.

Система и режим заключения политических заключенных постоянно провоцирует протесты в форме голодовок, а среди бывших «уголовников», попавших в политические лагеря, — про-

тесты, выражаемые в татуировке на теле надписей вроде «Раб КПСС» или в нецензурных проклятиях советской власти, генеральным секретарям КПСС или Ленину. Подавляются эти протесты судами и расстрелами — приговорами к высшей мере — или 15 годами заключения, или же одиночным заключением и психиатрической больницей как административным возмездием за подобные протесты.

В 1963 г. за символическую попытку побега, предпринятую мною в качестве протеста против осуждения по обвинению в антисоветизме, меня приговорили отбывать свой срок в тюрьме особого режима (г. Владимир и спецтюрьма № 10 в Потьме) — вплоть до освобождения в январе 1972 года в связи с концом срока.

В 1963 году на *особом режиме* было 470 политических заключенных, в 1972 г. их уже стало 180 (вместе: во Владимирской тюрьме и в Потьме, спец. № 10).

Но лишь не более ста из них освободилось (как освободился я, по окончании срока): около 90-95 было расстреляно за протесты, попытки побега или умерли от болезней, но отнюдь не естественной смертью, так как если ты болен на «спецу», то ты обречен, ибо медицинская помощь по сути не оказывается (а если оказывается, то только как некая привилегия, с позволения КГБ). Оставшиеся сто человек были рассеяны по уголовным лагерям строгого или особо строгого режима Сибири и Потьмы и обязаны были покаяться и отречься от своего политического лица, осудить свое «преступное прошлое» и тем завоевать право быть не освобожденным, но — просто уголовным преступником.

Из 180 оставшихся — бывших в январе 1972 г. на политическом особом режиме, — более ста человек отбывших по 15 лет заключения и имеющих еще по 10-15 лет; по сути это пожизненно заключенные, ибо административный террор тюремной власти и политический шантаж КГБ провоцируют политические протесты заключенных и собственно судебные репрессии властей. Освобождение по окончании срока на особом режиме равно чуду, и когда находишься там, не верится, что такое может произойти.

Ибо каждый день на «спецу» может быть днем смерти или новым приговором и сроком каждому.

И чудо освобождения возможно, если политические жертвы советского режима известны и не забываются на свободе — в России и на Западе. И этой надеждой мы живы. Идеалом же самоотверженного служения во имя свобод, прав и достоинства человека в тюрьме или на воле является то, что делает Сахаров и те, кто, как он, верен идеалу политической свободы личности.

Благодарю за внимание к моим показаниям и надеюсь, что наши искренние свидетельства о советском режиме — враге прав и свобод человека — будут услышаны всеми, кто желает знать правду о нашей жизни в СССР.

Вопросы членов жюри и ответы свидетеля Виктора Балашова

Вопрос. По какой статье вам было предъявлено обвинение?

Ответ. Первое обвинение мне было предъявлено по 70-й и 72-й статьям, так называемые антисоветизм и организация.

Вопрос. Вас признали особо опасным рецидивистом до 1963 года или после?

Ответ. Пытались признать с самого начала, но это была моя первая судимость, поэтому попытка послать меня в тюрьму особого режима была противозаконной и суд не принял требования прокурора. Через полгода я пытался бежать, так как не признавал справедливым это обвинение, и состоялся следующий суд, который, признав меня особо опасным рецидивистом, направил в тюрьму города Владимира. Это было в 1963 году.

Вопрос. Вы родились в 1942 году и попали в колледж в 1953 году, когда вам было 11 лет. В 1956 году, по вашим словам, вы были свидетелем подавления восстания в Венгрии с участием советских офицеров. Но вам тогда было только 14 лет...

Ответ. В этом офицерском колледже, в котором я учился с 11 до 18 лет, офицеры предназначались для службы за границей (поэтому нам факультативно преподавали иностранные языки), и два офицера, мои старшие товарищи, погибли в Венгрии, подавляя это восстание. Как я уже говорил, я был косвенным свидетелем этого и знал, что та же судьба ожидает и меня. Мой товарищ, сейчас полковник специальных войск, подавлял чешское восстание, в то время, когда я был в тюрьме... Я не хотел такой же судьбы для себя, не хотел подавлять эти восстания.

Вопрос. Ваша деятельность не была направлена на изменение режима или его диквидацию, вы

боролись за интеллектуальную и духовную свободу... Объясняются ли, по-вашему, нарушения прав человека, свидетелем которых вы были, просто ошибками режима, отклонениями? Если да, то считаете ли вы, что при этом режиме могут соблюдаться права человека?

Ответ. Я считаю идеальной позицию академика Сахарова, который прошел свою одиссею, свои изменения убеждений... Вначале мы придерживались ориентации исключительно на интеллектуальную свободу. Без претензии насильственно свергнуть режим, — это остается и по сю пору. Но мы приобрели некий нравственный опыт и переориентированы были не только на духовную свободу, но и на свободу личности в режиме, на свободу личности вообще в мире, где бы то ни было: в России или вне России. Случилось так, что я не мог оставаться в России, будучи все время под давлением КГБ, т. е. любое мое выступление, любая моя активность были сопряжены с риском ареста, что и случилось с теми друзьями, которые сейчас арестованы.

Вопрос. Вы говорите, что 90-95 человек было казнено... Как вы пришли к этой цифре? И были ли среди этих 90 или 95 человек кто-нибудь из лично вам знакомых людей?

Ответ. За период моего заключения — 10 лет — погибло около 90-95 человек, почти все на моих глазах. Одни были убиты при попытке к побегу, другие — был такой контингент бывших уголовников, ставших политическими, которые делали наколки на лбу, — были расстреляны: в начальный период правления Хрущева за это расстреливали. Были люди, которым не оказывалась медицинская помощь... Другими словами,

одни умерли из-за того, что им не оказывалась медицинская помощь, другие погибли на колючей проволоке, когда пытались бежать... был один маньяк, его не отправляли в больницу, а ждали, когда он снова попытается бежать, и тогда его застрелили... Все эти люди умерли, и умерли не своей смертью. Не было никакой открытой казни, кроме того, что убивали людей, пытавшихся убежать, при этом тюремная администрация знала о побеге, она была готова к нему и убивала. Должен сказать, что когда я бежал (а я бежал не один, нас было пятеро), то был приказ по всей Мордовии — не ловить нас, а убить. Так сказать, для острастки... И нас спасло только одно: когда нас арестовали, мы говорили, что мы не беглецы.

Вопрос. В каких тюрьмах и лагерях вы были, в скольких лагерях? И сколько содержится заключенных в тех лагерях, где вы лично были?

Ответ. Я был в двух политических изоляторах, в том числе — на Лубянке. Затем меня отправили в Мордовию, потом я пытался бежать, был отправлен в новый изолятор... Во Владимирской тюрьме я был три года, соответственно, побывал и в пересыльных лагерях. Потом меня снова вернули в тюрьму особого режима № 10 в Мордовию, т. е. собственно в политических тюрьмах я был в Москве и Владимире и, в основном на строгом режиме, в Потье. Что касается числа заключенных, то в силу того, что я был на особом режиме, я мог видеть не больше тысячи человек за весь период своего заключения, кроме того полугода, когда я был на особом режиме, — тогда я видел от 10 до 15 тысяч заключенных...

Вопрос. Известно ли вам, как описывает лагерь Александр Солженицын? В какой степени отражает Солженицын лагерную реальность?

Ответ. Нынешние лагеря — это как бы продолжение того, что описывает Солженицын. Но то было его поколение, я же представляю иное поколение и иную волну протеста в Советском Союзе и должен сказать, что режим заключения иной, сейчас больше психологического террора, во времена Солженицына такого психологического террора не было. Тогда были действительно миллионы эков и они составляли единую корпорацию заключенных. А в наше время, когда весь гигантский полицейский аппарат репрессирует всего лишь десять тысяч открытых, то есть официально известных, политических заключенных, — вы чувствуете на себе давление всей полицейской системы. Что касается условий содержания, я полагаю, что сохраняется то же отношение, та же традиция: и по сейчас к заключенному относятся не как к человеку.

Вопрос. Интересно было бы узнать кое-что о практической стороне жизни. Изменилось ли что-нибудь со времен Солженицына?

Ответ. Это та же рабская жизнь, только без того культа труда, который вы можете встретить в «Одном дне...» Солженицына. Это рабский труд, и мы понимаем, что это рабский труд. А ритм тюремной жизни остается тем же, тюрьма остается столпом советского общества.

Вопрос. Во время вашего пребывания в лагерях слышали ли вы что-нибудь о человеке по имени Рауль Валленберг?

Ответ. Нет.

Вопрос. Хотелось бы узнать, в чем состоит

психиатрическое лечение, какова его цель и в каком состоянии находится заключенный после того, как его подвергнут этому лечению?

Ответ. Я встречал людей, которые были в психиатрической больнице, и были помещены туда исключительно из-за их стойкости в своих убеждениях. После этого лечения, в зависимости от его длительности, люди возвращались зачастую потерявшими свою личность. Они не хотели больше говорить о своих политических убеждениях. Иначе говоря, лечение проводится таким образом, что человека терроризируют и ему нужно какое-то время, чтобы восстановить свою нервную систему, вернувшись из психиатрической больницы.

Когда я был в Институте имени Сербского — в СССР существует традиция посылать почти всех арестованных на медицинское психиатрическое заключение — я отказался принимать там какие бы то ни было лекарства. Я был там всего месяц, но видел тех, кого действительно насильственно лечили. В отношении меня власти не прибегли к этой мере. Меня отправили в тюрьму. Я, впрочем, и сам настаивал на том, что предпочитаю отбывать свой срок в политической тюрьме, а не в психиатрической больнице. Они пошли на это. Но это тоже стоило борьбы — убедить их, что нет никаких оснований сомневаться в твоей психической полноценности. Существует соответствующая комиссия, в нее входят офицеры КГБ тоже (знаменитый проф. Лунц известен и как офицер КГБ, я его тоже встречал). Если эта комиссия признает тебя психически неполноценным, то после этого никакой отказ от лечения уже невозможен, но для этого

все же нужно решение комиссии. Вот мне и надо было убедить эту комиссию в своей психической полноценности.

Вопрос. Мы не сомневаемся, что вы говорите искренно и на основании пережитого вами опыта, но все-таки, когда вы сообщаете нам общую информацию, касающуюся политической системы, важно, чтобы эта информация носила точный характер. Вы говорите, что 90-95 человек было убито за участие в протестах и за попытки побега. Означает ли это, что эти люди были приговорены к смерти трибуналом и расстреляны? Тогда это одно дело, а убийство человека при попытке побега — это совсем другое: в конце концов во многих странах случается, что людей убивают при попытке убежать из тюрьмы. И еще вопрос: на одной странице представленного вами текста вы говорите, что ваши друзья были осуждены за свои убеждения — политические, национальные и религиозные. А на другой странице вы приводите случай Людвиг Симутиса и говорите, что он отсидел 20 лет за участие в националистическом освободительном движении. Но ведь участие в националистическом освободительном движении — это не только убеждения; во многих странах очень строго карают тех, кто стремится освободить ту или иную часть территории страны. Поэтому очень важно знать, за что, собственно, был осужден Людвиг Симутис: за свои убеждения или за стремление к национальному освобождению?

Ответ. О Людвиге Симутисе. Да, он был осужден не только за свои идеальные устремления, за идею национального освобождения. Он активно участвовал в освобождении Литвы, и это

носило даже, возможно, известный террористический характер. Но тогда он был юношей, а сейчас он считает, что действовать силой оружия было ошибочно; иначе говоря, он изменил свою позицию, он не воинствующий националист, это человек религиозный, католик. Он осуждает терроризм этого движения, но отстаивает идею национального освобождения Литвы. И именно поэтому его и держат в заключении. Его не освобождают не из-за того, что он когда-то совершил, а только потому, что он верен своим идеалам.

Далее. Некоторые из тех 90-95 человек, о которых я говорил, были казнены, это относится в первую очередь к тем, кто в качестве протеста вытатуировал на теле такие надписи, как «Раб КПСС», их казнили в 1963 году. В тот месяц, когда я находился в следственной тюрьме, рядом с моей камерой была камера смертников, в ней было семь человек, в течение месяца все они были расстреляны; во всех тюрьмах Советского Союза расстреливали только за то, что люди — и это были не политические заключенные — выразили политический протест, заявив, что они рабы системы, рабы КПСС.

Что же касается пытавшихся бежать, они были убиты, но не расстреляны, хотя в общем это носило характер расстрела, поскольку власти знали, что готовится побег, ждали, когда люди выйдут за пределы зоны, и убивали их на месте. Я полагаю, что это то же, что расстрел, это убийство, спровоцированное властями.

Вопрос. Страдали ли вы от уголовных преступников? Солженицын описывает, как уголов-

ники терроризировали политзаключенных. Вы с этим тоже сталкивались?

Ответ. Исходя из личного опыта, могу сказать, что власти — то есть полицейские власти, тюремная администрация — всегда могут использовать уголовников, но в те времена, когда сидел я, возникла несколько иная ситуация: у уголовников появилось уважение к политическим заключенным и отношение к ним было совсем не таким, как во времена Солженицына, когда всех политических заключенных называли «фашистами». Сейчас уголовники, как правило, называют политзаключенных «студентами» или «интеллектуалами»... Есть уголовники, не сотрудничающие с властями и не позволяющие использовать себя для террора политических заключенных. Бóльший террор мы испытывали от тюремной администрации. В особой тюрьме, где я был, на режиме, в дни праздников всегда на вышках были пулеметы — в ожидании эксцессов, в ожидании протеста; эти пулеметы могли «заговорить» и всякое могло случиться. Это было на протяжении всех 10 лет, и мне не верилось, что я освобожусь, как мы говорим, «по звонку», по окончании срока. Я должен сказать еще, что очень много близких мне людей, придерживающихся тех же взглядов, что и я, находятся в такой же политической тюрьме особого режима, только название изменилось: раньше это был спец. 10, теперь это, может быть, спец. 1 или 3. Иначе говоря, я, слава Богу, здесь, жив и могу отстаивать свои убеждения. Они же находятся там, и они будут находиться там до конца своей жизни, до конца советской власти, если никто и ничто им не поможет.

БАЛАШОВ Виктор, род. 10 февраля 1942 года в Москве, в семье офицера. Хотел сначала стать офицером, как отец (погибший на войне в 1945 г.), но затем подавление венгерского восстания советскими войсками заставило его изменить свое намерение. Работал в Москве техническим фотографом и переводчиком в бюро иностранной военной литературы Министерства обороны и Генерального штаба, одновременно с этим учась на вечернем отделении МГУ. В 1961 г. создал организацию «Союз свободного разума». В 1962 г. был арестован и осужден по обвинению в антисоветизме. 10 лет провел в тюрьмах Москвы и Владимира, в Институте судебной психиатрии им. Сербского и в лагере особо строгого режима в Потье (Мордовия). Выйдя из заключения, два года (1972-1973) прожил в Закавказье, под надзором властей. В декабре 1973 г. покинул Советский Союз.

Лев Квачевский

Фарс советского правосудия

В СССР принудительным трудом охвачено не менее 3,5 миллиона человек. Прямо или косвенно, они принимают участие в создании средств производства и предметов потребления (лесная, горнодобывающая, металлургическая, химическая, автомобильная промышленность). Их число не совпадает с числом заключенных в

лагерях, хотя теоретически лагеря (3000), при их вместимости от 800 до 1200 человек в каждом (новые типовые проекты, относящиеся к 1965-1968 годам), с учетом имеющихся тюрем, могли бы без труда вместить всех.

Новый способ был масштабно освоен при Хрущеве и успешно применялся в десятилетие Брежнев. Он заключался в условно-досрочном освобождении уголовников, с направлением на стройки народного хозяйства. Вероятно, расчет был на повышение производительности труда заключенных в условиях предоставления им некоторой свободы передвижения в рамках установленного района и номинально полной оплаты труда.

Так или иначе, но теперь нет такой крупной стройки, на которой не использовались бы «посланные на химию» — хрущевское название как-то закрепилось за этой категорией лиц, хотя многие из них к химии никакого отношения не имеют.

Они принимают участие в строительстве КамАЗа и БАМа, Усть-Ишима и Красноярского алюминиевого завода. Мне лично пришлось наблюдать их при пуске трех крупнейших заводов в Ленинградской области, построенных и строящихся в последние 4-5 лет. Это Киришский нефтеперерабатывающий, с биохимическим комплексом, Кингисеппский «Фосфорит» и Лужский «Белкозин».

Какую же роль играют в этой унылой картине политические узники?

Сравнительно незначительную, что определяется их численностью.

Вероятно, справедливы примерные цифры их численности — от 8 до 12 тысяч, учитывая, что многие верующие, все осужденные по статьям 190, 79 и некоторые — по 206-й, несомненно относятся к политическим.

Во многих современных советских автобусах или автомобилях, тракторах или бульдозерах — каркас руля и некоторые другие части сделаны руками политических заключенных в лагере ЖХ-385/3. В период 1969-1972 гг. все каркасы рулей делали политзаключенные.

Труд политзаключенных использовался и при производстве телевизоров на Александровском заводе Владимирской области. Однако условия труда не «подошли» большинству политических, и телевизоры выпускают сейчас без них.

Известно также о труде политзаключенных на

небольшом мебельном заводе в ЖХ-385/19 и Пермском производстве.

В целом вклад политзаключенных в «народное хозяйство» незначителен. Отсюда следует, что аресты, которые производятся органами госбезопасности — это уже не «оргнабор», как раньше (через «Тройки»), на стройки коммунизма.

Однако число политзаключенных власти скрывают.

Мало кто знает, что на каждого арестованного приходится по 10-12 «профилактируемых». В связи с тем, что этот вопрос крайне интересен, рассмотрим его подробнее.

Я утверждаю, что КГБ проводит свою работу в следующем порядке:

Оперативная служба и представители КГБ на предприятиях, в учреждениях, вузах, воинских частях и т. д. при помощи руководителей предприятий и в особенности начальников отделов кадров (чаще всего бывших чекистов) осуществляют «профилактику» граждан при первом же подозрении в нелояльности, отсекая таким образом часть «случайных» людей.

Эта же служба собирает информацию о «нелюбимых», распространяет полезную партии и правительству дезинформацию, создает досье, прослушивает телефоны и квартиры, засылает и вербует провокаторов.

«Профилактика» также позволяет КГБ извлечь часть необходимой информации. Для доказательства своего «исправления» или подтверждения лояльности «профилактируемый» должен:

а) написать покаяние на имя начальника УКГБ с полной информацией об известных ему фактах циркуляции Самиздата или высказываниях от-

дельных лиц и «добровольной» отдачей этого Самиздата, если таковой у него имеется;

б) «лучшие» из таких профилактируемых соглашаются на осведомительство.

На «худших» и не попавших под «профилактику» (как подготавливаемых сразу к аресту) заводят досье, и в конце концов они попадают в руки предварительного следствия.

Я утверждаю, что КГБ могло «предупредить» дело Ронкина и Хахаева, дело ВСХСОН (Огурцова), «самолетное» дело, не прибегая к арестам.

Но несмотря на «снижение преступности», на бумаге демонстрируемое каждый год системой МВД, ГБ и МВД, эти братья-близнецы (особенно ГБ), не заинтересованы в этом снижении. Советская система стимулирует увеличение «крупных дел», поскольку не из снижения преступности, а из всплесков ее (если нет всплесков и нет преступности, ее нужно придумать) рождаются новые штатные единицы, звания, оклады, высокие пенсии.

Итак, с одной стороны, КГБ занимается «профилактикой», с другой — «стимуляцией» (так, к Буковскому пытались подослать провокатора для организации типографии).

При такой активности оперативной службы внутреннего отдела КГБ — что же остается предварительному следствию?

Я утверждаю, что следователь не занимается выяснением вины или невиновности арестованного. Арест в СССР по политическим статьям уже служит доказательством вины.

Я утверждаю, что предварительное следствие фактически уже вершит суд, предоставляя собственно суду чисто декоративные функции.

(Мой однодевец задолго до суда знал свой срок — 3 года — и на пальцах показал его жене за два месяца до начала процесса).

Иногда суд все же решает, но не проблему вины или невиновности, а вопрос об изменении срока наказания в интервале одного года — двух лет от установленного на предварительном следствии. Но это в случае, если следствие не сумело сломить арестованного и еще рассчитывает что-то получить от него на суде.

На долю следователя выпадает еще задача «исправить» то, что не смогла сделать «профилактика».

В условиях жесткой изоляции (иногда — длительной одиночки: Зеликсон, дело «Колокола», 7 месяцев) арестованный должен убедиться в своей полной беззащитности, в безнадежности доказать что-либо (даже в таком удивительном факте, что следователь может толковать произвольно статьи УК), в том, что семье его грозят неисчислимы бедствия.

Я полагаю, что сейчас госбезопасность нигде прямо не прибегает практически к физическому воздействию, хотя — косвенно — нетрудно, например, посадить в камеру провокатора, который может избить упорствующего (на почве бытовой ссоры).

Я также утверждаю, что на стадии предварительного следствия госбезопасность не применяет сильных фармацевтических средств (вероятно, «растормаживающие» вещества даются с пищей — я сам чувствовал потребность поговорить с кем угодно, — но это не уколы, не инъекции).

Поэтому бесчисленные примеры «раскаяния»

на следствии я отношу к страху (иногда подсознательному) перед машиной КГБ, страху за свое будущее. Порою это «раскаяние» происходит в результате договоренности со следователями, которых вовсе не интересует, действительно ли арестованный изменил свои взгляды: для КГБ важно, чтобы подследственный публично заявил об этом.

В указанном случае, на предварительном следствии, материалы досье легализуют через протоколы и всё заканчивается на суде, который и палачи, и жертвы превращают в гнусную комедию. Все знают, чем эта комедия окончится (процесс Якира и Красина).

Иное дело, когда арестованный борется. Сразу выясняется некомпетентность следствия, неумение сделать что-либо, кроме как подослать провокаторов, полная неспособность переубедить в чем-либо — по косноязычию, недостатку знаний, а самое главное, в связи с полным отсутствием у следователей собственных убеждений (по ненадобности).

Профессионально госбезопасность может работать убедительно и тонко, особенно по части нарушения своих же законов, писанных в угоду неписанным инструкциям (перекрестный допрос; шантаж свидетелей, широкое использование провокаторов в камере).

Я утверждаю, что ни одно политическое дело последних 10 лет не было состряпано без провокаторов, которых подсаживают в камеры во время предварительного следствия. Привожу фамилии только по нашему процессу (в августе-декабре 1968 года): Ю. Кустов — спекулянт; П. Коган — инженер, был судим за валютные

операции и операции с платиной; А. Черненко — мелкий спекулянт; Хачатурян — валютчик; Сугробов — кажется, бывший работник УВД.

Ясно, что источник появления этих несчастных подонков соответствует высокому назначению советской пенитенциарной системы.

За весь мой 8-летний «интерес» к этой системе я не встретил ни одного «перевоспитанного», но сколько угодно неплохих людей, ставших под влиянием этой пенитенциарной системы преступниками. В широком смысле, такими их сделала сама советская власть.

Я утверждаю, что КГБ сознательно не доводит до конца всех нитей имеющихся дел: часть информации сразу же идет оперативникам для создания новых дел, часть же откладывается надолго, «про запас».

Это неудивительно, если учесть вышесказанное.

Привожу фамилии ряда работников Ленинградского УКГБ, которое считаю самым квалифицированным, но и самым гнусным отделом подобного рода.

«Украшением» его были: полковник Сыщиков (теперь «руководит» Орловской областью); капитан Кислых, ничтожество, которому повезло на первых номерах «Хроники» — сейчас он произведен в майоры, переведен в Москву (дело Красина) и скоро поднимется выше; подполковник Елесин; майор Валдайцев — наиболее умная личность в КГБ Ленинграда в 1968-69 гг.; майоры Меньшиков, Степанов, Щадный, Рябчук; капитаны Грошев, Карташов и пр.

Наряду с чугунным цинизмом, эти люди обладают комплексом неполноценности и неуверенности. Этим можно объяснить невероятные усилия

разложить морально своих подопечных в надежде сравняться с ними хоть частично.

Комедия суда всегда волнует. Каждый новый процесс несет немного надежды — а вдруг на этот раз выплывет больше правды или случится чудо: человека не загонят в лагерь, а приговорят условно. Но за «условно» нужно докатиться до подлости невиданных размеров, да и то лишь при участии в известных процессах.

Иногда есть надежда на бóльшую открытость. Но, за исключением процесса Хейфеца в Ленинграде, желающие не могут попасть на такие процессы.

В отношении судов у меня лично достаточно печальный опыт 1967 года (еще до моего процесса). Охрана КГБ тоже не дремлет. Суд — воспитательное зрелище, а потому туда водят для тренировки будущих чекистов-юристов и отборных «трудящихся» — для демонстрации доверия к суду и партии (а также к родным органам).

В этом нынешнем выступлении я говорил только от своего имени, но — помня и о тех, с кем сегодня и еще долго — в сердце своем — не смогу расстаться.

И я хочу доставить им хотя бы частичное удовлетворение — гласностью.

Нельзя, чтоб забыли, что в третий раз во Владимире находится Г. Роде, который в 1972 году там же едва не умер от перитонита.

Нельзя, чтоб забыли, что отец Борис Заливак, очень больной человек, однажды заплакал (от душевной чистоты и беспомощности) в ответ на циничное предложение владимирского чекиста Обрубова стать осведомителем.

Нельзя, чтоб забыли Зиновия Красивского — умного и жизнерадостного (несмотря на большой желудок и хромоту) человека, которого «признали» сумасшедшим и заперли в психобольницу. И Ю. Федорова, все порывающегося поголодать «за правду». И худенького Гарика Суперфина, тонкого, как соломинка. Суперфина, который знает всё на свете.

Нельзя, чтоб не вспоминали Мороза и Огурцова, независимо от того, считать их взгляды и взгляды других правильными или нет.

Я хотел бы снова повторить имена «владимирцев» — Любарского, Буковского, Бутмана, Вудки, Давидовича, Павлинова, Бондаря, Лукьяненко, Макаренко, Будулана, Здорового, Сафронова, Шамирова и других; имена «пермяков» и «потёминцев» — Кузнецова, Черновола, Светличного, Антонюка, Калынца, Хноха, Менделевича, Айришена, Навсесардяна, Шахвердяна, Пэнсона, Федорова, Мурженко; имена несчастных Белова, Терели, Чиннова, Лупиноса, Плахотнюка, Плюща. Нельзя оставаться спокойным, вспоминая лицо Сергея Ковалева — за 4 дня до его ареста.

Пристальное рассмотрение судеб этих заложников позволит хотя бы правильно оценить значение тех слов о свободе, демократии и социализме, которые ежедневно и ежечасно можно услышать в эфире на русском языке.

КВАЧЕВСКИЙ Лев, биохимик. В августе 1968 г. был арестован, в декабре того же года суд приговорил его «за антисоветскую агитацию и пропаганду» к четырем годам строгого режима. Сначала он отбывал свой срок в одном из мордовских концлагерей, а затем, с мая 1970 г., в знаменитой Владимирской тюрьме.

Борис Шрагин

О преступлениях советского режима против права человека на труд

Говоря о преследовании инакомыслящих в Советском Союзе, А. Д. Сахаров написал в своей брошюре «О стране и мире»: «Наряду с судебными преследованиями инакомыслящих, очень существенны внесудебные увольнения с работы, препятствия к получению образования и работы с детьми и т. д. Мне кажется, — добавил

Андрей Дмитриевич, — что на Западе очень плохо понимают, насколько все это серьезно в нашем тоталитарном государстве» (стр. 31).

Увольнения инакомыслящих с работы — тема, избранная мной для свидетельства. Разумеется, в Советском Союзе существуют несравненно более жестокие методы шантажа и террора, подавления свободы слова и мнений. Но увольнения с работы оказались удобны и результативны для правительства. Они не нуждаются в судебной процедуре и меньше привлекают внимание общественности. Они содержат неисчерпаемые возможности для бесконтрольности и издевательств

над жертвой. Именно страхом потерять работу — причем, не на время, а практически навсегда — объясняется молчаливая покорность общественного мнения внутри страны. Как верно заметил Андрей Дмитриевич, увольнение с работы по идеологическим мотивам в стране, где всякая служба, все источники заработка сосредоточены в руках государства, — это совсем не то, что может случиться на Западе. Тут с особой очевидностью обнаруживается опасность так называемого «социализма», если он приводит к сосредоточению всей полноты власти в одних безответственных руках. Об этом до сих пор мало говорилось и поэтому я хочу привлечь внимание общественности к этому потаенному уголку советской системы, к ее преступлениям против права каждого человека трудиться в соответствии с уровнем его образования и способностей.

Я выбрал эту тему также и потому, что сам оказался лишенным работы по идеологическим мотивам, что той же мере незаконных преследований были подвергнуты многие из моих ближайших друзей. Так что в данном случае я могу с полной ответственностью свидетельствовать о том, что я видел собственными глазами, что я знаю непосредственно от жертв данного рода преследований.

Начну с себя.

17 апреля 1968 года я получил приказ об увольнении с работы из Института истории искусств «ввиду несоответствия требованиям, предъявляемым к научным работникам идеологического характера». Эта не совсем грамотная по-русски формулировка означала, что мне выражается политическое недоверие, а потому я лишался воз-

возможности и права впредь заниматься философией искусства, своей профессией. Не умея грамотно писать по-русски, как видно из той же формулировки, не только можно быть «научным работником идеологического характера», но и директором Института истории искусств. Так или иначе, но с тех пор я не имел работы вплоть до того, как вынужден был навсегда покинуть страну в марте 1974 года. Таким образом, шесть лет я был без работы. Но если б я не уехал, то оставался бы безработным до конца дней своих.

Только на несколько месяцев меня взяли на работу в Институт художественной промышленности, где я с 1957 года преподавал аспирантам эстетику. После того как меня выгнали оттуда без всяких объяснений, стало очевидно, что за моей судьбой не перестают следить с единственной целью не дать мне спокойно жить и работать.

В чем же была моя вина? Я, вместе с 11 другими советскими гражданами, послал Будапештскому совещанию компартий письмо, в котором говорилось о нарушении прав человека в Советском Союзе. Между прочим, говорилось там и о незаконных увольнениях с работы. Кроме того, вместе с 67 московскими учеными, я подписал письмо о хулиганстве властей на судебном процессе Галанскова, Гинзбурга и других. Это письмо было послано генеральному прокурору СССР и в Верховный суд СССР. И вот я своими глазами видел ксерокс с нашего письма со штампом Верховного суда СССР, который, вместо того, чтобы разобраться в деле, послал его по месту работы подписавших — с тем, чтобы там им заткнули рот. Надо сказать, что секретарь пар-

тийного бюро Института истории искусств, известный театровед, доктор искусствоведения Ю. А. Дмитриевич старался получить от меня отказ от этих подписей и заявление, в котором я должен был признать, будто был введен в заблуждение буржуазной пропагандой, а на самом деле никаких нарушений в Советском Союзе нет. Увольнение с работы выдвигалось тогда как предложенная мне альтернатива, — фактически как средство шантажа. Никаких аргументов для опровержения сообщенных в письмах сведений, кроме этой угрозы лишить меня работы, не было. И когда я сказал, что это бесчестно, меня уволили.

Но, кроме Института истории искусств, я был уволен с Высших сценарных и режиссерских курсов, где читал лекции по эстетике. Все мои работы, которые находились тогда в издательствах, были изъяты из печати. Больше меня никогда в Советском Союзе не печатали, хотя до этого каждый год в центральных журналах появлялось по несколько моих статей.

Еще раньше меня, за подписание тех же писем, был уволен из Института народов Азии кандидат филологических наук Ю. Я. Глазов. Чтобы изгнать его также и из Московского университета, там, посреди занятий, был прекращен курс томильского языка, который мог преподавать только Глазов. Ю. Я. Глазов, отец троих детей, после своего увольнения тяжело заболел и еле выжил. Тем не менее его вызывали в милицию, допрашивали, требовали, чтобы он немедленно нашел работу, угрожая в противном случае выслать из Москвы как тунеядца. Разумеется, нико-

му и дела не было до того, что его лишили работы, что ему не дают работать.

На это обстоятельство я хочу обратить ваше внимание особо. Человек, лишенный права трудиться по своей профессии, живет в Советском Союзе еще и под постоянной угрозой новых и более жестоких преследований за то, что он не работает. Так как увольнения по идеологическим мотивам незаконны, то сами государственные органы не хотят и не считают нужным признавать их как факт.

Ю. Я. Глазов эмигрировал, так и не получив работы в Советском Союзе. Теперь он возглавляет отдел в Дальхаузском университете в Канаде.

Из Института истории искусств несколько позже меня был изгнан Л. З. Копелев, кандидат филологических наук, один из крупнейших у нас специалистов по немецкой литературе. В этом случае причиной послужила статья, которую он опубликовал в австрийской коммунистической газете и в которой он доказывал, что возрождение сталинизма в Советском Союзе невозможно. С тех пор Копелев не имеет постоянного заработка, его не печатают. При Сталине он провел десять лет в концентрационном лагере.

Одновременно со мной из издательства «Искусство» были уволены два молодых редактора — Александр Морозов и Дмитрий Муравьев. Причиной было подписание ими все того же письма с протестом против приговора суда по делу Галанскова и других. Но формально их уволили как якобы плохих работников. И суд подтвердил это увольнение, хотя никаких доказательств у дирекции издательства не было. С

тех пор оба эти человека не могут получить работы. Жизнь их сломана. Дмитрий Муравьев к тому же очень больной человек — у него бывают эпилептические припадки.

Я мог бы перечислить еще очень много таких случаев. И, если это потребуется, готов это сделать.

Но я хочу спросить вас: за что нас преследовали? Нас объявили политически неблагонадежными. Но почему? Не потому, что мы высказывали несогласие с идеологией советского государства, с тем, что провозглашается вслух, а потому, что мы громко говорили о преступлениях режима, которые должны оставаться втайне. Помалкивать, когда видишь несправедливость, совершаемую государством, — вот что значит быть идеологически благонадежным, вот что гарантирует право на труд в Советском Союзе.

Когда поднялась кампания несправедливых обвинений против Андрея Дмитриевича Сахарова, только несколько человек подняли голос в его защиту. Среди них был я и Павел Литвинов, но нам нечего было терять. Мы уже были без работы. Но вот заявление в поддержку Сахарова, очень спокойное и умеренное по тону, сделал доктор физико-математических наук Валентин Турчин. Райком партии сразу потребовал его увольнения. Но дирекция учреждения, в котором он работал, объяснила, что не может без Турчина обойтись. Его лишь понизили в должности и постарались взять от него все, что могли (таков уж был компромисс, достигнутый между райкомом партии и дирекцией). Потом его все-таки выгнали с работы. И он не может работать и по сей день. Характерно, что когда Турчин получил

приглашение на работу в Колумбийский университет, ему было отказано в визе. Человек, который хочет жить в мире со своей совестью, должен знать, что его положение при советском порядке вещей безвыходно.

Такая же судьба постигла и Юрия Федоровича Орлова, крупного физика, члена-корреспондента Армянской Академии наук. Когда началась газетная кампания против академика А. Д. Сахарова, он обратился с открытым письмом к Брежневу, но вместо ответа был лишен работы. Напомню вам, если это нуждается в напоминании, что для ученого работа — это не просто вопрос заработка, но и вопрос жизни, смысла жизни.

Пусть поэтому не удивляются, что большинство интеллектуалов в нашей стране молчит, хотя видит то же самое, что мы видели, хотя знает то же самое, что мы знаем. Они затерроризированы, они боятся потерять работу. Вот — цена их покорности, их молчания. Вот почему в Советском Союзе все говорят одно и то же и никогда не критикуют правительство. Те же, голос которых вы иногда слышите, идут на жертву своей работой, хлебом своих детей.

Впрочем, иногда и смолчать оказывается недостаточно — надо еще говорить, что прикажут, а не то выгонят с работы. Совсем недавно один из сотрудников Издательства социально-экономической литературы «Мысль» объявил о своем желании эмигрировать в Израиль. Дирекция издательства предложила сотрудникам осудить его поступок как измену родине. Когда работники отдела историко-философской литературы отказались это сделать, отдел был закрыт, а шесть его сотрудников выброшены на улицу.

Та же судьба, та же бессрочная безработица ожидает и тех, кто возвращается из лагерей и ссылок. Не могу здесь не сказать о Константине Бабицком, кандидате филологических наук, бывшем сотруднике Института русского языка Академии наук, который отбыл ссылку за участие в демонстрации против вторжения советских войск в Чехословакию, но до сих пор не имеет возможности заниматься своей наукой.

В Конституции Советского Союза сказано, что в этом государстве осуществлен принцип социализма: «от каждого по способностям, каждому по его труду». Это — ложь. Разве нет способностей у всех тех, кого я здесь перечислил, и еще многих, подвергшихся той же участи? В Советском Союзе готовы удушить любые способности, если недостает одной — бесчестности и готовности соучаствовать в преступлениях, которые совершает правительство против своих граждан.

Или кто-нибудь может сделать из всего изложенного иной вывод?

И, наконец, последнее.

Советское правительство подписало и ратифицировало «Конвенцию № 111 относительно дискриминации в области труда и занятий» в системе Международной Организации Труда (МОТ). Статья 2 этой Конвенции гласит: «Каждый член организации, в отношении которого действует настоящая Конвенция, обязуется провозгласить и проводить национальную политику, направленную... на поощрение равенства возможностей и обращения в отношении труда и занятий с целью искоренения всякой дискриминации в этой области» (см. «Сборник действующих договоров

и конвенций, заключенных СССР с иностранными государствами». Министерство иностранных дел СССР. Выпуск XXII, М., 1967).

Я хотел бы через присутствующих здесь журналистов обратиться к Международной Организации Труда и спросить эту уважаемую мной организацию: что вы думаете по поводу того, что правительство СССР не только не выполняет взятых на себя обязательств по борьбе с дискриминацией в области труда, но сделало такую дискриминацию принципом своей внутренней политики? как вы миритесь с тем, что вас используют как дымовую завесу для своих дискриминационных действий? неужто и вы боитесь, что вас уволят с работы?

Вопросы членов жюри и ответы свидетеля Бориса Шрагина

Вопрос. 1) Уволили ли вас сразу или по прошествии какого-то времени? 2) Пробовали ли вы или кто-нибудь из ваших знакомых, коллег, обратиться в суд? — ведь вы говорите, что это решение об увольнении было противозаконно...

Ответ. Отвечаю на первый вопрос. Между моим поступком и увольнением с работы прошло какое-то время. Дело в том, что тогда я был членом партии, более того, я был членом партийного бюро своего института. Таким образом, первое, с чего началась моя история — было заведено так называемое партийное персональное дело. Меня и еще троих членов нашей партийной организации исключили из партии. Причем и в

процессе этого исключения, и позднее от нас добивались того, чтобы мы признали неправоту своих утверждений. Я бы сказал, что нас не столько хотели подвергнуть наказанию, сколько, шантажируя этим наказанием, хотели добиться от нас какого-то заявления для печати, которое дезавуировало бы то же самое «Письмо 12-ти» и многочисленные протесты по поводу процесса Гинзбурга. Когда мы отказались это сделать, мы были уволены.

Вопрос. Я хочу уточнить: дали ли вам три месяца или еще сколько-нибудь времени для поисков новой работы? В течение какого срока вы еще получали зарплату?

Ответ. По закону, в моем случае (я не знаю общих правил) об увольнении следовало меня предупредить за две недели. Но директор и здесь хотел меня как-то ущемить, т. к. не хотел платить мне зарплату за эти две недели. Но я протестовал, и он должен был уступить.

Второй вопрос — обращение в суд. Дело в том, что это довольно сложная вещь, и ее очень трудно объяснить, потому что в Советском Союзе есть очень много законов и есть даже правило формально их соблюдать. Но так же формально их умеют и не соблюдать. То есть происходит свободная трактовка этих законов. В частности, в моем случае был такой инцидент; когда директор института подписал приказ о моем увольнении, то заведующая канцелярской частью просто отказалась внести этот приказ в реестр приказов, потому что увольнение научного сотрудника, если речь идет о его квалификации, по советским законам, может быть произведено только решением Ученого совета этого инсти-

туда. Однако директор института позвонил секретарю Свердловского райкома партии и сказал, что, вот, незаконно это увольнение. Тогда секретарь райкома партии позвонил районному судье и спросил, примет ли он мою жалобу к рассмотрению? Тот ему сказал, что поскольку решение о компетенции научного сотрудника может вынести только Ученый совет, суд не примет мою жалобу к рассмотрению. Так что это всё было похоже на сделку того типа, что очень часто показывают в американских гангстерских фильмах, — гангстерскую сделку. Но в некоторых случаях в 1968 году некоторым из людей, подписавших письма протеста, удалось добиться рассмотрения в суде своего дела. Для этого они должны были — по требованию адвоката — снять всякие идеологические мотивировки: речь должна была идти просто о том, что человека уволили, а о реальных мотивах этого не должно было говориться, потому что обычно людей и не увольняли за идеологические грехи, а говорили, что они не выполняют план, что они не квалифицированы и т. д. Я говорил уже о случае Муравьева и Морозова, я присутствовал на этом суде. Еще был случай с редактором издательства «Наука», Людмилой Алексеевой, которая тоже была уволена в то время, и суд подтвердил решение ее дирекции. Но в одном случае суд отменил решение, это был очень интересный случай — супругов Айхенвальд. Они оба были школьными учителями; в это время проходила районная конференция учителей. И участникам этой конференции было сообщено, что супруги Айхенвальд подписали клеветническое письмо; тогда вся конференция потребовала их увольне-

ния — и их уволили. Но это было нарушением всяких норм: такое собрание не имеет права решать вопрос об увольнении, поэтому их и восстановили на работе.

Вопрос. Если я правильно понял, вы в суд не обращались. А было ли решение Ученого совета о том, что ваш директор поступил правильно?

Ответ. Решения Ученого совета не было, что было противозаконно. Однако ситуация была тогда такова, что если бы Ученый совет был собран, то он проголосовал бы в мою пользу. Это было очевидно, поэтому дирекция и более высокие инстанции постарались этого избежать. Однако когда увольняли Юрия Глазова, то в Институте народов Азии он был снят с работы решением Ученого совета.

Вопрос. Вы не пробовали использовать этот формальный момент? Вы просто смирились с этим решением?

Ответ. Нет, я не смирился. Я консультировался с юристами; в моем случае, действительно, Ученый совет не собрался, но я сам не мог его собрать. Я мог просить министра культуры, которому подчиняется наш институт, чтобы он лично собрал Ученый совет, либо отменил этот приказ, что я и сделал. Но мне ответили, что было всё правильно. Кроме того, я апеллировал в профсоюзную организацию, и там мне ответили, что она не может вмешиваться в этот спор. У меня есть оба эти документа: и мое заявление в профсоюз, и ответ.

Вопрос. Были ли попытки привлечь вас в принудительном порядке к труду, когда вы были без работы?

Ответ. Нет, у меня лично таких конфликтов

не было. Дело в том, что в таком положении, как я, находится много людей. Важно не зарабатывать себе на жизнь, а иметь какую-то формальную справку. Я, кроме того, что работал в Институте истории искусств, еще был преподавателем в нескольких местах в Москве. Меня отовсюду изгнали с этой работы, за исключением одного маленького института, Института художественной промышленности, где я много лет до этого вел группу с аспирантами по эстетике. Меня оставили на этой работе. Я там получал примерно 20 рублей в месяц. Но если мне требовалась справка, то я получал прекрасную справку, что я являюсь преподавателем эстетики в этом институте. Это меня спасло от излишних конфликтов. Ну, а впоследствии дирекция этого института попыталась меня взять на работу, но очень скоро они меня и выгнали с работы и отстранили от преподавания в аспирантуре, так что последнее время даже этой весьма эфемерной юридической защиты я не имел.

Вопрос. Нет никакого сомнения, что г-н Шрагин поднял несколько очень важных вопросов, привлек наше внимание к очень-очень важным темам. Взамен тех методов, которые использовались ранее, все большее распространение получает метод увольнения — вместо пыток, тюремного заключения и т. д. Очень важно, конечно, знать об этом. Такого рода явления наблюдаются в Чили. А теперь г-н Шрагин говорит нам, что это практикуется и в Советском Союзе. У меня только два вопроса в дополнение к уже сказанному г-ном Шрагиным. На стр. 2 его заявления приведена цитата. Но это, видимо, не цитата из официального документа, а изложение

мнения самого г-на Шрагина, поскольку на следующей странице сказано, что увольнение с работы по идеологическим соображениям не является легальным и власти не признают сам факт такого увольнения. Я хотел бы уточнить, правильно ли я вас понял?

Ответ. Цитата, которую я привел, это цитата из реального приказа, подписанного директором моего института, так что я не ответствен за эту формулировку, вы можете ее отнести за счет юридической неграмотности моего директора, как, впрочем, она неграмотна и с точки зрения русского языка. Дело в том, что Советский Союз — это система, в которой существует (я тут уж, простите, должен говорить, как философ) система двойного сознания. Одно всегда говорится, а другое подразумевается. Естественно, что мой директор в данном случае высказал то, что обычно подразумевается, потому что, как я говорил, формально находятся обычно какие-то другие мотивы для увольнения. Поэтому то противоречие, которое вы совершенно справедливо усмотрели в моих показаниях, — не мое противоречие, а противоречие самой этой системы.

Вопрос. В начале выступления вы сказали, что увольнение по идеологическим мотивам юридически неприемлемо для советских властей и не признается ими, а затем вы утверждаете, что это осуществляется на практике в Советском Союзе. Не можете ли вы поподробнее осветить именно этот аспект?

Ответ. В СССР существуют неплохие законы, как известно, у нас существует Конституция, которая дает право гражданам на свободу слова, собраний, демонстраций, на свободу совести и

т. д. Однако эти законы советского государства систематически нарушаются советскими же органами власти. В этом сложность всей проблемы. Поэтому, если мы будем смотреть на юридический фасад нашего государства, мы будем видеть очень репрезентативную картину, которая и показывается обычно западному миру. Но жизнь советских граждан — не этот разукрашенный фасад, они живут в подвалах этого здания, и они знают, что нет свободы слова, нет свободы собраний, что есть дискриминация, что любое выступление, вступающее в противоречие с теми или иными сторонами этой системы, влечет для человека неисчислимы бедствия. И поэтому, именно поэтому, благодаря этому знанию, которое вбито в голову каждого советского человека, эта страна всегда единомыслена и единогласна.

Замечание одного из членов жюри. Здесь сказали об увольнении по политическим и идеологическим соображениям в Советском Союзе и в Чили. Я хотел бы упомянуть, что за последние 5-6 лет несколько сот тысяч лиц были уволены по тем же причинам в Чехословакии, и поэтому такая дискриминация — это чрезвычайно широко распространенное явление. Я сам был уволен по тем же причинам и оставался безработным в продолжение трех-четырех лет.

ШРАГИН Борис, род. в 1926 году. В 1949 г. окончил философский факультет Московского университета, с 1966 г. — кандидат философских наук. С 1958 по 1968 гг. работал в московском Институте истории искусств, откуда в апреле 1968 г. был уволен за подписание писем протеста против нарушения прав человека в Советском Союзе. После этого устроиться на работу уже не мог и в марте 1974 г. был вынужден навсегда покинуть Советский Союз.

Александр Варди

О нарушении в СССР права детей на воспитание в духе гуманизма

Я говорю за тех, кто не может отстаивать свои права — за 9,5 миллиона детей, находящихся сейчас в советских детясях, детсадах, в детдомах и в интернатах спецшкол, за других учащихся и за всех тех, чье воспитание было программировано в прошлом советской системой. Мое выступление сводится, главным образом,

к защите гражданских прав советских детей, имеющих естественное право на гуманное воспитание, на гармоничное развитие, на избавление от ранней воинской муштры, оглупления ненавистью, превращение в слепое орудие агрессивности антинародной диктатуры, рвущейся к захвату мира.

Коммунистические правители разжигают отрицательные эмоции, в особенности — разные формы ненависти: ненависть к некоммунистическим идеям, культурам, обществам, государствам, классам

вую, партийную, политическую и межнациональную ненависть.

Искривление человеческих душ, воспитание нетерпимости, ненависти, беспощадности, агрессивности начинается уже в дошкольных учреждениях коммунистических стран, главным образом, в Советском Союзе.

В 1971 году в издательстве Гохвайт в Бонне — Бад-Годесберге вышла книга Ольги Правосудович под названием «Немцы в советских журналах для детей» (92 страницы). Правосудович сделала обзор и анализ содержания двух советских журналов, изданных ЦК комсомола за 5 лет — с 1966 по 1970 включительно. Название журнала для дошкольников — «Веселые Картинки», а для 7-9-летних детей — «Мурзилка».

Правосудович включила в свою книгу 30 иллюстраций (перепечатки из упомянутых журналов). Она показала, что даже маленьких детей, даже не умеющих еще читать, воспитывают в духе ненависти к немцам-фашистам. Причем эти слова преподносят как синонимы народов стран Запада — блока НАТО. Одновременно в этих журналах творят культ солдата, воспевают, возвеличивают войну, поимку заключенных и вообще «врагов» при помощи собак, воспевают боевитость, то есть агрессивность и беспощадность, слепое подчинение, так называемую беззаветную веру в вождей и преданность им до последнего вздоха.

Детские игрушки — это главным образом военная техника. Куклы в военной форме и доспехах. Детские игры — главным образом военные. Книжки для самых маленьких, и для подростков, и для молодежи полны жестоких небылиц.

В них воспевают чекистов, войну, шпионаж и контршпионаж, ненависть и беспощадность к врагам. Враги, то есть американские и другие «империалисты», «колонизаторы», «фашисты» и тому подобные ископаемые жупелы, изображаются так, что в детской психике возникает и закрепляется истерическая ненависть к Западу.

Характерно, в связи с этим, письмо читательницы «Литературной газеты», опубликованное в этой газете 29 августа 1973 года. Вот это письмо:

«Уважаемая редакция! Собираясь в гости, где есть мальчик, я решила купить для него сказку «Чудесный родник». Но прежде чем подарить книгу, я решила сама прочесть ее. После прочтения я пришла в ужас. Если нужно воспитать в маленьком человеке садиста, так эта детская сказка легко справится с такой задачей. Она научит, как отрезать язык, выколоть глаза и отрубить пальцы на руках. Очень неприятно читать такую сказку взрослому человеку, а дети иногда сказки принимают за действительность. Как можно выпускать такие книги для детей? Агафова. Ленинград».

Комментарии излишни.

Ненависть к инакомыслящим, к ноосфере и порядкам в открытых демократических обществах продолжают разжигать во всех школах — от начальных до высших, а также на собраниях, митингах, политбеседах, лекциях, в кружках (на семинарах), на политзанятиях по месту работы и жительства (для домохозяек), в армии, в военизированных организациях, даже в концлагерях, и так далее.

Практически все это преломляется в душах людей так, что объектами воспаленной, не толь-

ко разрешенной, но и одобряемой, обязательной ненависти становятся часто люди из ближнего окружения. Врагами, недостойными пощады, становятся в представлении детей кошки и собаки, так как, мол, они разносят нечистоты, воробьи, так как они «воруют на полях» столь дефицитное в СССР зерно, и т. д.

Садизм чекистов всех рангов и мастей, а также чинов милиции, прокуратуры, судов и т. п. — это, в значительной мере, следствие многолетнего принудительного воспитания советских граждан, с самого раннего детства, в духе воспаленной ненависти к тем, кого приказано ненавидеть, уничтожать.

Ненависть порождает жестокость, а жестокость — ненависть.

Конечно, патологическая беспощадность чекистов и другого советского начальства вызывала и вызывает ответную ненависть жертв диктатуры к пытателям, казненным массовым убийцам и мучителям.

Вследствие всего этого ноосфера советского общества все более насыщается отрицательными эмоциями. Это — ноосфера inferнального, катастрофического коммунистического общества.

Неудивительно, что советское общество живет в условиях непрерывного шока и стресса от проявлений крайней жестокости. И есть об этом немало сообщений даже в советской печати. В этой печати хоть изредка, но всё же жалуются, что дети на школьных переменах вешают собак, живьем сжигают кошек, облитых бензином, выкалывают глаза птенцам, калечат друг друга и т. д. Если бы это не было массовым явлением, газеты не проронили бы об этом ни слова. Так

называемые «немотивированные преступления», в том числе убийства, стали частым явлением. Ненависть к Западу, к инакомыслящим разжигается и советским кино, телевидением, в театрах, по радио, в книгах, в периодической печати. Вот несколько примеров. Начнем с Ленина. Его произведения, конечно, сейчас актуальны в СССР. В письме наркому юстиции Курскому Ленин писал в 1922 году: «Суд не должен устранить террор, обещать это было бы самообманом, а узаконить террор официально, ясно, без фальши и прикрас. Формулировать надо как можно шире, ибо только революционное правосознание и революционная совесть поставят условия применения террора на деле более или менее широко».

Как известно, официальный государственный террор — это проявление не здравомыслящего цивилизованного сознания, а реализация ненависти. Советские правители не только призывают к ненависти, они заставляют ненавидеть.

В передовой статье органа ЦК КПСС газете «Советская Россия», в номере от 11-го марта 1969 года, читаем:

«Нужно воспитывать у советских людей ненависть, жгучую ненависть к тем, кто пытается ослабить наше могущество».

Разве это не то же самое, что практиковали в Океании, которую описал Орвелл в книге «1984»?

Как и в Океании, советские правители разжигают ненависть к инакомыслящим и к другим государствам. На экранах кинотеатров идет множество антиамериканских и вообще антидемократических, антизападных фильмов. Вот названия некоторых из них: «Нейтральные воды»,

«Богатырь идет в Марто», «В мирные дни», «Тайна двух океанов», «Тайна вечной ночи», «Командир корабля» и множество других.

В советских театрах ставят пьесы, возбуждающие ненависть к Соединенным Штатам Америки, к Федеративной Республике Германии и другим высокоразвитым демократическим государствам. Я имею в виду, например, такие советские пьесы, как «Три минуты Мэрилина Грау» (автор — Боровик), «Обратный счет» (автор — Рамзин), «Дорогой мальчик» (автор — Михалков), «Под кожей статуи Свободы» (автор — Евтушенко).

В марте и апреле текущего года, в связи с убийством короля Саудовской Аравии Фейсала, в советских органах массовой информации «провернули» очередную антиамериканскую кампанию. Давали понять, что убийство Фейсала — дело рук ЦРУ. Это вызвало официальный протест Госдепартамента.

В органе Верховного Совета СССР газете «Известия» 24 августа текущего года напечатана статья Михайлова «Фашистские оборотни». Михайлов убеждал советских читателей, что если Англия еще не полностью в руках «бешеных», то вот-вот станет их жертвой. Михайлов раздувает, как обычно, жупел мировой, сионистской опасности. Он пишет, в частности, о неких «сионистских штурмовых отрядах» в США и в странах Западной Европы, которые, мол, осуществляют тотальное «устрашение».

Вообще, официальный советский антиеврейский шовинизм, выступающий сейчас в форме истерического антисионизма, принадлежит к числу самых тяжких и позорных преступлений совет-

ских правителей против человечности и человечества.

Есть множество известных международной общественности явлений, которые ясно показывают, что советский антисионизм — это использование в империалистических и внутривосточных темных, преступных целях разжигания ненависти к евреям. Внутри страны — это абсолютный абсурд возложения на евреев ответственности за ужасающие преступления режима. И это средство разжигания ненависти к Западу, а также пропагандная подготовка к возможной прямой агрессии на Ближнем Востоке — к высадке там советских войск. В международной политике — это демагогическая завеса для прикрытия коммунистического экспансионизма и отравление ненавистью психики арабов с целью захвата Ближнего Востока и нанесения Западу решающего флангового удара.

Подготовка к войне или войнам определяет всю жизнь советского общества. Разжигание ненависти к Западу — одна из важнейших составляющих этой подготовки. О советской гонке вооружений и экспорте советского оружия знают многие. Менее известна тотальность военного обучения населения. Например, в средних школах каждый учащийся сдает несколько экзаменов по программе «Готов к труду и обороне». На уроках военной подготовки дети стреляют из боевого оружия. Читайте, например, в «Литературной газете» за 21 и 28 мая текущего года очерк Чайковской о том, как школьница из ревности убила мальчика из своего класса в школьном тире на уроке стрельбы из боевых винтовок. В «Комсомольской правде» за 31 июля текущего

года на первой странице дан отчет о всесоюзных военных маневрах военизированной организации «Орленок». На фотографиях — мальчики и девочки в военной форме с автоматами Калашникова, гранатами и другим снаряжением преодолевают препятствия в ходе «боя». Пролистайте советские газеты. Прочитайте заголовки. Вы увидите, как военизирован советский язык. Всё там: «фронт», «атака», «разведка боем», «фронтальное наступление». Даже прополку колхозных огородов называют «прополочным фронтом». Посмотрите фотомонтажи, изображающие американских солдат. Вы увидите лица дегенератов. Уроки Геббельса и Штрайхера в Москве не забыли. Смотрите, например, фотографии в «Комсомольской правде» за 4 января 1973 года.

Рой Медведев в статье «Еще раз о демократизации и разрядке», опубликованной, в частности, «Свободой» (№ 1680), а также ЮПИ 28 апреля 1974 года, «Нью-Йорк таймс» и «Вашингтон пост» 29 апреля 1974 года, писал:

«Как правило, простые люди в нашей стране поверили в распространяемую советской печатью версию о готовящемся вторжении в Чехословакию войск ФРГ и НАТО».

Подобную дезинформацию советские правители распространяли и во время вторжения в Венгрию в ноябре 1956 года, и накануне готовившейся высадки советских войск в Синае в октябре 1973 года. Вашингтон привел тогда свои вооруженные силы в состояние боевой готовности, и это предотвратило советскую агрессию.

Вот как определяют советские правители мирное сосуществование в учебнике для высших школ СССР «Марксистско-ленинская философия.

Диалектический материализм», Москва, издательство «Мысль». Это — внутренняя установка, не на экспорт. На странице 171 читаем:

«Мирное сосуществование не означает отказа от революционного преобразования общества, это не пассивное выжидание автоматического краха империализма. Мирное сосуществование в современных условиях выступает наиболее концентрированным выражением классовой борьбы в международном масштабе».

Как видим, не для подлинного мирного сосуществования, а для агрессивной войны разжигают правители в советском народе ненависть к другим идеям, культурам, народам, государствам. Советские правители пользуются тем, что превратили советское общество в изолированное, закрытое, или как писал Солженицын, в «оглушенную зону».

В Нобелевской лекции по литературе (смотрите «Ежегодник Нобелевского фонда» за 1972 год) Александр Солженицын писал:

«Внутри оглушенной зоны живут как бы не жители Земли, а марсианский корпус; они толком ничего не знают об остальной Земле и готовы пойти топтать ее в святой уверенности, что освобождают».

Об этой опасности предупредили мир также Орлов, Турчин и Татьяна Ходорович в «Обращении к общественности западных стран» (Москва, 21 апреля 1975 г. Публикация «Свободы» № 2160), а также Михайлов в статье «Открытое письмо братьям Медведевым» (Москва, январь 1974 г. Публикация «Свободы» № 1548).

Как видим, разжигание советскими правителями ненависти к инакомыслящим и Западу —

далеко не только внутреннее дело Советского Союза. Ведь, как учит история, разжигание ненависти — это важнейшая предпосылка осуществления агрессии. Людей, не отравленных ненавистью, трудно бросить в огонь войны, трудно заставить умирать во имя создания на земле орвелловского мира, планетарной тюрьмы народов.

Человеконенавистническая практика советских правителей, разжигающая ненависть к другим, угрожает всему человечеству.

Смысл и цель моего выступления в том, что в СССР нарушаются права человека в сфере воспитания и образования.

Дети имеют право на воспитание в духе гуманизма. Дети и родители, все общество — вправе противостоять тому, чтобы из ребенка воспитывали злобное существо, оболваненное казенной идеологией ненависти к инакомыслящим, к другим культурам, мировоззрениям, общественным порядкам, нациям, государствам.

Люди имеют право добиваться гуманизации Человека и общества и бороться с демонизацией жизни, с превращением ее в побоище, вдохновленное очередным в истории человечества идеологическим заблуждением, очередной эпидемией массовой агрессивности и самоубийственного безумия. Люди имеют право на жизнь без массовой индуцированной ненависти, ведущей к светопреставлению.

Вопросы членов жюри и ответы свидетеля Александра Варди

Вопрос. Не можете ли вы рассказать поподробнее о книге чл.-корр. АН Украины Кичко?

Ответ. Книга Кичко издана на двух языках: по-русски и по-украински. У меня при себе этой книги нет, но фотографии, которые в ней есть, высказывания из этой книги обошли всю мировую печать, и широкая общественность признала, что все эти разговоры о реакционности иудаизма, и о желании сионистов захватить весь мир, обеспечить мировое господство — это старая ложь, которая распространялась еще черносотенцами в конце прошлого века, потом подхвачена была немецким фюрером и сейчас опять-таки продолжает попадаться в советских публикациях. Я могу вам здесь их привести, они у меня под рукой. Книга осуждена мировой общественностью как чисто расистская, антиеврейско-шовинистическая, но она распространяется и дальше в Советском Союзе. Она есть и не изъята из библиотек.

Вопрос. Права человека не должны быть жертвой пропаганды, поэтому проблемы, поднятые вами, г-н Варди, очень важны. Проблемы, которые вы рассматриваете, составляют также важную часть соглашения в Хельсинки, которое открывает путь к сосуществованию и к которому присоединились, в частности, и СССР, и скандинавские страны. Это — выход из затронутых вами проблем. Мне представляется, что ваше свидетельство относится к предыдущему периоду, периоду до совещания в Хельсинки. Вы цитируете школьные и университетские учебники, вы

говорите, как определяется в них «мирное сосуществование» и заявляете, что это, конечно, свидетельствует не о стремлении к мирному сосуществованию, а об агрессивном духе, который развивается и культивируется в советском народе по отношению к другим странам и людям. Так что, говорите вы, советские руководители стараются превратить советское общество в общество закрытое, изолированное.

Здесь я хотел бы коснуться только одного примера — визита датской королевы в Советский Союз. Она была очень хорошо принята, это транслировалось по телевидению... Но ведь в СССР телевидением распоряжаются советские руководители, так что создается впечатление, что они хотят внушить своему народу стремление к сосуществованию, а не проповедают ненависть и тому подобное. Мне хотелось бы, чтобы вы прокомментировали это.

Ответ. Врагу ты обязан врать! И никакого сомнения нет, что все эти документы — филькины грамоты, как говорят в России: то есть они перетолковываются, извращаются и переворачиваются, благодаря разному пониманию элементарных слов — на советском жаргоне и в вашем сознании. Это то же самое, что у Орвелла: пишешь «мир», но понимаешь, что это война, пишешь «зло», понимаешь, что это любовь. В Советском Союзе говорят, пишут в книгах, газетах про гуманизм, а что такое гуманизм? Теоретически и практически нас с малых лет учили: «гуманизм — это убей врага!» Это готтентотская мораль: если я украд — очень хорошо, если я убил — очень хорошо, если меня убьют — очень плохо. Уничтожай врага — вот он, гума-

низм. А что касается демократии — почитайте статью Зародова, две недели тому назад он писал: «Демократия — это не механическое большинство, демократия — это политическое понимание». Что это значит? Это значит, что мы с вами, два человека, можем объявить себя большинством двухсотпятидесятимиллионного народа. Меньшинство — это демократия, оказывается, по Зародову, по «Правде», по советскому официальному пониманию. И так любое слово они вам загнут и перекрутят. А ваша королева... она чудесная, красивая женщина... чего же ее плохо принимать? Это во-первых, а во-вторых, учтите, что всё это сосуществование, расширение контактов, осуществляется на уровне правящих слоев общества или узкого слоя привилегированных, связанных общими преступлениями с режимом. Там есть, может быть, 20% населения, которые вовлечены в преступления режима, внутренне они, может быть, ненавидят свое начальство, но они не могут вырваться из этой системы, они вместе раскулачивали, убивали, расстреливали, охраняли, доносили, клеветали, были провокаторами, участвовали в преступлениях, уголовных преступлениях против миллионов других людей. Эти люди — основная массовая человеческая опора этого антинародного режима (а, естественно, эти 20% — это 40-50 миллионов людей), и из них вам выделяют и миллион человек, которые приедут сюда и будут расхваливать наши прекрасные, доблестные органы, нашу поднебесно прекрасную жизнь.

Я прожил в Советском Союзе 41 год, и разница между жизнью здесь, в Дании, и в Советском Союзе — та же, что между жизнью на поверхности

земли и жизнью в глубокой угольной шахте. Я и — я уверен — все мои товарищи здесь говорим это вам только по одной причине: нам вас искренно жалко, мы вас уважаем и даже любим. Я не надеюсь на то, что я доживу до каких-то принципиальных перемен в Советском Союзе — слишком сильна эта ядерная диктатура, могущая в любой момент взорвать всю землю, а уж убить 30-40 миллионов — как они уже убили — им ничего не стоит. Вы посмотрите, в вашей маленькой Дании в два раза больше лауреатов Нобелевских премий, чем в великом Советском Союзе! О чем это говорит? Ведь это талантливый могучий народ, который до революции дал миру основоположников ряда наук, двух нобелевских лауреатов, из самых первых, — Мечникова и Павлова. А после — пять Нобелевских премий (их получили 9 человек, потому что две премии давали группе ученых). Сейчас еще дали Канторовичу — прибавилась шестая... Таким образом, вы видите — это безусловно inferнальное общество, правительство которого желает только одного: отнять у вас всё, чтобы каждый кусочек хлеба, каждую нужную вам тряпку вы просили у него — на условиях, которые это правительство вам диктует.

ВАРДИ Александр, род. в 1916 году в Смоленске, где и получил среднее образование. До 1936 г. учился в Высшем техническом училище в Москве. В 1936 г. арестован и по обвинению в антисоветской агитации «осужден» ОСО НКВД на три года лагерей. В 1950 г. как «повторник» приговорен Особым совещанием по тому же обвинению на 10 лет ИТЛ.

Через пять лет освобожден за технические усовершенствования и обусловленную этим высокую производительность труда.

В 1957 г. выехал в Польшу с семьей жены, имевшей польское гражданство. В том же году легально выехал за пределы социалистического лагеря.

Автор книги «Подконвойный мир» (переведена на три языка), а также около двухсот статей. Получил литературную премию американского фонда А. П. Сальмини.

Димитрий Панин

О беззаконии и произволе в СССР

Массовым явлением стали факты беззакония и преступлений, которые совершили и продолжают совершать власти в СССР. Астрономическое множество этих одноименных величин следует обобщить статистическими методами. Огромное число фактов дает возможность прийти к строгим выводам и развеять су-

ществующие в свободном мире мифы.

1. Миф о великом и чистом Ленине вынуждает меня напомнить истинное положение вещей.

Захват власти Лениным в октябре 1917 года, пуск в действие в декабре того же года машины террора (Всероссийской Чрезвычайной Комиссии — ВЧК), разгон в январе 1918 года Учредительного Собрания — все эти события ввергли страну в состояние бесправия и произвола по причине того, что действовавшие ранее государственные законы были отменены, администрация и полиция уничтожены и не введена новая разработанная административно-законодательная система.

Ленин санкционировал бессудные расстрелы, пытки, уничтожение заложников, бесчинство местных властей, расстрелы рабочих демонстраций, вооруженный грабеж деревни в эпоху стремительного развала экономики, голода и эпидемий, гражданской войны. С 1917 по 1923 годы погибло около 20 миллионов, а с 1917 по 1953 — свыше 60 миллионов, без военных потерь. Таковы красноречивые цифры. Я привожу таблицу потерь в моей книге «Записки Сологодина», вышедшей на французском в 1975 году*.

Ленин навязал стране режим непрерывного террора, создав и утвердив знаменитую 58-ю статью Уголовного кодекса. Под ее многочисленные параграфы легко было подвести любого человека.

2. Миф о злом Сталине, который исказил доброго Ленина, также должен быть опровергнут. Сталин, конечно, был чудовищем, но ничего сам не изобрел. Он был прилежным учеником Ленина, последовательно выполнявшим заветы своего учителя.

Я пробыл в сталинских тюрьмах, лагерях, на каторге, в ссылке с 1940 по 1956 годы и описал первый этап своего заключения в первом томе «Записок Сологодина».

3. Миф о либеральном Хрущеве создан коммунистами в пропагандистских целях.

Хрущев вынужден был освободить заключенных, так как восстания в лагерях сделали невозможным содержание за колючей проволокой 15 миллионов. Первое такое восстание произошло еще в зените могущества Сталина в 1952 году

* «Mémoires de Sologdine», Flammarion, Paris, 1975

на каторге в Экибастузе, и я описал его в «Записках Сологдина». Оно повлекло за собой после смерти Сталина события на Воркуте, в Кингире, Дзержинске и других лагерях. Если бы Хрущев не освободил огромное число заключенных, то он вынужден был бы держать около каждого лагеря дивизию солдат.

Освобождение заключенных потребовало решить вопрос о пенсиях и начать жилищное строительство.

Обвинение Сталина и частичная реабилитация политических заключенных были необходимы Хрущеву в борьбе за власть.

Одновременно новшества Хрущева в сельском хозяйстве и ряде других сфер нанесли огромный вред населению. Поэтому народ ненавидит Хрущева не меньше, чем Сталина.

Один из примеров либерализма Хрущева в 1963 — 64 году. После испытаний водородной бомбы за Полярным кругом эскимосы и другие северные народы подверглись облучению и воздействию радиоактивных осадков. Среди оленей тоже начался массовый падеж. Не понимая толком, что происходит, эти народы решили обратиться за помощью и отправились за лекарствами и питанием в Якутск. За несколько километров от города толпу встретили карательные отряды чекистов и приказали всем вернуться на неотвратимую гибель. Люди силились объяснить безвыходность положения, но им равнодушно повторили бесчеловечный приказ и дали на раздумье 30 минут. По истечении назначенного срока чекисты открыли огонь из автоматов и пулеметов по безоружным мирным людям, больным и измученным дорогой. Спаслось только не-

сколько человек, которые бросились в тайгу и затем вышли к городу, минуя охраняемую дорогу.

Я узнал только в 1970 году от одного геолога, вернувшегося из экспедиции в Якутии, об этом массовом расстреле северных этнических меньшинств. Ему поведали об этом его родственники-татары, выселенные в Якутию. Чужой никогда не узнал бы об этих событиях. В силу этого тысячи подобных массовых явлений продолжают и при Брежневе, но остаются неизвестными населению СССР и остальному человечеству.

4. Миф об «улыбках» Брежнева усиленно поддерживается сторонниками «разрядки напряженности». На самом деле бесправие приняло только иные формы и в известной форме даже возросло.

Число политических заключенных в настоящее время не менее 1,7 миллиона, а общее число заключенных — 3,5 миллиона. В систему вошло помещение инакомыслящих в психиатрические застенки, которые в силу этого переполнены. Я приведу два типичных примера бесправия в эру Брежнева:

а) режим Брежнева потопил в крови в 60-е годы забастовки и крупные демонстрации недовольного населения, и весь мир об этом знает. Одно из таких восстаний произошло в городе Караганде на строительстве металлургического комбината. Как обычно, поводом послужили хронические перебои в снабжении продовольствием, и на этот раз даже хлебом. Молочные продукты и овощи редко поступали в продажу и раскупались за несколько часов. В магазинах в изобилии была только водка, да и то самой низкой очистки. Возмущенные рабочие завладели комбинатом, а затем и самим городом. Перего-

воры ни к чему не привели. Восставшие вели сражения со специальными карательными частями. С помощью танков, артиллерии, вертолетов удалось подавить восстание. Работы на комбинате возобновились только когда были насильственно мобилизованы рабочие с других заводов. По причине сильного террора семьи пострадавших боятся рассказывать об этих потрясающих событиях. Одного из инженеров этого металлургического завода, очевидца события, я встретил в 1974 году в Париже. К сожалению, я не могу сообщить его имя, так как его родственники остались в СССР.

Следует обратить внимание на характерный признак террора и бесправия: созданный при Ленине институт заложников ни на один день не прекращал своего действия. В последние годы многие люди, вынужденные оказаться в эмиграции, всячески ограничивают свои высказывания об условиях существования под советским режимом. В подавляющем большинстве они боятся за своих родственников, проживающих в СССР. Я убедился, что тем же страхом за своих близких объята и представительница так называемой второй эмиграции, то есть те, кто не вернулись в СССР после войны 1941-1945 годов. Институт заложников в наше время достоин самого пристального внимания и оценки;

б) уже на Западе один очевидец рассказал мне о событиях в Сибири у китайской границы. Жители этого местечка занимались лесоповалом и работали на шпалопропиточном заводе. К 1969-70 году катастрофически ухудшилось и без того скверное снабжение, но все просьбы и заявления оставались тщетными. Тогда перед лицом голодной

смерти всё взрослое население, в сопровождении детей и стариков, двинулось в ближайший город. Пограничные войска решили, что толпа хочет уйти в Китай. Недолго думая, они открыли огонь и расстреляли почти всех.

Тысячи подобных фактов замалчиваются и проходят незамеченными даже для населения СССР. Это будни, мелочь. На поверхность выходят только крупные возмущения: в Темиртау, Новочеркасске, Днепродзержинске, которые режиму не удается упрятать из-за близости к центру и большей активности рабочих. Но во всех отдаленных местах на тысячах километрах моей родины царит «закон тайги», разрешающий полный произвол и безнаказанность местного начальства. Там смеются над советской Конституцией и никогда не слышали о Декларации прав человека.

СССР — царство эксплуатации. В моей книге «Осциллирующий мир», опубликованной в 1974 году на французском языке*, я описываю на основе закона сохранения энергии шесть форм убийственной и тотальной эксплуатации в СССР, действовавших и продолжающих действовать на протяжении 58 лет существования режима. Наш народ освоил весьма эффективные формы глухой экономической борьбы и сопротивления. Хотя право на забастовки у рабочих отнято и участие в них рассматривается как тяжкое политическое преступление, они вспыхивают не так уж редко, и даже в крупных индустриальных центрах. К 1970 году администрация Брежнева ввела новшества для борьбы с забастовочным

* «Le Monde oscillatoire», Regain, Monte-Carlo, 1974.

движением. При больших заводах были организованы вооруженные бригады охранников, терроризирующие рабочих обысками в проходной на территорию завода, показательным обходом цехов во время работы, распусканьем слухов и другими подобными средствами. Тем самым дезорганизация и страх царили уже в начальной, наиболее опасной для забастовщиков фазе, когда ведутся переговоры и объяснения друг с другом. Зачинщиков избивали и изолировали до объявления забастовки. Охранники подбирались, главным образом, из чекистов, вышедших в 40-45 лет на пенсию, так как служба в КГБ связана со всевозможными привилегиями и льготами. Чекистам, в расцвете лет вышедшим на пенсию, разрешали службу в качестве охранников, и зарплата охранника прибавлялась к пенсии.

Широкое применение при Брежневе получило хрущевское нововведение — дружинники. С виду затея была неплохая, так как в стране огромное число всевозможных преступлений, хулиганства, пьянства. В нерабочее время дружинники, как правило, комсомольцы и члены партии, должны были охранять порядок в общественных местах. Но главной задачей дружин стала борьба с инакомыслящими и религией. Штурмовики Брежнева ничем не отличаются от штурмовиков Гитлера. Они часто провоцируют уличный инцидент, чтобы задержать какого-нибудь диссидента, устраивают личный обыск, проверяют содержание портфеля, отбирают книги, избивают, грозят худшей расправой. Широко известны случаи использования дружинников для разгона монастырей, религиозных собраний верующих, для нарушения богослужений. Особенно в провинции

такая банда может ворваться в дом любого гражданина под предлогом поисков запрещенной подпольной (самиздатовской) литературы.

Таким образом, массовые бесчинства, начатые при Ленине, претерпели изменения во время сталинских чисток, так как в те годы были сосредоточены в руках НКВД (бывшее название КГБ), и усовершенствованы в эпоху Брежнева. Теперь КГБ работает с помощью дружинников и психзастенков.

5. Одно из главных преступлений режима — идеологическая обработка человека с детских лет. При всемерном ослаблении семьи насильственно внедряются марксизм и безбожие. Главная цель — внутренне разложить человека, сделать его покорным исполнителем любых приказов, низвести его в идеале до робота, слепо голосующего за все решения партии и правительства. Полученное воспитание лишает человека угрызений совести и мучительных переживаний, помогает принять преступления режима и стать их участником.

Когда режим свирепствовал только 20 лет, у людей не было еще убито чувство порядочности. Аналогичные факты воспринимались по-разному в 1937 году и в настоящее время. Я помню митинг во время сталинских чисток в Московском институте химического машиностроения, где был аспирантом. Мы, как и другие трудящиеся, вынуждены были голосовать за резолюцию о расстреле Тухачевского и других военачальников, которые были объявлены врагами народа и заклеены последними словами. Меня поразило, что люди выскакивали из зала, как ошпаренные, лица у многих преподавателей и служащих были

перекошены. А ведь риск был огромен, так как в те годы часто арестовывали за неподобострастное выражение лица на собрании.

В 1938 году я ожидал одного служащего в Наркомате машиностроения и наблюдал за пожилым человеком, который читал газету с отчетом о процессе Бухарина и правых уклонистов. Видимо, он устал притворяться: его губы и руки тряслись, он бормотал чуть слышно слова осуждения палачам, которые довели подсудимых до чудовищного самооговора.

Через 30 лет в той же среде была уже иная картина. В 1968 году несколько молодых инженеров Московского института строительных и дорожных машин, где я тогда работал, достаточно вольно разговаривали о советском вторжении в Чехословакию и позволили себе употребить такие слова, как «революция», «конституция», «социализм с человеческим лицом». Суд Брежнева осудил главного говоруна всего на три года, что доказывало, что он не был членом никакой организации и не преследовал никаких целей. После суда было устроено общеинститутское собрание, которое поразило меня своей низостью. По причине трусости и аморализма и в интересах карьеризма люди разного возраста, которым ничто не угрожало, изошрялись друг перед другом, наигранно возмущались, произносили обличительные мнимо патриотические речи. Режим достиг огромных успехов в разращении людей, в насаждении у них непротivления бесправию, в попирании собственного достоинства.

В том же институте в конце шестидесятых годов неожиданно исчезла красивая девушка копировщица Нина. Несколько позже один инженер

рассказал мне, что она была ревностной христианкой, за что была помещена со своим братом и отцом в психиатрическую больницу. Я не вмешивался в открытую политическую борьбу после заключения, так как посвятил всё свое свободное время разработке иного мироустройства. Но в данном случае я предложил инженеру свое участие в протесте, при условии, что к нему присоединятся для вескости, хотя бы два бывших фронтовика. Инженер отнесся резко отрицательно к моему предложению. Этот же человек рассказал мне ранее, как приказал снять сыну крестик, который тот надел под влиянием бабушки. Поведение этого инженера типично: он сам себя разоружал, боялся помыслить о сопротивлении явному произволу.

Насаждение внутреннего рабства следует считать главным преступлением режима перед народом. Мы гораздо чаще возмущаемся внешним проявлением произвола, беззаконием, попиранием прав человека и не всегда замечаем эту страшную разрушительную работу.

Природа режима запрещает надеяться на демократизацию и либерализацию, но народы нашей страны в достаточной мере сохранили свою силу и внутреннюю независимость, и в этом порука их освобождения. С внутренним рабством можно покончить с помощью «революции умов»*. Это наиболее мирный способ достижения подлинного уважения прав человека в нашей стране.

Я надеюсь привести другие примеры и поделиться остальными соображениями во время пресс-конференции.

* «Le Monde oscillatoire», p. 128-169.

Вопросы членов жюри и ответы свидетеля Димитрия Панина

Вопрос. 1) Вы называли цифру — 60 миллионов погибших, не включая в нее жертв войны. Как вы пришли к этой цифре?

2) Ваша цифра 1700 тыс. или даже 3,5 млн. политзаключенных кажется мне слишком высокой, она не соответствует данным, приводившимся другими свидетелями. Откуда вы взяли эту цифру, чем вы можете ее доказать?

Ответ. Специалистом в этом вопросе, по моему, можно считать нашего великого Менделеева. Он написал книгу «К познанию России». Там, на основе тщательных статистических выкладок, он выявил процент увеличения народонаселения в России и подсчитал, что к 1950 году наше население должно достичь 283 миллионов, а к 1963 году должно быть 308 миллионов. Отсюда я очень грубо, по простой пропорции, без всяких сложных процентов, определяю минимальную цифру: в 1976 году должно быть около 340 миллионов. По официальной статистике мы имеем, по советским данным, 250 миллионов. Значит разница составляет 90 миллионов. Кроме того, имеются данные современных ученых: американский ученый Курганов приводит цифру в 63-68 миллионов погибших, «Белая книга» — 67,6 миллиона, «Exil et liberté» до 1947 года дает цифру в 49 миллионов и т. д.

Второй вопрос. Это эпоха уже не моя. Сейчас об этих цифрах должны говорить А. Шифрин и вся та молодежь, которая сидела там в последние годы. Я основываюсь на цифре, приведенной Сахаровым, — 1,8 миллиона. (Я не говорю,

что это относится только к политическим, мне кажется, он вообще говорил о числе заключенных.) Но дальше уже моя интерпретация. Я ввожу так называемый коэффициент лжи. Потому что режим этот иногда вынужден проговариваться и приводить свои цифры, и вот на основании этих обмолвок и можно вывести этот коэффициент лжи. Например: до войны — с 1938 по 1941 гг. — в лагерях было 20 миллионов человек; официальная же оговорка (не помню, Молотова или еще кого) гласила, что их — 8 миллионов. Двадцать разделить на восемь — равно двум с половиной. В 1945 году, когда окончилась война, было официально сообщено, что мы потеряли 11 миллионов человек. Хрущев же сказал, что 20 миллионов, а сейчас французский историк-марксист привел цифру в 23 миллиона. Коэффициент лжи получается уже порядка 1,8. Среднее арифметическое — 2,1. 1,7 я множу на 2,1 и получаю 3,5. Думаю, что я очень близко подхожу к правильному ответу.

Вопрос. Сколько человек сидят за религиозные убеждения?

Ответ. О религии могу сказать так: в мое время приблизительно половина заключенных не были страдальцами за религию в полном смысле этого слова. Но религия всегда отягощала вину. Мой пример: я сидел за критику режима — безусловно; но вместе с тем, то, что я верил в Бога, что я не отказывался верить в Его существование, определенно мне добавило срок наказания. Таких, я думаю, наберется половина от всех заключенных. Но настоящих страдальцев за веру, во всяком случае, — десятки тысяч. И если в нашей русской православной

церкви было всего, кажется, 30 мучеников за 1000 лет истории, то сейчас — десятки тысяч мучеников.

ПАНИН Дмитрий, род. в 1911 году. Отец — из крестьян, получил образование, стал адвокатом.

Д. Панин начал свою трудовую деятельность в 1928 г. как рабочий. Одновременно продолжал учиться и в 1936 г. окончил институт по специальности инженера-механика.

В 1940 г. был арестован за разговоры против режима в узком кругу друзей, по доносу одного из участников этих разговоров. Без суда был приговорен к пяти годам лагерей. В 1943 г. в лагере получил второй срок якобы за подготовку вооруженного восстания. В 1953 г. был отправлен в вечную ссылку в Северный Казахстан, но в 1956 г. во время десталинизации был частично реабилитирован «за недоказанностью обвинений». С этого времени работал в Москве в должности инженера-конструктора. В 1972 г. уехал на Запад, чтобы иметь возможность издать подготовленные к печати рукописи.

В настоящее время Д. Паниным опубликованы на Западе книги: «Записки Сологодина» (на русском, французском, английском яз.), «Осциллирующий мир» (на французском яз.), «Вселенная глазами современного человека» (на русском яз.), «Солженицын и действительность» (на русском и французском яз.).

Мария Синявская

Судьба жены заключенного

Я всего-навсего слабая женщина, и после тех страшных слов, которые только что произносились здесь, мой опыт очень маленький, очень незначительный и очень частный.

Я буду говорить о своем столкновении с властью, с КГБ и о своей встрече с лагерем, современным советским лагерем, но — со своей стороны, по эту сторону колючей проволоки. Это будет взгляд из большой зоны в зону малую.

В ту минуту, когда сажают человека, особенно когда сажают диссидента, инакомыслящего, вместе с ним в поле зрения КГБ попадает вся его семья: его жена, родители, братья и сестры, его дети. Для меня этот опыт начался ровно 10 лет назад, 8 сентября 1965 года, когда ко мне пришли очень изысканные, очень вежливые молодые люди и предъявили мне ордер на обыск. Я недаром подчеркиваю, что эти люди были очень вежливы, и вообще за те полгода, что шло следствие, следователь позволил себе закричать на меня всего один раз. Они, тем не менее, давили, как на меня, так и на моего мужа, но давили очень тихо, очень спокойно, выбирая болевые точки глубоко профессионально, хорошо подготовившись к каждому допросу. Когда посадили

Синявского, нашему сыну было всего 8 месяцев, и среди людей, пришедших нас обыскивать, была даже одна женщина, которая должна была помогать мне пеленать младенца, была проявлена забота, была проявлена гуманность, можно сказать, что это была работа в белых перчатках. Но с самого первого допроса началось спокойное, последовательное, медленное давление. От меня хотели, чтобы я сказала очень немного: 1) чтобы я сказала, что я знала, чем занимался мой муж, 2) что я помогала ему в переправке его вещей за границу, 3) что я сейчас осознала все содеянное зло и раскаялась, и 4) маленькая деталь — допрашивающие меня хотели, чтобы я вернула издания моего мужа.

От Синявского, который не запирался и не отрицал факты, а сразу сказал: да, он писатель Абрам Терц, позволивший себе печататься за границей, — хотели тоже очень немногого: чтобы он покался и признал нехороший умысел своего поступка. Почему-то писателю Абраму Терцу отречься от собственного творчества не хотелось. И тогда ему говорили, что если он этого не сделает — говорили очень вежливо, очень спокойно — то его жену посадят, тем более, что его жена тоже не дает нужных показаний, стало быть, ведет себя тоже не так, как надо, — а маленький сын отправится в детский дом. Подобные же вещи говорили мне на каждом допросе, допросов было очень много, и следователь — он не говорил впрямую, что вот сейчас вы будете арестованы, но он давал понять, что вопрос этот в принципе решен, просто это произойдет не сегодня, но наверняка произой-

дет при следующем допросе... и был применен очень любопытный прием.

Когда я ходила по улицам, я вдруг почувствовала за собой слежку — очень откровенную, очень четкую, очень ясную, а надо сказать, что чекисты умеют работать, умеют следить так, чтобы вы никогда этого не заметили — стало быть, эта слежка входила в состав психологической обработки. И в течение нескольких дней под влиянием вот этой интонации допроса, этой слежки, — я уже боялась, что у меня начнется мания преследования, что я просто сойду с ума, не выдержав этого давления. И тогда — я человек отнюдь не самый сильный, отнюдь не самый храбрый, но в какую-то минуту именно отчаяние и тяжесть ситуации, в которую я была поставлена, привели к взрыву. В один прекрасный вечер, накануне допроса, я написала завешание такого содержания: прошу в случае моей смерти, ареста или прочих событий, связанных с длительным отсутствием, моих друзей таких-то и таких-то взять на себя заботу о моем сыне и моей библиотеке. Больше у меня просто ничего в хозяйстве не было. Ни один нотариус нашей страны не заверил бы подпись под таким завешанием, и потому это завешание заверили несколько моих друзей.

Когда я на следующий день пошла на допрос (допросы обычно шли с 10 утра до 6 вечера) и когда в очередной раз начались намеки на то, что я отсюда не выйду, я сказала следователю так: «Знаете, мои все дела — в полном порядке. Я вчера вечером составила вот такую-то и такую-

то бумагу, я могу от вас не выходить, я могу остаться в Лефортовской тюрьме с вами». И стоило произнести эти слова, как следователь тут же сделал «ход назад» и сказал: «Марья Васильевна, дорогая, неужели вы про нас так плохо думаете?! Неужели вы в самом деле поверили хотя бы на минуту, что мы можем вас арестовать?!» То есть он забыл всё, что говорил буквально за 15 минут до этого.

Это был чистый шантаж, это была явная угроза, но, повторяю, за все полгода следствия все эти угрозы произносились голосом очень тихим, очень спокойным, и вообще все разговоры и у Синявского со следователем, и у меня со следователем шли в самых теплых, нежных и дружеских интонациях. К другим допрашиваемым друзьям, родственникам, знакомым заключенных применялись другие методы, исходя из психологии допрашиваемого. Например, свидетельницу Таню Макарову, родственницу Даниэля, не выпустили в туалет. Просто ей следователь сказал: «Вот вы дадите показания, после чего — пойдете. А сейчас я просто не имею права вас выпустить». Могу ли я упрекнуть чекистов, власть в нарушении каких-то правил или законов? Нет, не могу, больше того — всё, что делалось, делалось по абсолютным нормам права. И тем не менее то, что делалось даже по нормам этого права, было достаточно бесчеловечным.

Но кроме этого давления, оказываемого на родственников (преимущественно женщин) на следствии, есть еще давление, которое оказывают на них же со стороны учреждений. В первые же

месяцы после ареста Синявского я осталась без работы — тогда я преподавала историю искусства в Библиотечном институте города Москвы и в Театральной студии. Я преподавала по договору и, когда истек срок этого договора, мне его просто не продлили. Я опять же ни к кому не могу иметь претензий, мне не сделали ничего плохого, не нарушили ни одного закона, но я осталась без средств к существованию. И приблизительно в то же время издательство «Искусство» расторгло договор, который был заключен со мной на книжку. Книжка не имела никакого отношения к политике, это была книжка об одной народной украинской художнице, я над ней работала довольно долго. Книжку просто исключили из плана издательства. Тоже действие вполне законное и очень мирное.

Но тут известие об аресте Синявского и Даниэля проникло за границу, и начался легкий шум, потом он все усиливался, — в европейской прессе. И под влиянием отчасти этого шума, отчасти под влиянием изменившейся обстановки — мы (я и жена Даниэля) были поставлены в условия, которые нельзя сравнить с условиями, в которых находились женщины 30-х, 40-х годов, сталинского времени, — в условия привилегированные. И многие из наших друзей от нас не отвернулись, многие из них нас поддержали — люди перестали бояться.

Мир раскололся: с одной стороны, администрация проявляла необходимую жестокость; с другой стороны, интеллигенция проявляла добрую волю. Ко мне пришли совершенно незнакомые мне люди: я никогда не знала до этого Алика Есенина-Вольпина, который очень много помогал

и в нашем деле, и в последующих процессах. Ко мне пришла Надежда Яковлевна Мандельштам. Ко мне приходили люди разных поколений, преимущественно люди, прошедшие сталинские лагеря, и они помогли мне выжить. Но, с другой стороны, нашлись люди, мои соседи (я жила тогда в коммунальной квартире, таких квартир очень много в нашей стране, это значит, что я жила в одной комнате, и у меня была общая кухня с несколькими соседями), которые, когда узнали все из советских газет, сказали мне: «Мы не позволим варить манную кашу сыну врага народа на нашей советской кухне».

Но ситуация следствия, ареста, суда — это не самое страшное в жизни эковской жены. Потому что здесь, во-первых, вопреки всякой логике, есть еще какая-то надежда: а вдруг все это кончится хорошо? Во-вторых, есть ситуация игры, войны, какой-то баталии, что отвлекает. После суда, когда человек попадает в лагерь, начинаются будни, очень тяжелые. Начинаются поездки в лагерь, знакомства с «Домом свиданий» (это единственное место в Советском Союзе, которое носит такое не совсем пристойное название — «Дом свиданий»).

По существовавшему тогда положению, зэк мог получить свидание двух сортов. Один раз в год зэк имел право на свидание так называемое личное, т. е. от суток до трех — по усмотрению начальства, причем и тут был еще вариант: с выводом на работу или без вывода на работу, опять же по усмотрению начальства. Иначе говоря, когда эковская жена приезжала в лагерь один раз в год, то от какого-то надзирателя, или от группы надзирателей, или от лагерного КГБ,

от поведения зэка, от степени его стремления раскаяться, расколоться, предать себя, свое дело и своих друзей — зависело, получите вы сутки, получите вы трое суток без вывода на работу или получите вы одни сутки с выводом на работу, т. е. практически одну ночь. Второй вариант свидания — свидание общее (оно давалось тогда три раза в год, сейчас число общих свиданий сократили), от одного часа до четырех, тоже по усмотрению начальства. Причем тоже с вариантом: это свидание через столик, при нем присутствует надзиратель, и он или разрешает вам покормить заключенного, или он не разрешает покормить, разрешается лишь пачка папирос. И перед свиданием, перед тем как подписать просьбу о разрешении свидания, жену зэка чаще всего вызывает к себе оперуполномоченный лагеря в том или ином чине, в зависимости от заинтересованности лагерного начальства в раскаянии именно этого зэка, и начинает ее «воспитывать». И говорит: «Если вы скажете своему мужу, чтобы он подписал помиловку, признал свою вину, то вы получите столько-то часов. Если вы этого не скажете, вы их не получите». И так далее. Начинается длинная система шантажа. Иногда это свидание, когда лагерное начальство рассчитывает получить из беседы зэка с его женой какую-то информацию, тогда оно вроде бы идет на послабление — убирает надзирателя, и к столику, за которым происходит свидание, подводятся микрофоны. И каждое слово контролируется, записывается; каждое слово, произнесенное на свидании, потом работает против зэка во время дальнейшей отсидки срока.

Один из критериев дачи свиданий — встал ли

на путь исправления. Это очень простой показатель — согласился ли работать вместе с чекистами или не согласился.

Есть еще один способ унижить зэковскую жену, мать или детей перед свиданием — это система обыска. Когда вы приезжаете на трое суток и получаете в конце концов эти трое суток свидания, естественно, вы везете с собой продукты и стараетесь восполнить за эти три дня все недостающие зэку калории. Собираете всё самое лучшее, кто-нибудь из друзей сопровождает вас, потому что это такой груз, который женщина везти не может. Вот присутствующий здесь Шрагин очень часто сопровождал жену Даниэля, сопровождал жену Гинзбурга... меня сопровождали тоже всегда друзья. И когда я приезжала в «Дом свиданий», перед входом меня обыскивали. На этих свиданиях раскрывались типы надзирателей: это не всегда садисты, хотя много есть и садистов, иногда это очень хорошие люди, и к некоторым из них я сохранила до сих пор добрые чувства, а к некоторым — наоборот...

Вот, например, сержант Аня... любимое развлечение — раздеть жену зэка донага и пересушать все швы одежды, как если бы принесла новость что. Причем она раздевала и до свидания, и после. И свидания можно было лишиться в любую минуту, а потому до того, как приводят мужа в комнату, соглашаешься на любые унижения от сержанта Ани. Правда, уже после свидания, когда до следующего свидания еще год, иногда позволяешь себе немножечко воспротивиться. Так, я однажды, когда сержант Аня хотела меня раздеть после свидания, ей спокойно

сказала: «А где ордер прокурора на личный обыск?» — и дальше началась у меня с ней перепалка на несколько часов. Но свидание уже прошло, и я могла позволить себе такую роскошь.

В очень тяжелое положение попадают жены тех заключенных, которые, находясь в фактическом браке, по тем или иным причинам не успели его зарегистрировать. Такая ситуация была у жены Алика Гинзбурга, он несколько лет боролся за право свиданий со своей фактической женой и наконец ему удалось сыграть свадьбу на территории лагеря. На свадьбу жену и мать Гинзбурга сопровождал свидетель Шрагин. Но этот лагерь, в котором сидел Гинзбург, находился не на железной дороге, а в 19-ти километрах от станции Явас — это один из маленьких лагпунктов. И через эти 19 километров ходил автобус, который возил детей из окружающих поселков в школу. Когда старуха-мать Гинзбурга и его невеста попросили подвезти их эти 19 км, то им отказали, им сказали, что так как они родственники особо опасных государственных преступников, то их нельзя посадить в один автобус с детьми, — как бы они не обидели наших хороших беззащитных детей советских чекистов! И вот, несколько часов семейство Гинзбургов ловило попутные машины, наконец, их подвез какой-то грузовик, по очень скверной дороге. Мы тут не можем говорить о нарушении каких-нибудь прав: все было по закону, и в то же время бесчеловечно.

Еще одна ситуация встает перед женой зэка. Что говорить детям, что сказать ребенку? Как объяснить ребенку, где отец? Мне очень повезло:

когда арестовали Синявского, сыну было всего 8 месяцев, поэтому сколько-то лет он не очень интересовался вопросом, где папа. У меня было время подумать, и я потом выдумала для него такую версию, что папа далеко-далеко, в маленьком домике, на ответственной работе, в командировке. Вот от папы приходят письма, вот мама пишет письмо папе, был создан культ папы, который работает где-то далеко. Кстати сказать, дома многих эковских семей радиофицированы и эта байка, которую я рассказывала своему сыну, была прекрасно известна в КГБ. Когда я приехала однажды в лагерь, меня перед свиданием лагерный чекист — за много километров от Москвы — спросил: «Зачем же вы рассказываете своему сыну, что его папа на ответственной работе? Он же у нас в лагере грузчиком работает». Мне ничего не оставалось, как ответить: «Ну, он не только у вас грузчиком работает, но еще и немножечко делает русскую историю, а это довольно ответственная работа».

Эту легенду я придумала для сына, рассчитав, что когда отец вернется, ему будет что-то около восьми лет, поэтому он не успеет еще ничего осознать, а потом приедет Синявский и объяснит все своему сыну сам. Но что должна объяснять своей дочери Наташа Федорова, жена Юрия Федорова, который сейчас отбывает свой 14-летний срок по ленинградскому самолетному делу, причем это у него второй срок, первый срок был маленький, всего три года, по одному делу со свидетелем Балашовым. После этого — второй срок — 14 лет. Дочь родилась без отца, девочке будет 12 лет, когда вернется ее отец, и все это будет объяснять намного сложнее. При-

чем это рождение ребенка можно объяснить не только желанием материнства, но и еще каким-то актом сопротивления насилию... Мать Наташи Федоровой — старая коммунистка, и живет она в правительственном доме у кинотеатра «Ударник», большой серый дом, многие москвичи его хорошо знают. Ее вызывали в партком и говорили ей, старой коммунистке, что она должна или отречься от своей дочери, или уговорить дочь отречься от мужа, Юрия Федорова. И вот попытка разлучить мужа с женой, оставить зэка в одиночестве, изолировать его от мира, лишить единственной поддержки — это тоже входит в систему давления на заключенного. Опять же, ни одна из статей нашего Уголовного кодекса не нарушается.

Когда в 1974 году Сахарову присудили премию Чина дель Дука, жена Сахарова, Е. Г. Боннэр, предложила положить деньги в банк Ротшильда в Париже и основать фонд помощи детям заключенных. Потому что Е. Г. Боннэр знала, что быть женой зэка — это одна из самых тяжелых работ, существующих для женщины в России. Это тяжелый физический труд — в той ситуации, в какой оказываются жены зэков, и мы должны помнить, что за каждым посаженным диссидентом стоит семья, жена, дети, и всегда о них заботиться. И этот основанный фонд был мне всегда близок и дорог.

Но есть еще одна сторона вопроса, и тут позвольте мне вроде бы заступиться за советскую власть, хотя, по определению советской власти, я должна была бы быть антисоветчицей, и словно бы не мое это дело за нее заступаться. Но я здесь много слышала о цифрах, кругом так и

бросаются миллионами. Я ничего не могу сказать о миллионах эков 30-х годов, о миллионах заключенных сталинского времени, но мы с Синявским много раз обсуждали, сколько может быть сейчас заключенных. Я приезжала к нему и спрашивала (а он сидел в Потье в трех разных лагерях): «Сколько сидит вот в этом лагере?» В лагере в Сосновке, на первом лагпункте, он говорил: «Ну, человек 500-600». — «А сколько сидит в 11-м?» (11-й — это один из самых больших лагерей на Потье.) Сидело 2 тысячи с небольшим. «А сколько сидит на третьем?» — «На третьем маленькое производство, там человек 400». — «А сколько в больнице?» — «Столько-то» — «А сколько на 17-м?» — «Столько-то». Старались подсчитать, и наша цифра за пределы 10 тыс. не выходила. Причем мы старались здесь учесть не только тех, кто осужден по «особо опасным» статьям Уголовного кодекса, но и, возможно, политзаключенных, осужденных по статьям, не входящим в группу 190-х.

Пожалуй, этим заступничеством за советскую власть я и кончу.

Вопросы членов жюри и ответы свидетельницы Марии Синявской

Вопрос. Вы говорили о правилах свиданий в тюрьмах и лагерях. Имеете ли вы представление о порядках в этом вопросе для уголовников? Можно ли сказать, что те же нормы применяются и к ним?

Ответ. Я говорила только об одном виде: о

нормах для заключенных строгого режима. Дело в том, что советский кодекс предусматривает 4 категории лагерей: обыкновенного режима — для уголовников, это самый мягкий режим: разрешается довольно обширная переписка, там гораздо больше посылок, условия гораздо мягче... Вторая — усиленный режим, там все гораздо строже. 70-я статья — диссиденты, политические — сидят по третьей категории строгости: это лагерь строгого режима... и то, о чем я говорила, это имеет отношение только к этой категории, к третьей. Есть еще самая страшная категория — каторжные лагеря, в них сейчас сидит Эдик Кузнецов, — там сидят политические рецидивисты, там каторжная полосатая форма, их так и называют «зебры» или «полосатики», содержание камерное. Я знаю, что условия там намного тяжелее, но я этим специально не занималась, как не занималась и условиями во Владимирской тюрьме.

Вопрос. Я слышал, что ухудшилось содержание в лагерях. Когда это произошло и какое это ухудшение? Сколько свиданий сейчас в год?

Ответ. Когда арестовали Синявского и Даниэля, и когда для меня началась эта лагерная работа, было три общих свидания и одно личное. В 70-м году вступило в действие новое положение о содержании в лагерях. По этому положению внутрилагерный режим усилился: во-первых, сократили одно общее свидание, осталось одно личное и два общих; сократилось число посылок, потому что раньше после половины срока полагалось по две посылки в год, тоже с разрешения начальства; по новому положению — одна посылка в год после половины срока. Были за-

прещены бандероли с воли, еще до введения этого положения были запрещены посылки книг от родственников, все книги можно было получать только через книжный магазин, а в последнее время, когда для меня это уже стало прошлым, доходят сведения о все более и более тяжелом режиме; в частности, для интеллигента это очень страшно — это ограничение в книгах. Напомню: когда Синявский начинал свой лагерный срок, книг можно было иметь сколько угодно, и был один заключенный-эстонец, у которого была колоссальная библиотека. Когда его этапировали, он вез с собой 26 чемоданов книг. Это было отдельное дело — его препроводить. Сейчас можно иметь 5 книг. Причем это делалось постепенно, зажимали все строже и строже. Я думаю, что отчасти сократили число личных свиданий для того, чтобы ущемить интеллигенцию, потому что часто этими общими свиданиями пользовались только москвичи и ленинградцы, узкий круг. Уже откуда-нибудь из провинции, с Украины или из Сибири, ради четырех часов, в лучшем случае, или одного, или рискуя ничего не получить, — люди не могли себе позволить ехать. Это могли позволить себе только мы... И именно для ущемления интеллигенции было одно свидание отменено.

Вопрос. Не может ли пересылка посылок из-за границы (продуктовых, денежных) семьям заключенных поставить их в затруднительное положение, удлинить срок приговора?

Ответ. Ни в одном деле помощь мира не приводила к удлинению приговора. Если заступничество мира и не поможет именно этому заключенному, тому, за кого заступаются (потому что

власть надо тоже понять, нашу родную советскую власть, она не любит отступать, и она не отступит в ту минуту, когда вы говорите: освободи Синявского, Даниэля, Плюща... Она будет говорить: нет, не освобожу), то оно поможет следующему. Оно сократит число репрессий вообще. В самом страшном положении оказываются те, кто забыт, про кого никто ничего не знает.

Вопрос. Почему ухудшаются условия заключения? Не потому ли, что диссиденты стали сильнее, а правительство считает себя слабым? И еще одно: по телевидению в Дании вы или ваш муж говорили о забастовках, о том, что они считаются незаконными и во многих случаях полиция использовала автоматы против забастовщиков. Это очень интересный факт. Насколько распространено это явление — расстрел забастовщиков?

Ответ. Усиление режима в лагерях, введение новых строгостей — в какой-то мере явление закономерное. Совершенно естественно, что на борьбу, которая ведется, власть должна как-то отвечать, надо понять эту власть тоже. Если вы будете бороться со мной, я буду бороться с вами, это естественно. Но власть наша при всем том гибкая и, зажимая в одном месте, она отпускает в другом. У нас стали частыми парные предприятия: очень интересно, что в те дни, когда были арестованы Синявский и Даниэль, из ссылки вернули Иосифа Бродского. Взяли и вернули! Типичная пара предприятий. Одно должно было уравновешивать другое. После того

как были вынесены два смертных приговора и вообще дали огромные сроки группе «самолетчиков», — освободили Синявского. Нас не выпускали за границу 9 месяцев и выпустили «под процесс» Якира-Красина. Зажим в одном месте всегда означает ослабление в другом.

Что касается забастовок, я не знаю о практике забастовок ни в Москве, ни в Ленинграде, ни в больших городах. Я говорила не из личного опыта, сама я с этим не сталкивалась. Думаю, есть люди, занимавшиеся этим вопросом специально. Но — что меня удивило больше всего, когда мы приехали за границу: выборы президента и забастовки. Я, советский человек, никак не могла понять, как это можно выбирать президента — одного из двух: или этого, или этого — непонятно... и как можно вообще забастовать.

Вопрос. Вы и ваш муж интересовались стихами Мандельштама?

Ответ. Это маленькая частная деталь из нашего быта. Дело в том, что Синявский мог писать мне два письма в месяц, правда, делал он это мелким-мелким почерком и писал всякие «глупости» — про литературу, про природу, вообще чёрт знает про что, к невероятному удивлению лагерного начальства. Я знала, что он, особенно первое время, очень тоскует без стихов. Я могла писать писем сколько угодно, хоть каждый день, но у меня не хватало на это сил, и я писала через день или через два на третий. Письма эти я нумеровала, так что он знал, как они идут. И вот зная, что последним его увлечением перед арестом был Мандельштам, и зная, что

его стихи я никак не смогу прислать в лагерь (такой книги в СССР просто не было, были лишь заграничные издания), я стала посылать ему стихи Мандельштама в письмах. Но чтобы они доходили, я писала: дорогой Андрюша, я на старости лет сошла с ума, я начала писать стихи. Вот посмотри, что я сочинила — и дальше идет мандельштамовский текст.

Маленькая деталь: я письма нумеровала и писала их регулярно. Иногда Синявский переставал получать письма неделю, 10 дней, т. е. они где-то концентрировались, задерживались, чтобы создать психологическое давление, заставить волноваться. Иногда письма пропадали. Я писала письма под копирку и поэтому, пока не получала сообщение, какие мои письма получены, оставляла у себя копии, чтобы выяснить, какие письма не получены, какие материалы изымаются, по какому признаку. Было установлено, что изымаются письма, в которых есть хоть какая-то информация из-за границы, которую можно прочесть как-то двусмысленно, которая может слишком обрадовать. Если я пишу грустное письмо — о том, как мне плохо, — ему дается зеленая улица, оно доходит мгновенно. Естественно, что когда долго находишься в такой ситуации, то уже как-то договариваешься о каких-то условных знаках, значках. И я делала опыты. Напишу ужасно жалобное письмо: мне конец, завтра я повешусь, — и в конце делаю значок «не верь». И оно доходит на третий день, мгновенно, как если бы в Москве было послано. Обычно письмо идет 10 дней, неделю, две недели. Кстати, я недавно читала в Самиздате, что у одного из сегод-

няшних заключенных жена тоже нумеровала письма, так номера зачеркивали, чтобы не было ясно, какие письма не дошли...

Открытие «Международного Слушания Сахарова»

Симас Кудирка

Литва должна быть Литвой

Господа! Уважаемый президент!

От имени погибших и живых в ГУЛаге — искренне спасибо Дании, где сейчас происходит это «Слушание». Спасибо Господу и русской женщине, родившей Сахарова!

Я литовец, меня зовут Симас Кудирка, я тот моряк, который в 1970 году так неудачно пытался бежать с корабля...

Родился я в 1930 году в свободной, независимой Литве, в семье моряка, мы имели три гектара земли, деньги на покупку которых были заработаны тяжелым трудом в Соединенных Штатах.

В 1940 году с Востока — штыками — принесли нам «свободу», дали советское гражданство, обещали 15 га, дать их не успели... В 1944 году вернулись, «добровольно» мобилизовали 110 тыс. литовцев, почти все из которых сложили головы под Одером, Эльбой, очень многие — в Латвии,

в Либавском котле. Получили мы эти 15 га, но через три года нас заставили — высокими налогами — отдать и их и свои 3 га, а в 1949 году нам пришлось — тоже «добровольно» — капитулировать: вступить в колхоз. Альтернатива была такая: Сибирь или Литва. Выбрали Литву.

Был комсомольцем. После окончания четырех классов гимназии мне пришлось скрыться из дому, потому что меня заставляли шпионить за моим родственником, а я делать этого не мог. Пришлось бежать в Клайпеду.

Стал работать в рыболовном флоте. Потом три года служил в Советской армии, в стройбате. Под Севастополем видел множество могил немецких солдат. Там стоит превосходный памятник погибшим красноармейцам. А на необъятном пространстве, где полегли немецкие солдаты — ни одного креста, все затоптано, там проходили наши учения — на их костях.

Мне вспоминается, что в Западном Берлине поставлен памятник советским воинам. Почему Запад чтит память погибших красноармейцев и почему в Советском Союзе топчут могилы? Ведь солдат — это человек, а человек — это святыня... недопустимо издеваться над могилами! Я католик, и я не могу равнодушно к этому относиться.

Но вернемся к нашей теме. Отслужив свой срок в армии, я вернулся в Клайпеду и снова стал работать в рыболовном флоте. Мы ловили рыбу в Северном море, я любовался издали Данией и Швецией, думал о том, как бы убежать, но возможности сделать это не было: мешала охрана...

Через какое-то время в Норвежском и Северном

морях рыбы не стало и мы перебрались в воды Канады и Соединенных Штатов, держали там разведывательные суда.

Наконец наступил этот вечер 23 ноября 1970 года, когда я прыгнул с корабля. Капитан советского судна «Советская Литва» Владимир Мокевич Попов, когда понял, что я не вернусь ни за какие деньги, потребовал, чтобы меня выдали, обвинив меня в краже и в том, что я бежал, желая спастись от уголовной ответственности. Добропорядочные и наивные американцы, видимо, поверили этому и меня вернули. Я сопротивлялся, но меня схватили шесть матросов, а я не Геркулес.

Обвинили меня в измене родине. И хотя ни в Литве, ни в Эстонии, ни вообще в Прибалтике, ни в Польше и т. п. странах никогда советского гражданства не принимали, меня осудили на 10 лет.

Отправили в лагерь. Был в пересылочных тюрьмах. Но об этом рассказывать уже не очень интересно. Хотелось бы только напомнить, что в мордовском концлагере — я был в лагере № 3 — было тогда, в 1970 году, приблизительно 500-530 заключенных. Рабочая зона этого лагеря построена на костях погибших здесь зэков. Там есть и немецкие солдаты, там представители всех стран, порабощенных ГУЛагской империей.

Питание было — «советское». Недаром мы написали по этому поводу письмо, которое было затем опубликовано на Западе. Тогда нас решили убрать подальше, чтобы у нас не было возможности передать какую-нибудь информацию на Запад. Нас, 250 человек, погрузили в вагоны, примерно по 100 человек в вагон, закрыли двери и

вентиляторы, мы начали терять сознание... нас сверху поливали холодной водой... а ведь это уже не сталинские времена!

Привезли нас в Пермь, в концлагерь Кучино, № 36. Это специальное исправительно-трудовое учреждение. Обратите внимание на первое слово в названии — «учреждение» это действительно оказалось «специальным». Там, в Мордовии, можно было носить бороды. Тут бороды сбрили. Вот, например, верующие евреи по религиозному обряду не должны брить бороды — но им надели наручники, скрутили и обрили.

Врач концлагеря Петров, когда измученные люди теряли сознание, не спешил оказывать им помощь. Когда же мы упрекали его, напоминая о принятой им присяге врача, он говорил: «Вы мне на это не указывайте, я сначала чекист, а потом уже врач, имейте это в виду!» Как правило, во всем ГУЛаге — именно такие врачи, исключения составляют буквально единицы...

В лагерях сидят люди, когда-то вывезенные из Литвы, Латвии, Эстонии, Армении, Украины и т.п., поляки, немцы, финны, представители всех наций. Скажу о некоторых, срок которых — 25 лет...

Мячис Кибартас — промучился в лагерях 24 года и 4 месяца. Случилось так, что врач Петров обнаружил у него рак. Для лечения его вывезли в 35-й лагерь и, когда он уже лежал с кислородной маской, явился к нему кагебист и сказал: знаешь что, тебе все равно капут; давай, подпиши заявление, что ты проклинаешь свое прошлое — тогда тебя еще отвезут в Литву. Кибартас тихо ответил: «Отойди от меня, сатана!»

Опанасенко повесился, Силку с прободением

язвы (из-за подъема бревен) повезли в 35-й лагерь... ехать было не так уж далеко — 60 км, — но дороги-то не европейские и не американские, а советские: он умер...

В заключение я хочу сказать: Россия должна быть Россией, Литва должна быть Литвой, Германия должна объединиться, а все страны, порабощенные Москвой, — стать свободными. Как это сделать — покажет будущее.

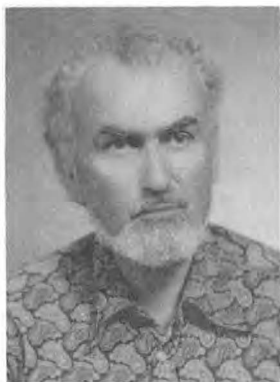
КУДИРКА Симас, род. 9 апреля 1930 года в Литве, в семье крестьянина. В 1949-1952 гг. работал матросом-рыбаком в рыболовном флоте. В 1952 г. был призван в ряды Советской армии. После демобилизации вернулся в Литву и с 1956 г. начал работать в Клайпедском Управлении сельдяного лова. Окончив курсы радиооператоров, с середины 1958 г. по 23 ноября 1970 г. работал радистом на крупнотоннажных рыбообрабатывающих судах-фабриках (плавбазах).

Террор советских властей по отношению к литовским партизанам и населению, массовые депортации литовцев, насильственное закрепощение крестьянства Литвы привели С. Кудирку к решению бежать на Запад. 23 ноября 1970 г. он попытался осуществить это решение, попросив убежища на борту американского корабля, но, не разобравшись в ситуации, американцы вернули его на советское судно, с которого он бежал. 20 мая 1971 г. на закрытом судебном процессе С. Кудирку приговорили к 10 годам строгого режима — за «измену родине». Под давлением мировой общественности 23 августа 1974 г. С. Кудирка был освобожден и 5 ноября 1974 г. покинул пределы СССР.

Авраам Шифрин

Система беззакония и рабского труда

Уважаемые члены
следственно-судебного заседания!
Дамы и господа!

Для того, чтобы было более ясно, почему я в своем выступлении коснусь не только моего личного жизненного опыта, но и свидетельств моих друзей, хочу прежде всего перечислить источники сведений, на которых я буду основывать свои свидетельские показания.

1. С 1945 по 1953 год я работал в СССР на разных должностях в области юриспруденции, имею юридическое образование и потому имел возможность как специалист оценивать свою и чужие судьбы с точки зрения соблюдения или нарушения как советского законодательства, так и Декларации прав человека.

2. В 1953 году я был арестован в Москве орга-

нами КГБ и осужден на смертную казнь, которая была заменена на 25 лет спецлагерей, 5 лет ссылки и 5 лет поражения прав. Я человек удачливый (хотя бы потому, что сегодня выступаю перед вами) — я просидел в лагерях и тюрьмах лишь 10 лет и в ссылке пробыл 4 года.

За время с 1953 по 1967 гг. я побывал как политзаключенный (хотя статус политзаключенного официально в СССР не введен) в 9 советских тюрьмах, 18 политических лагерях (строгого, специального и штрафного режимов), в 2 спецтюрьмах, а также многих БУРах и ШИЗО (бараках усиленного режима и штрафных изоляторах); кроме того, я был в ссылке в Казахстане.

3. После освобождения из лагеря я совершил два больших путешествия по СССР: одно — в Сибирь, а второе — по Азии, Кавказу и Украине, с целью увидеть места заключения, о которых слышал от лагерных товарищей, и возобновить контакты с товарищами, оставшимися жить неподалеку от лагерей, из которых они освободились.

4. С 1970 года я нахожусь в Израиле и из месяца в месяц веду переписку с бывшими лагерниками — моими друзьями, живущими в СССР, а также с друзьями, еще находящимися в тюрьмах и лагерях. Эти письма, я надеюсь, будут приобщены к материалам данного «Слушания». На них основывается часть моих сведений.

5. В 1973 г. группой бывших политзаключенных советских лагерей организован в Израиле небольшой центр, который опрашивает бывших заключенных, людей, прибывающих из совет-

ских лагерей, об условиях содержания заключенных, о методах следствия и суда в наши дни.

Итак, первое — это мой личный опыт.

С системой подавления человека в СССР я познакомился в 14 лет: мой отец был арестован, и мы с сестрой и мамой стали «семьей врага народа». Через 20 лет мой отец был посмертно реабилитирован. Был он рядовым инженером, строил фабрики. Но когда он был в лагере, я, как «сын врага народа», попал на фронт в штрафной батальон, где были дети политарестантов. Нас посылали на убой: дали нам 100 винтовок на 500 человек и сказали: «Оружие добудете у врага!». Но я выжил и, окончив войну, вернулся домой.

Арестован я был 6. VI. 53 года, т. е. после смерти Сталина. В это время я работал старшим юрисконсультантом в системе Министерства оборонной промышленности СССР (в те времена оно называлось более откровенно: Министерство вооружения).

Арестовали меня в Москве, на улице, и доставили в достаточно всем известную Лубянскую тюрьму.

Мне не было предъявлено ордера на арест, но меня грубо обыскали и поместили в камеру. Последующий месяц меня допрашивали без предъявления ордера на арест и постановления об обвинении. За это время мне не дали возможности ничего сообщить родным (для них я просто «исчез») или связаться с адвокатом (советским законодательством не предусмотрено участие адвоката в следствии; он может быть приглашен только в суд).

Следствие проводилось, как правило, по ночам, а днем мне не давали спать в камере: «Признайся — тогда будешь спать». Требовали от меня признания в том, что я был израильско-американским шпионом. Одним из «неопровержимых» доводов следователей в доказательство моего шпионажа было то, что я скрыл при поступлении на секретную работу в Министерство вооружения то, что мой отец — Исаак Шифрин — был арестован по политической статье 58-10 УК РСФСР в 1937 году за антисоветскую агитацию; и то, что я эти сведения скрыл в армии и при получении документов после демобилизации из армии и жил с измененными документами. Все это расценивалось как то, что я «пробрался на секретную работу с целью нанесения ущерба советской власти».

Тут необходимо пояснить, что в советском законодательстве в то время еще безраздельно господствовала абсурдная идея генерального прокурора СССР Вышинского о возможности ведения следствия и осуждения человека при наличии только косвенных доказательств (если отсутствуют прямые).

Мне за время следствия никто не предъявил обвинения в похищении или передаче конкретных военных секретов СССР за границу (документов или сведений). Но мне доказывали, что я «знал секреты» и «виделся с иностранцами»; а отсюда делали вывод: «Шпион, так как при его-то биографии знать секреты и не передать их?!»

Характерно, что тут действовал один из основных принципов, на которых базируется советское следствие и суд: «социалистическое правосознание». Суду в СССР прямо вменяется в обязан-

ность судить, руководствуясь «большевистским чутьем» («социалистическим правосознанием»), т. е. оценивать личность подсудимого с точки зрения его отношения к советской власти.

Возвращаюсь к собственному опыту: следствие продолжалось с июня по декабрь 1953 года и за это время меня (кроме месяца бессонницы) подвергли еще воздействию стоячего карцера: 28 суток я стоял в гнилой жиже по щиколотки; но стоял, конечно, лишь первое время, а потом падал, вставал, сидел, терял сознание, приходил в себя и вновь не помнил ничего. От этого карцера спас меня арест Берия, Кабулова, Меркулова, Владимирского и других руководителей советской госбезопасности. Но это отнюдь не привело к моему освобождению: просто появились новые следователи.

Ордер на арест мне предъявили через 35-40 дней после ареста: он был выписан задним числом и скреплен подписью и печатью специального заместителя генерального прокурора СССР по спецделам, т. е. единственного человека в прокуратуре, допущенного к делам КГБ.

Тут необходимо пояснить, что КГБ, по советскому законодательству, — «орган дознания», и следствие должно вестись только под руководством и надзором прокуратуры. Фактически же в прокуратуре выделяется одна специальная должность (на которую присылают из КГБ своего человека) и этот «заместитель прокурора по спецделам» визирует аресты и протоколы окончания следствия. Как видите, и форма соблюдена, и для КГБ помех никаких нет.

В декабре 1953 года меня привезли в военный

трибунал МВД в Москве и на закрытом заседании осудили к расстрелу.

Суд был лишь процедурой оформления: три офицера внутренних войск МВД без всяких эмоций, явно скучая, выслушали мои требования хотя бы сообщить, какие секреты я передал или пытался передать другой стране, — и председатель объявил приговор.

Адвоката в трибунал не пригласили. Никого из моих родных и друзей о суде не известили.

Думаю, что смертный приговор был в это время формальностью: ни я, ни многие из известных мне осужденных к смерти, не писали ходатайств о помиловании, но спустя дни, недели или месяцы многие получали извещение о том, что приговор пересмотрен и расстрел заменен на 25 лет заключения с последующей ссылкой и лишением гражданских прав.

Должен добавить, что приговор к расстрелу, как правило, сопровождался конфискацией всего имущества осужденного.

После суда из следственной камеры меня перевели в общую — на 50-70 человек. Тут я впервые после ареста увидел других политических арестантов. О составе заключенных того периода я скажу ниже.

Заключенные в советской тюрьме постоянно голодны: паек недостаточен; наказывают тоже голодом — помещают в холодный карцер на значительно пониженный рацион (300 граммов хлеба и две кружки воды в сутки). Это положение о карцерах действует и в лагере. Но там оно еще усугубляется выводом истощенных голодом 3/к днем на работу с отправкой на ночь в карцер.

Этап из тюрьмы в лагерь — это не только

нарушение прав человека, но еще и лишение его элементарных прав живого существа: в этапной машине («воронке»), рассчитанной на 10-11 человек, перевозят 25-30 человек, с вещами. Это означает, что последних конвой буквально втискивает в машину и туда же еще сует вещи. Потом в абсолютной темноте и тряске люди теряют сознание от тесноты и духоты.

После прибытия «воронка» к специальному железнодорожному вагону для заключенных положение лишь ухудшается: в «купе», рассчитанное на 8 сидячих и 4 лежащих места, вталкивают по 22-25 человек, люди буквально сидят друг на друге. Переезд длится неделями. Пища — сухой или гнилой хлеб и селедка. А воды нет. И в уборную выводят не чаще двух раз в сутки.

Хочу для сравнения привести пункт 12 «Правил обращения с заключенными», принятых ООН 30 августа 1955 года: «Состояние санитарных узлов должно позволять в сем заключенным отправлять свои естественные потребности аккуратным и достойным образом по мере необходимости». В связи с упоминанием слова «достойным» я вспоминаю общие уборные на 50-60 человек, полные жутких, откормленных крыс... Но это уже в лагерях.

В лагере прибывших заключенных одевают в специальную форму (для политических, осужденных на «особый режим», с номерами на груди, а в мое время номера были еще и на спине, на шапке и на правом бедре) и выводят ежедневно под конвоем солдат и тренированных собак на работу, которая продолжается 10 часов; обыск, вывод, конвоирование, вновь обыск и возвращение в лагерь занимают в среднем дополнительно

3-4 часа. Таким образом, никакое трудовое законодательство на з/к не распространяется.

Ввиду того, что о нарушении трудового законодательства СССР в лагерях надо и можно читать целую лекцию, я представляю для приобщения к материалам процесса специальную справку — исследование по этому вопросу, составленную мною по просьбе главы профсоюзов США г-на Дж. Мини.

Только в лагере я понял, как тяжело, когда человека лишают возможности переписываться с родными, возможности увидеть родных. За многие годы своей деятельности КГБ создал такие инструкции, при которых заключенный на бумаге имеет некоторые права, а фактически осуществить их не может. Например, политзаключенный может отправить одно, иногда два письма в месяц. Но в инструкции сказано «близким родным», и цензура может придаться к тому, что адресат не «близкий»; или не отправить письма из-за его якобы недопустимого содержания. То же и с письмами, приходящими в лагерь: лишь редкие из них попадают к адресату. Вот у меня письмо з/к А. А., в котором он (в 1975 г.) пишет о конфискации у него шести писем. Мне знакомо это и по личному опыту, а приезжающие из лагерей сейчас свидетельствуют, что положение не меняется к лучшему, а ухудшается. А ведь лишение переписки приговором не предусмотрено, не основано ни на каком законе: это инструкция КГБ и МВД.

Заключенные лишены права получать продуктовые и вещевые посылки: в год разрешена лишь одна продуктовая посылка весом в 5 кг, и право на нее з/к получает лишь после отбытия полови-

ны срока приговора. Но это относится к области «права», а фактически за «нарушение» лагерного режима любой надзиратель может лишить з/к этой единственной в году посылки! Что такое «нарушение» режима? Невыполнение рабочей нормы (а она практически невыполнима), непосещение политзанятий (а каково сидеть и слушать в лагере лекции о счастливой и свободной жизни, которая якобы царит в стране?); даже если з/к не встал и не снял шапку при приближении надзирателя — это «нарушение режима». Но, например, евреи по религиозному закону не могут снимать шапку, и их за это систематически лишают всех прав и еще издеваются: «Мы вас культуре учим!» Опять-таки: в законах СССР не оговорена пытка з/к голодом и лишение их права на посылки. И тут действует бесправие — инструкция КГБ—МВД.

О еде в лагерях многие писали, и расскажут здесь многие. Поэтому я остановлюсь лишь на одном аспекте: питание верующих, которые по религиозному закону не едят мяса или не едят свинины, или придерживаются обычаев очищения продуктов (еврейский кошрут), или вегетарианство у некоторых сект христиан. Эти люди, как правило, арестованы только за свои религиозные убеждения, и они не могут не соблюдать обрядов своей религии; это и евреи, и мусульмане, и буддисты, и индуисты, и адвентисты 7-го дня и некоторые православные христианские группы верующих.

Еще один момент в жизни з/к: право на свидание. Прежде всего это право з/к получает лишь при отсутствии «нарушений» режима. Как правило, свидание дается лишь в присутствии

надзирателя на несколько часов; право на личное свидание в отдельной комнате дается лишь как привилегия и поощрение. Мой личный опыт: после 8 лет моего пребывания в лагерях моя мать получила разрешение на двухчасовое свидание со мной. Перед свиданем ее, вольного человека, грубо обыскали и всячески оскорбляли рассказами о сыне-преступнике. Я сказал «поощрение»: под этим словом администрация понимает плату за предательство — сотрудничество з/к с КГБ. Увы, в лагерях СССР есть внутренняя полиция, состоящая из самих з/к, — «бригады общественного порядка». К участию в подобных мероприятиях администрация вынуждает з/к систематическим голодом и лишением прав на переписку, посылки, свидания. Слабые, в конце концов, сдаются.

А для тех, кто не сдается, существуют и дальнейшие меры принуждения, никак не предусмотренные в законах страны «победившего социализма», но оговоренные в тайных инструкциях и известные всем з/к по личному опыту: штрафной изолятор (ШИЗО), барак усиленного режима (БУР) и тюремный режим (закрытая тюрьма) — не подумайте, уважаемые дамы и господа, что в СССР есть открытые тюрьмы, как в Швеции: это лишь игра слов.

ШИЗО и БУР это, как образно выразился один з/к, «малая тюрьма»: в углу лагеря выгорожена отдельная зона, и в тюремном здании содержатся в камерах, с выводом на работу днем, наказанные на 10, 15, 20 и даже 30 суток з/к. Они лишены права свободного передвижения внутри лагеря (для з/к это большое лишение). Они получают резко пониженный паек и выходят даже

после 10-15 дней заключения в лагерную зону, как удачно говорится на лагерном жаргоне, «тонкие, звонкие и прозрачные», пошатываясь...

Но это «цветочки». За «злостное» нарушение режима отправляют в закрытую тюрьму. Для политзаключенных это, в основном, г. Владимир. Но есть и многие другие: я лично был и в Семипалатинске, в Усть-Каменогорске, а также на ст. Вихоревка Иркутской области. Иногда это старые, иногда новые тюрьмы. Ужас старых тюрем Сибири описан не раз в литературе: вонь, грязь и мрак. Сейчас в них введены «усовершенствования»: окна закрыты светонепроницаемыми щитами и уменьшены наполовину. Но новые тюрьмы славятся еще кое-чем: они построены из железобетона, в который сыпали соль для более быстрого застывания бетона. И это привело к тому, что летом там сыро, а зимой стены промерзают насквозь: стены изнутри покрыты снегом и льдом. Такова тюрьма № 10 на ст. Вихоревка, существующая и сегодня: у меня есть переписка с бывшими з/к, живущими там рядом с тюрьмой, и сведения эти за 1975 год. Вот и попробуйте подвести подсыпку соли в бетон под какие-либо положения о нарушении прав человека! «Страна неограниченных НЕ-возможностей» — так мы называли и называем СССР. Надо бы в эти тюрьмы возить з/к западных стран на экскурсии; советую это администрации тюрем, где з/к бунтуют от того, что им все время курятину дают, а они хотят бифштексы. Или хорошо было бы туда отправить того коммуниста-убийцу, который, как недавно сообщали газеты, выразил протест против своего ареста тем, что разломал в своей камере цветной теле-

визор. Ведь рассказать это з/к в СССР — они попросту не поверят.

Администрация советских тюрем и лагерей боится з/к: доведенные до отчаяния люди уже не раз бросались безоружными на пулеметы. И побеждали! В Норильске, на Воркуте, в Кингире и других громадных центрах скопления з/к в период 1953-54 гг. прокатились восстания, где з/к бастовали. Все восстания были потоплены в крови. Я надеюсь, что здесь выступят свидетели этих массовых расстрелов. Я о них только слышал от очевидцев. И вспоминаю об этом для того, чтобы рассказать, как КГБ, стараясь ослабить и уничтожить своих врагов — з/к, натравливает в лагерях одних з/к на других.

Тут, может быть, следует пояснить, что разница в охране з/к между странами Запада и СССР состоит в том, что там КГБ культивирует жестокость, садизм и бесчеловечность охраны по отношению к охраняемым. Ведь даже при сдаче приеме поста охраны существует формула: «Пост по охране врагов народа сдал!» — говорит сменяемый часовой. «Пост по охране врагов народа принял!» — отвечает принимающий солдат. А расстрелы якобы пытавшихся бежать?! Ведь за убийство з/к солдат-охранник получает 2 недели отпуска с правом поездки к семье!.. А натравливание собак на з/к, отстающих в этапной колонне? А обыски с раздеванием догола на 30-40-градусном морозе? А показать голодному з/к продуктовую посылку, пришедшую из дома, открыть ее у него на глазах и... объявить о невыдаче? — Садизм и издевательства такого рода я видел не раз.

Хочу рассказать о фактах убийства з/к руками з/к, натравленных лагерной администрацией.

В лагерях «Камышлага» на лагпункте № 3 я наблюдал зимой 1954 года, как оперуполномоченные КГБ распространяли слухи о готовящемся вооруженном нападении русских з/к на украинских з/к и наоборот: украинских з/к — на русских з/к. Делалось это элементарно просто: в личных беседах сотрудник КГБ, украинец по национальности, «проговаривался» заключенному-украинцу о том, что ему известно о готовящейся резне: «Вас русские будут резать». А чекист-русский также «проговаривался» русскому з/к: «Смотреть противно, как эти украинцы на вас ножи точат». И в лагере началось брожение: вроде бы никто «проговорившимся» не верит, а все же нашлись осторожные и начали тайно готовить ножи: обороняться-то надо! А вражда украинцев к русским, прибалтов к русским, грузин, чеченцев, ингушей и других национальностей к русским, как оккупантам и русификаторам, всегда подогревалась властями даже и на свободе: «разделяй и властвуй!» Вот и тут провокация упала на подготовленную всей жизнью почву. И однажды, в 6 часов утра, когда еще было темно и бригады з/к строились для выхода на работу, началась массовая резня. Очевидно, люди наметили своих «врагов» заранее и резали молча; только стоны выдали ужас происходящего. Меня сбили с ног, и я лежал под упавшими телами, когда администрация, ожидавшая этого часа, осветила зону прожекторами и открыла по з/к огонь из пулеметов. В то утро погибло около двухсот человек; и кроме того, суд приговорил к смертной казни примерно шестерых

«зачинщиков» — з/к, первыми попавшихся в руки администрации после резни.

Второй случай массового убийства з/к руками з/к я наблюдал в «Озерлаге», в Иркутской области. В г. Ангарске на строительство громадного комбината искусственного бензина выводили з/к из десятков разных лагерей в одну общую рабочую зону. И там было очень много чеченцев, ингушей, кабардинцев — жителей Кавказа. Как КГБ удалось спровоцировать избиение этих «черных» объединившимися «белыми» — я не знаю. Возможно, тем, что на должности, связанные с раздачей еды и одежды, были специально назначены только кавказцы, что и вызвало ненависть. Во время этой резни среди бела дня погибло не менее 3-4 тыс. человек: з/к, которых судили потом, как «зачинщиков», говорили, что на суде прокурор назвал эти цифры.

Так власти СССР, разжигая национальную рознь, уничтожают своих врагов их же руками.

Ну, а евреи? Тут уж советская власть не упускает возможности!

Прежде всего евреев бросают совершенно сознательно в тюремные камеры, где сидят люди, осужденные еще в 1945-50 гг. как пособники нацизма. Люди эти озлоблены до предела. Их интеллект и мораль на стадии полужверинной; это — бывшие полицейские и члены зондеркоманд, расстреливавшие евреев.

(Тут опять уместно вспомнить «Правила для заключенных», принятые ООН. В пункте 9 абзац 2 сказано: «Если для сна используются спальни, заключенные, ночующие в них, должны быть тщательно подобраны, чтобы они могли ужиться друг с другом в таких условиях».

Как наивно звучит это при сравнении с советскими лагерями: звучит как шутка.)

Я слышал однажды спокойный разговор двух таких з/к: «Ты за что сидишь?» — «А ни за что». — «Как, ни за что? В приговоре-то что записано?» — «А там записали, что я людей в войну убивал». — «А ты, что, не убивал?» — «Да я жидов убивал, а не людей».

Подобные люди могут, убивая, например, камнем птицу — ради удовольствия — восклицать оживленно: «Вот я тебя, жидовскую сволочь!»

Вот в таком окружении и находятся евреи в советских лагерях.

Я не говорю о прекрасных и чистых людях всех национальностей, которых я встречал в лагерях и дружбу с которыми сохранил до сегодня: не это интересует настоящий форум. Мы свидетельствуем о преступлениях властей СССР против понятия Человечности, и потому я освещаю мрачные стороны той жуткой жизни, в которой и сегодня находятся мои друзья.

Следующим моментом, используемым властями СССР во вред евреям в лагерях, является наличие там з/к, осужденных за участие в неонацистских фашистских молодежных организациях. Уже с 1957 года начали прибывать в лагерь такие фашистские группки. Я помню группу из Ленинграда. Это были студенты. Антисемитизм их был идеологически обоснован: они верили и в «Протоколы Сионских мудрецов» и в то, что советская власть «держится только на евреях». На лагпункте № 7 они пытались в 1961 году организовать еврейский погром: ходили по баракам и вербовали з/к, опираясь, конечно, на пособников немецких нацистов-убийц. Лишь бла-

годаря стойкому отпору, который евреи дали этой группе при поддержке ряда наших друзей всех национальностей, мы устояли и не стали жертвами. Администрация лагеря и КГБ, у которых все это происходило на глазах, не наказала виновных, предпочла «не заметить». Но если бы драка и резня вспыхнула, то и нас — евреев, и тех, кто нападал, судили бы дополнительно. Власти всегда используют ситуацию до конца с выгодой для себя: истребить врагов любым путем.

Я знаю частые случаи, когда оперативные сотрудники КГБ распространяли в лагере через своих «стукачей» порочащие слухи об активных з/к; часто это были и мои товарищи-евреи. Однажды объектом такой провокации стал и я. Следует учесть, что это было в 1955 году, а тогда слух о том, что ты «стукач», был равнозначен смертному приговору: в ту же ночь з/к убивали этого человека. Поэтому мы с друзьями, узнав о появившемся днем порочащем меня слухе, немедленно начали расследование. Мы шли от одного з/к к другому и выясняли, где начало цепочки. Найдя «первоисточник», мои друзья завели его в скрытое место, и он признался в том, что получил задание от оперуполномоченного КГБ распространить этот слух. Этого стукача провели по баракам, и он вслух повторил свой рассказ при сотнях з/к, после чего его отпустили, и он убежал на вахту лагеря под охрану своих хозяев. Так мне спасли жизнь. А сколько людей было убито таким методом?!

Евреи-заключенные — постоянно находятся под особым надзором КГБ в лагерях: если два-три еврея собираются вместе, то их тут же раз-

гоняет надзор: «Не устраивать сионистское собрание!» А если несколько евреев участвуют в голодовке или их большинство в бригаде, не выполнившей норму или не вышедшей на работу, то администрация старается оформить уголовное дело о «сионистской группировке».

Празднование религиозных праздников евреям категорически запрещено: евреи не могут собираться на Пасху или на Новый год, не могут испечь или получить мацу.

И снова обратимся к «Правилам для заключенных», принятым и СССР и ООН: в п. 41 и п. 42 сказано, что в лагеря должны допускаться духовные лица, представляющие религию заключенных, которые должны проводить богослужения; и «каждый заключенный имеет право удовлетворять свои религиозные запросы» и «иметь в своем распоряжении книги религиозного содержания по своему вероисповеданию».

Я хорошо помню, как надзиратели устраивали костры из Библий, отнятых у верующих. Они, очевидно, не знали этих «Правил», принятых ООН...

Евреи, которые попали в лагеря за свои религиозные убеждения, или ортодоксальные евреи, стремящиеся исполнять предписанные верой обряды, находятся в ужасных условиях. Прежде всего они не могут питаться в общей столовой: еда там некошерная. Их просьбы о выдаче продуктов сухим пайком отвергаются с издевательствами, с насмешками.

Действует администрация явно по внутренней инструкции свыше. И лишь в редких случаях какой-либо начальник продуктовой части выдает месяц-другой сухой паек этим изголодавшимся

людям. Ведь эти верующие не едят ничего, кроме хлеба и воды. И так — годами! Я сам видел, как жили так з/к Н. Каганов, Л. Раблович, Л. Теплинский и многие другие.

Особому преследованию евреи-верующие подвергаются за соблюдение обрядов: молитвы, омовения, ношение головного убора — кипы. Им запрещают уединение для молитвы, а тем более требуемый по Закону Моисея Миньян — объединение 10 евреев в молитве. Им не дают в пятницу пойти в баню для предсубботного омовения. Надзиратели срывают с евреев шапки в столовой и в бараках. И особенно издеваются над теми евреями, которые пытаются не стричь бороду и пейсы. Я не раз видел и в Озерлаге, и в Камышлаге, и в Дубровлаге сцены, когда надзиратели тащили сопротивляющегося заключенного-еврея на вахту и, надев на него наручники, брили ему насильно бороду и пейсы. Причем нигде в законах СССР нет ни слова о запрете носить бороду или пейсы, но принудительной стрижке подвергают и евреев и священников-христиан. Я надеюсь, что об их преследовании здесь скажут отдельно и потому не говорю об этом.

Таким образом, делается это лишь с целью унижения человеческого достоинства и попрания человеческих прав на духовную свободу.

Администрация лагерей и конвойные войска всегда и всячески стараются натравить уголовников во время общего этапа на евреев-з/к. Делают ли это по инструкции или по собственному садистскому почину — не могу сказать. О том, что издевательства над евреями были, я знаю по собственному опыту. О том, что они продолжают сегодня, — я знаю из собранных сообщений

моих друзей, освободившихся из лагерей СССР в 1973-75 годах и приехавших в Израиль.

Их свидетельства я передаю в следственную группу «Слушания Сахарова».

Теперь я хочу рассказать об установленной тоже по некой инструкции властей СССР процедуре похорон заключенных, умерших в лагерях.

Мне лично самому приходилось несколько раз исполнять грустную роль — хоронить умерших товарищей в Озерлаге. Если з/к умер летом, то ему «повезло»: летом копают общую могилу и в нее сбрасывают голые трупы с деревянными бирками, привязанными к ногам умерших: на фанерке не фамилия, а номер тюремного дела. На могилу ставят столбик с номерами захороненных.

Но похоронам и летом и зимой предшествует следующее: когда тележку с трупами подвозят к вахте лагеря, то конвой, по неизвестному нам, но явно существующему узаконению, должен убедиться, что среди трупов нет притворяющихся умершими.

В разных лагерях «проверку» делают по-разному: или молотком разбивают каждому умершему череп; или железным прутом, накалившимся в печке, прожигают трупы перед тем, как выпустить их «на свободу»...

А потом, если хоронили зимой, мы привозили трупы и клали закоченевшие тела на снег: ведь могилу на 40-50-градусном морозе не выкопаешь. И, если приезжали хоронить других умерших через день-два, то оставленных прежде трупов уже не находили: их съедали дикие звери. Все мы знали — да надзор и не скрывал этого — что солдаты ставят капканы и ходят охотиться к

«кладбищу», а шкуры убитых чернобурых лисиц, соболей, куниц и других зверей-трупоедов сдают в «Союззаготпушнину». Об этих фактах я уже не раз говорил на Западе, в свободном мире. Но всегда вижу и в Париже, и в Лондоне, и в Нью-Йорке и в других городах оживленных дам в магазинах «Русские меха». Магазины эти и сегодня бойко торгуют...

Посмотрим теперь, как освобождают из заключения.

Освобождение из лагеря или тюрьмы в СССР происходит лишь как акт дальнейшего ущемления прав человека: до 1955 года «освобожденный» отправлялся под конвоем, по этапу, через тюрьмы и пересылки, месяцами ехал за три-четыре тысячи километров — в место определенной ему ссылки; никого до 1955 года вообще не освобождали с выездом домой. А с 1955-56 гг. в ссылку едут сами: лагерь выдает билет и маршрут следования. Если освобожденный где-то задержится, ему угрожает тюрьма и новый суд: за нарушение паспортного режима. Я знаю много таких случаев. Вот, например, Владимир Ришаль был отправлен в тюрьму еще на год за то, что поехал увидеть жену и детей в Москву после 14 лет разлуки.

Освобожденный получает справку об освобождении (ее заменяют в милиции по месту ссылки на паспорт) или сразу паспорт. Но всегда в паспорте стоит номер параграфа, указывающий на твои ограничения в передвижении. А если освобожденный не приговорен по суду к ссылке, то в его паспорте стоит все же номер параграфа «Положения о паспортах СССР», и согласно

этому номеру освобожденного не прописывают, милиция запрещает ему жить в определенных городах страны. Есть параграф, условно называемый «минус 16»: нельзя жить в союзных центрах. Есть «минус 30», «минус 40» и т. д.: нельзя жить в 30 или 40 городах страны.

Практически, освобожденных от ссылки или окончивших ее прописывают лишь в провинции. А при приезде в крупные центры берут с них в милиции подписку о немедленном выезде: при вторичном задержании вас могут уже судить «за нарушение паспортного режима» и отправить на один-два года в тюрьму или ссылку (как, например, сделали сейчас с Анатолием Марченко).

Есть еще, кроме ссыльных, люди «на высылке»: это приговоренные жить определенный срок вне крупных центров. Сейчас, как мы знаем, советские власти часто практикуют приговоры к ссылке и высылке. Так, за последние месяцы были арестованы, осуждены и высланы Б. Цитленок, М. Нашпиц и другие еврейские активисты, борющиеся за выезд из СССР.

У меня часто спрашивают: сколько з/к в СССР, сколько лагерей?

Мы в Израиле пытаемся вести учет, подсчет и все время сбиваемся: ведь, кроме известных лагерей и имен арестантов, громадное количество людей и мест заключения неизвестны нам.

Приведу один пример: в Краснодарском крае, на юге СССР — не в Сибири, а в крае садов и курортов — по более или менее точным сведениям, сейчас 7 больших тюрем и 32 лагеря заключенных; сидят в них, примерно, 30 тысяч человек, занятых на разных работах — на лесо-

повале, на строительстве городов и каналов.

Что же тогда говорить об Иркутской области или Красноярском крае, о Воркуте, Казахстане или Колыме? Строит сейчас советская власть железную дорогу под названием «БАМ». Это Байкало-Амурская железная дорога. Думаю, что нет в СССР человека, не слышавшего о «Бамлаге». Дорога эта строится уже много лет руками з/к, ее строили при мне в 1956-63 гг. Сейчас на готовые участки для работ по механизации ввозят вольнонаемных и поэтому объявили об этой стройке. А раньше на 5-6 тысячах километров стройки из года в год трудились сотни тысяч з/к, погибая в болотах, замерзая зимой на горных перевалах.

Вряд ли можно говорить о подсчетах з/к в СССР, лишь ориентировочные цифры возможны до дня следующего Нюрнбергского процесса, где будут фигурировать цифры из архивов КГБ.

Но возвращаюсь к нарушению элементарных основ даже советского законодательства при освобождении.

Многие знают, что в тюрьму отправляли в СССР по решению ОСО — «Тройки» — без какой бы то ни было процедуры суда, без формальностей, без вызова обвиняемого, без его опроса. Но знают ли о том, что в 1956 году заключенных освобождали «Комиссии Хрущева» в лагерях тоже по принципу работы ОСО? Я был очевидцем этого, внимательно наблюдал за событиями и анализировал их как юрист.

Происходило это так:

В марте 1956 года в системе «Озерлага» было официально объявлено, что из Москвы прибудет Специальная Комиссия Верховного Совета СССР,

уполномоченная пересматривать дела заключенных, решать обоснованность предъявленных им обвинений и соответственно отменять или подтверждать ранее вынесенный приговор.

В этот период в лагерях сидели люди, имевшие, в основном, приговоры на 25 лет ИТК или спецлагерей; приговоренные на 15 или 10 лет считались «малосрочниками», и их даже разрешалось иногда расконвоировать для работ за зоной лагеря. В приговорах даже совершенно невиновных людей были записаны чудовищные обвинения в терроре, шпионаже, диверсиях. Чтобы не быть голословным, приведу примеры: некий з/к Горман был приговорен к 25 годам особых лагерей как шпион. Он сам мне рассказывал, что его беспощадно били во время следствия и требовали признаться в шпионаже. Когда он «признался», то потребовали назвать страну, в пользу которой он шпионил. Горман сказал, что согласен, чтобы в протокол записали любую страну, но следователи садистски настаивали: «Назови сам!» Он решил: если назвать большую страну, вроде США или Англии, — расстреляют; назову лучше маленькую страну, и сказал — Гватемала. Так и записали: шпион Гватемалы. А Гватемала и не знала, что у нее был в СССР доброволец-разведчик...

Второй случай еще более дикий: троих чукчей, никогда не видевших электричества или парохода, приговорили к 25 годам спецлагерей за «вооруженную диверсию против военно-морских сил СССР». Как звучит! А на деле было так: эти чукчи обнаружили в океане у берега кита и начали бросать в него железные гарпуны, стрелять из охотничьей винтовки. Ведь для них убить

кита — это на год обеспечить все племя продовольствием!

А «кит» в них выстрелил сам, потопил их утлую лодочку и «проглотил» их — так они нам рассказывали. Внутри «кита» были еще люди, которые их привезли куда-то, и они были осуждены: «кит», как вы понимаете, был советской подлодкой.

Я рассказываю вам не анекдот: думаю, что все з/к, бывшие в «Озерлаге», знали этих чукчей.

Эти примеры я привел, чтобы вам было понятно, какая невыполнимая задача стояла перед Специальной Комиссией. Ведь в наших тюремных «делах» лежал лишь приговор, а там записан голый «факт» — шпион, диверсант, террорист, пропагандист антисоветских идей, и не менее «веские» обвинения. Самих следственных дел Комиссия не имела и не могла иметь: надо было их сортировать по лагерям и развозить целыми вагонами, составами: ведь в те времена сидели миллионы политзаключенных.

И вот как просто и легко решило этот сложный юридический казус советское законодательство: на Комиссию в день вызывали в нашем лагере 60 з/к и опрос каждого продолжался от 2 до 3 минут: уточняли фамилию, имя, год рождения и спрашивали, признает ли себя виновным. После этого «совещались» 1-2 минуты и объявляли: «Вы освобождены и реабилитированы». Никаких дополнительных документов, допросов, протоколов: идеальное преодоление всякой бюрократии! Но и этого оказалось мало: в зонах сидело огромное число заключенных, освобождая по 50-60 человек в день, Комиссия будет работать год, годы...

И вот, очевидно, согласовав с Москвой, Комиссия через 12-15 дней после начала работы объявила по радио в лагерные зоны: «Все з/к, осужденные по решению ОСО, считаются реабилитированными и должны выйти к вахте с вещами для получения справок об освобождении...» Так освободили не менее 30% з/к, а уж с остальными «работала» Комиссия.

Как видите, из лагерей освобождало то же ОСО, что и направляло в лагеря, а поэтому им не надо было задумываться над делами ОСО — невиновность этих людей им была ясна без рассмотрения «дел».

Характерно и то, что через две-три недели Комиссия свернула свою работу и уехала, оставив в лагерях не менее 25-30% арестантов. Очевидно, Хрущев решил, что эффект на весь мир он произвел достаточный — миллионы арестантов приехали домой и об этом говорили и писали на Западе — а потому остальные могут сидеть и работать дальше.

Моя фамилия начинается на букву «Ш» — почти последняя в русском алфавите: Шифрин, и до меня «очередь» на освобождение не дошла. На Комиссию меня вызвали, но в последние дни, когда уже не освобождали. Я утешался тем, что с моей фамилией и на расстрел меня вызовут, может быть, последним...

Несколько слов о составе заключенных в лагерях до 1963 года. Когда я был арестован в 1953 году, то увидел в лагерях — а прошел я много пересылок, тюрем и лагерей — примерно такой состав политзаключенных (я не даю статистики, а только то, что видел):

1. Основную массу з/к в лагерях составляли

бывшие солдаты и офицеры армии Власова и националисты, среди которых преобладали украинцы; но очень много также было литовцев, латышей, чеченцев, ингушей, татар и других представителей национальных меньшинств. Эта часть заключенных составляла не менее 60-70% лагерей, тюрем и пересылок, которые я увидел в 1953-55 гг.

2. Корейцы и китайцы составляли заметную часть лагерей — 7-8%.

3. Евреи были в массе з/к не очень заметны: обычно в лагере, где было, примерно, 2000 человек, я встречал до 100 евреев. Но если учесть, что евреи по отношению к населению СССР составляют примерно 1-2%, то «процентная норма» была явно завышена: евреев в лагерях было (по отношению к общему числу заключенных) примерно 5%.

4. Заметны в лагерях были иностранцы. Их было много, особенно немцев, румын, испанцев, японцев — бывших военнопленных. Я застал, как мне объяснили, лишь небольшой остаток: на тайшетской «Трассе смерти» было, как рассказывали, не менее 100 тысяч военнопленных на положении заключенных, а я увидел не более 7-8 тысяч: в 1955 году их отправляли за границу и цифры были известны по количеству железнодорожных вагонов.

5. Были и иностранцы, похищенные с Запада; очень многих из них выкрали из Австрии, когда там была советская зона оккупации. Среди них я помню и американцев (например, генерал Дубик), и французов (например, Венсан де Сантер), и швейцарцев (например, Анри Гевюрц). Было много иностранцев-коммунистов — из тех, кто

приехал строить коммунизм в СССР. Были и испанцы, вывезенные из Испании детьми в 1937 году и пожелавшие выехать из СССР, когда выросли — за это желание их отправляли в тюрьмы.

До настоящего времени в лагерях СССР есть иностранные подданные, вероятно, всех стран мира. Я передаю полученное мною свидетельство приехавшего из СССР в 1974 году заключенного И. К. — список иностранцев-заключенных для общения к материалам данного процесса. Из этого списка вы видите, что до сих пор в лагерях СССР сидят и японцы, и американцы, и даже друзья СССР из арабских стран. Воистину лагерь в СССР — это единственное место, куда власти направляют без дискриминации по национальному признаку.

Должен сказать, что мне известно также из показаний бывшего з/к И. М. о том, что и сегодня есть много иностранцев в лагере на острове Врангеля. Власти держат их имена в секрете.

6. Остальная часть лагерного населения была бесконечно разнообразна: студенты и школьники, сидевшие за детские обсуждения политики правительства; их профессора и преподаватели, допустившие воспитание молодежи не в соответствии с курсом генеральной линии компартии; правоверные коммунисты, наивно писавшие письма в правительство с предложениями, как «подправить» советскую власть (среди них я помню даже секретаря горкома партии Сталинграда); советские чиновники всех рангов, посаженные при сведении счетов между собой: помню среди них бывшего секретаря ЦК компартии Армении Григория Цатуряна, который красочно рассказывал, как он с Берия и Микояном, по

указанию Сталина, составляли проскрипционные списки на уничтожение людей на Кавказе без суда. Много было молодежи, арестованной при нелегальном переходе границ СССР или при подготовке такого побега. Вы знаете, что выехать за границу из СССР легально практически невозможно без ведома и санкции КГБ. Лишь за последние годы евреи частично прорвали этот воистину железный занавес. А в те времена выезд был невозможен. Вот люди и пытались бежать, и их арестовывали и отправляли в тюрьму. Хотя должны были осуждать на срок до 3-х лет за переход границы — осуждали на 25 лет за «измену родине»! Были среди з/к и те, кто добровольно репатриировался в СССР, после эмиграции на Запад. Думаю, что очень немногие из этих заболевших ностальгией и вернувшихся в СССР не прошли «курс лечения» в советских концлагерях. Они знали всех вернувшихся и перечисляли их. Думаю, что эта же участь ждет и сегодняшних несчастных, не находящих себе места в мире демократии и желающих вернуться в СССР.

Теперь о составе заключенных в сегодняшних лагерях.

Тут, прежде всего, я хочу рассказать об одном из грубейших нарушений советского законодательства, которое я наблюдал в СССР. Дело в том, что в 1958 году — если память мне не изменяет — Верховный Совет СССР снизил предельный срок заключения с 25 лет до 15 лет. Этот закон автоматически должен был быть распространен на всех з/к, ранее осужденных на 25 лет заключения. Фактически же нам было объявлено о том, что наши дела «пересматриваются»

в соответствии с новым законом. И каждому из нас, приговоренных на 25 лет, — отдельно объявили спустя год, два или три, каков его новый срок. Мне в 1961 году объявили о снижении моего срока до 10 лет. А я уже и ждать перестал...

Я-то дождался, но многие, очень многие з/к так и не получили снижение срока, хотя закон прямо оговорил обратную силу, т. е. автоматическое распространение его на всех ранее осужденных. Я могу назвать вам, для примера, фамилии моих друзей, закончивших в 1974-75 гг. срок в 25 лет, хотя по законам СССР такой срок наказания не существует: Соломон Беркович — один из деятелей еврейского Бунда; Владимир Горбовий — один из борцов украинского движения за независимость. А Михаил Сорока не дождался до освобождения — умер после 23 лет заключения. Зато его жена Екатерина Зарицкая — выжила и отбыла все 25 лет, к 1974 г. Но раввин Янкель Меерович умер в лагере — освобождения не дождался... (О нем я еще помню, что следователь-садист из КГБ вырвал ему половину бороды на следствии...)

Таково отношение советских властей к их собственным законам.

Когда однажды при мне в лагере спросили у начальника Управления лагерей «Озерлага» полковника Евстигнеева, почему власти не исполняют ими же изданный закон, он ответил: «Нам спокойней, если вы за решеткой». Это ясный и откровенный ответ советской власти, а законы — для общественного мнения, для заграницы, как балеты в Большом театре и выступление ансамбля «Березка».

Итак, переходя к составу з/к в сегодняшних политлагерях, я и начинаю с того, что там есть и сегодня люди, сидящие по 20 и больше лет. Но есть и новое, так сказать, поколение. Я еще в 1960-63 гг. увидел, например, своими глазами студентов, арестованных за протест против подавления венгерской революции — очень советую учесть это западным левым демонстрантам: их бы в СССР загнали в лагеря за один час. Ведь следует учесть, что «протест» советских студентов был не более, чем собраниями и обсуждениями событий — демонстраций даже не было! Зато аресты массовые были. Но ведь давно известно, что репрессии горячую молодежь не учат осторожности: всем вам известно, что в эти годы в СССР началось так называемое «Демократическое движение», проявившееся в открытом чтении стихов, в выпуске студенческих и школьных журналов, где обсуждались проблемы, назревшие в СССР. Именно за эти «преступления» новые политзаключенные попали в лагеря в 1960-63 годах.

Среди участников этих групп по всей стране заметно было преобладание опять, увы, евреев. Я сознательно говорю «увы», так как считаю, что евреям лучше проявлять себя хорошим примером в сионизме, а не делать чужих революций. Этот беспокойный, «бродильный фермент» всех революций и контрреволюций проявил себя в данном случае весьма активно. Хотя и появились за последнее время в свободном мире некоторые заявления о том, что, дескать, евреи в СССР борются «только за себя», но факты это явно опровергают.

Чтобы не быть голословным, могу привести

известные и вам и всему миру имена евреев-демократов: из первых — чтение стихов на площади Маяковского в 1960 году: Эдуард Кузнецов и Илья Бокштейн; из первых и печально-заключительных — Петр Якир. Кроме того, всем известны имена Ю. Телесина, Литвинова, Гинзбурга, Ригермана, Якобсона, Файнберга, Горбача, Суперфина, Гершовича, Бродского, Цукермана, Вайля, Тумермана, Шахновича, Вишневской, Зильберберга и многих других, включая Галича, роль которого в движении трудно переоценить.

Думаю, что мне смешно объяснять вам, что все «преступление» этих людей против властей СССР выразалось лишь в том, что они думали не так, как приказывают коммунисты, и иногда выражали свои мысли устно и письменно. А если устраивали демонстрации, то — молчаливые, даже без лозунгов, как, например, ежегодная пятиминутная демонстрация в День защиты прав человека на Пушкинской площади в Москве, когда люди просто стоят, обнажив головы.

Пополнили в это время лагеря и те, кто хотел уехать нелегально в Израиль, — например, А. Гузман, советский офицер; те, кто пытался разоблачить перед западным миром преследования евреев в СССР и писал анонимно статьи о государственном антисемитизме в СССР: среди них я помню семью Подольских — Дора (мать), Семен (отец), Борис (сын). В этой же группе была Тина Бродецкая. Попал в лагеря Б. Кочубиевский, заявивший на заводском митинге о том, что Израиль — не агрессор.

Пришли в лагеря первые сознательные неосионисты: такие, как Хавкин, Шнайдер и другие. Пришли верующие евреи — за то, что протесто-

вали против насильственного закрытия властями синагог. Я не буду называть здесь сотни и сотни известных мне имен. Я просто хочу показать, что в 1960-63 гг. арестовывались люди, ни в чем неповинные по законам свободного мира.

Стремление евреев к свободе и человеческому праву на свободный выезд из страны нашло свое проявление в неосионизме — чисто народном движении за выезд в Израиль. Я думаю, что властям СССР это движение было опасно своим примером для других: сегодня многие национальные группы в СССР научились на этом примере евреев и требуют как свободного выезда, так и соблюдения своих человеческих прав.

Испуг советских властей перед неосионизмом не выразился в немедленных арестах: в период 1964-70 гг. пришедший к власти Брежнев еще только набирал силы и даже высылал в Израиль тех, кто был ему опасен активными действиями. Но зато с 1970 года мы видим в СССР все новые и новые провокации КГБ, сопровождающиеся арестами: тут и известное «ленинградское дело», когда сразу дюжина евреев была арестована за подготовку побега из СССР и осуждена на предельно большие сроки, вплоть до расстрела; тут еще десятки арестов и ряд судов в Риге, Кишиневе и снова в Ленинграде: Гальперин, Волошин, Богуславский и многие другие. Потом процесс Розы Палатник в Одессе за то, что она печатала и распространяла Самиздат; и Гриши Бермана, отказавшегося взять оружие и служить в Советской армии, которую готовят к нападению на Израиль, и многих евреев, последовавших его примеру. В Киеве в 1973 году был спровоцирован суд над А. Фельдманом за «хулиганство».

Тут я должен пояснить, что советская власть с этого периода начала в очень многих случаях практиковать осуждение сионистов и демократов за чисто уголовные преступления, нагло создавая «дела» с ложными свидетелями. Этим достигался двойной успех: общественность Запада официально не могла вступаться за уголовников, а осужденные попадали не в политические лагеря, а в окружение воров и бандитов, которых натравливали на них. Одновременно власти этим дискредитировали осужденных и их движение перед Западом. Таковы были «дела» Кукуя (в Свердловске), а потом Забелышенского, которого изувечили в лагере. Характерен суд над Я. Ханцисом, которого судили за желание выехать в Израиль, а осудили за... хулиганство и потом искалечили в уголовном лагере до полной инвалидности. Я передаю в Комитет материалы этих процессов и приговоры, из которых ясен факт нарушения не только общечеловеческих законов, но и законов, действующих внутри СССР. Не даром есть пословица, возникшая при советской власти: «Был бы человек, а статья на него найдется».

Я передаю также для публикации письма политзаключенных-евреев из СССР и свидетельства вырвавшихся из этого ада.

Списки арестантов растут, и многих мы не знаем, так как сведения о закрытых судах в провинции не проникают в свободный мир: совершенно случайно узнали мы об осужденных в Одессе евреях Хенкине и Рубинштейне, хотя советское КГБ послало их в лагеря на 10 и 15 лет еще в начале 1975 года.

А вот другой пример: братья Аркадий и Леонид

Вайман в Харькове, оба виолончелисты, им по 23 года. В 1972 году они обратились в ОВИР с просьбой о выезде в Израиль, но у них не было вызова из Израиля. Против них немедленно было спровоцировано уголовное дело, и при помощи лжесвидетелей суд отправил их на 4 года строгого режима в лагерь за «хулиганство».

Считаю интересным и весьма показательным дело инженера В. Маркмана из Свердловска. Этот человек активно добивался выезда в Израиль, и КГБ искало повод отправить его в тюрьму. Но Маркман был осторожен. И вот, не найдя другого повода, КГБ арестовало Маркмана за... телефонный разговор с Израилем. Да, в 1972 году в СССР тоже был свой «Уотергейт»: КГБ открыто подслушивало разговоры Маркмана по телефону и телефонистка выступила свидетельницей на суде: она сказала, что Маркман... ругался нецензурно по телефону. Суд расценил это как хулиганство и послал Маркмана в тюрьму на 3 года.

Еще один выбранный мной из богатой «коллекции» случай: израильтянин, не гражданин СССР, И. Коган в 1963 году поехал навестить в СССР брата, которого не видел с 1941 года, так как война их разбросала и брат попал в немецкий концлагерь. При приезде в СССР он был арестован и осужден на 10 лет лагерей за... дезертирство из Советской армии. Ему в КГБ «объяснили», что он в 1945 году был в партизанском отряде на территории Польши, которая после войны считается советской территорией, и их партизанский отряд воевал против нацистов под общим командованием советских войск, а поэтому выезд Когана в 1945 г. в Израиль без разрешения совет-

ских властей — дезертирство, так как он не прошел процедуру демобилизации. Абсурдность этих «юридических» доводов ясна каждому. Но тут еще надо добавить: в СССР в 1945 году был издан Указ Верховного Совета «Об амнистии за дезертирство из Советской армии» и Коган, если бы он даже был действительно дезертиром, попадал под этот Указ. Но нет. Ничего не учли, и по этому приговору, противоречащему здравому смыслу и действующим в СССР законам, И. Коган пробыл в советских тюрьмах 10 лет, т. е. до 1973 года. Сейчас он, слава Богу, в Израиле.

Материалы по всем вышеназванным процессам я прошу приобщить к документам данного «Слушания» как доказательство злого, намеренного нарушения как прав Человека, так и законодательства СССР.

Здесь задавались вопросы: как подсчитать политзаключенных? По всему Советскому Союзу сыпь концлагерей — уголовных! — но в каждом уголовном лагере сидят и политзаключенные. Как вы их учтете? Есть в Советском Союзе и секретные лагеря. Как вы учтете, сколько в них людей, когда мы знаем только то, что лагеря эти — в таких местах, как Салехард или остров Врангеля?! Мы не знаем почти ничего с тем, кто сидит там.

И в заключение я хочу сообщить вам о лагерях уничтожения в сегодняшнем Советском Союзе. Я сейчас могу назвать, как минимум, три лагеря, в которых людей уничтожают без расстрела.

Первый — лагерь, в котором работают сегод-

ня Эдуард Кузнецов, Альтман, Федоров и другие мои друзья, — это лагерь в Перми. Там построена стекольная фабрика. Это тюрьма. Одна часть тюрьмы — стекольная фабрика, где люди шлифуют зеркала и стекла на специальных полировальных машинах. Но — там нет вентиляции. Люди по 10 часов в день дышат стекольной пылью. Они умрут, — это неизбежно, и смерть их будет на нашей совести, если мы их не спасем!

Второе показание: врачом, находящимся сейчас в Израиле, был обнаружен на Колыме лагерь, в котором женщины, стоя вдоль конвейера, ртами сдувают с чистого золота мельчайшую ядовитую пыль. Когда врач это увидел, он сказал секретарю райкома партии: «Это — смерть! Эти женщины погибнут!» Тот возразил: «Да что вы! Это же легкая работа...» Врач сказал: «Они же дышат этим ядом, они все умрут!» Секретарь райкома ответил: «У меня нет машин, у меня есть заключенные и государственный план». Только недавно за границу было продано 150 тонн советского золота — вспомните об этом!

И последний лагерь уничтожения — «Желтые воды» на Украине. Это урановые шахты, куда отправляют заключенных и где они гибнут. Сейчас мы получили свидетельские показания, что они работают там без спецодежды, а надзиратели и офицеры — в спецодежде. И даже надзиратели начали заболеть лейкемией и забастовали. Мы не знаем еще конца и результатов этой забастовки.

В Заполярье КГБ творит страшные дела — творит сегодня! Так, свидетель Х. Мошинский сообщил, что на острове Врангеля советские «врачи» делают медицинские опыты на заклю-

ченных: опыты «для науки» по изучению, например, космоса: проверяют, как переносит человеческий организм перегрузки, недостаток кислорода, движения, невесомость... А устремленные в «детант» — любой ценой! — не хотят этих фактов видеть. Пусть знают об этих опытах американские космонавты, встретившиеся в космосе с космонавтами СССР. Мир потакает шантажистам и бандитам, правящим в СССР: но ведь любое нормальное общество защищает себя оружием от банды убийц, захвативших дом, и не считает это «внутренним делом» бандитов? А в данном случае убийцы, уничтожившие за время своего правления, как подсчитано и оглашено во всеуслышание, более 60 миллионов человек! — благоденствуют, и в их честь устраивают дипломатические рауты. С ними торгуют и наперебой предлагают им кредиты, делая их все сильнее. А известно ли в мире пока еще свободных людей, что почти каждое производство в СССР основано на труде рабов-заклученных? Нами проводится сейчас расследование по этому вопросу, и вот первые сведения: добыча лесоматериалов, нефти, золота и других ценных металлов основана на труде заклученных. Даже столь любимая на Западе черная икра проходит в СССР через руки заклученных в городе Гурьеве.

Труд заклученных применяется и в производстве ювелирных изделий по золоту и серебру, в резьбе по кости и рогу, изготовлении сувениров: матрешки, деревянные ложки, расписные шкатулки — все это труд рабов.

Ни для кого не секрет, что США и страны Европы построили для СССР промышленность в

1920-30 гг., спасли СССР в войне 1941-45 гг. своей экономической помощью, уже трижды спасали от голода в послевоенные годы, строят сегодня в СССР громадные заводы, которые имеют прежде всего военное значение, так как автозавод, как известно, может в течение считанных дней начать производство танков. Политику торговли с СССР иначе как самоубийством мира демократии назвать нельзя.

Недаром еще Ленин сказал, что именно капиталистические страны «продадут нам веревку, на которой мы их и повесим»...

Нам, выходцам из мира, готовящегося убить вас и ваших детей, страшно смотреть на трагическую линию поведения мира свободы, потакающего миру убийц.

Я буду рад, если мои показания и горький опыт политических заключенных заставят задуматься тех, от кого зависит поставить преграду на пути убийц из СССР и уничтожить эту страшную угрозу, идущую с Востока.

Благодарю за внимание! Организаторов этого «Слушания» благодарю за большую и успешную работу.

Вопросы членов жюри и ответы свидетеля Авраама Шифрина

Вопрос. Согласно вашим сведениям, существуют ли еще лагеря для детей?

Ответ. Из исследований, которые мы ведем, я знаю о наличии в Советском Союзе концлаге-

рей для детей. Я передаю «Слушанию Сахарова» специальный документ только по одной области СССР. Это — Краснодарский край. Это не Сибирь, где лагерей — тысячи. Это юг России, где — курорты, Черное море... В Краснодарском крае 32 концлагеря, среди них — 6 или 7 детских. Их адреса указаны, можете туда писать.

Вопрос. Согласно советской Конституции, антисемитизм является преступлением. Может быть, вам известен хоть один факт судебного преследования за антисемитизм в СССР?

Ответ. Никогда и нигде за 14 лет в системе ГУЛага я не встретил человека, осужденного за антисемитизм, но я знаю очень много случаев, когда в тюрьмах офицеры КГБ натравливали заключенных на евреев.

Со мной лично был такой случай. Я был болен, лежал в больнице. И за то, что я там протестовал против издевательств над одним заключенным, оперуполномоченный распорядился отправить меня из больницы обратно, в тюрьму. Так как я не мог идти — ноги у меня были распухшие как колоды, — надзиратели со страшной руганью, избив меня, стащили на пол и потащили за ноги по земле к железнодорожной станции (она была метрах в двухстах от больницы). Когда меня притащили на эту станцию, там была группа уголовников. И начальник конвоя, капитан КГБ, сказал: «Ребята! Бей жида!»

Вопрос. Вы говорили, у вас много разных свидетельств, документов. Могли бы вы назвать точное количество свидетельств, собранных вами в последнее время? И второе: определите при-

мерно пределы времени, к которому относятся приводимые факты из вашего опыта.

Ответ. Мы располагаем в Израиле картотечкой приблизительно в 1700 свидетельских показаний. Мой личный опыт относится к периоду: июнь 1953 года — июнь 1967 года. После этого я уже занимаюсь исследованием вопроса не как лагерник, а занимаюсь извне, как человек, который хочет знать.

Вопрос. Вы приводите очень высокие цифры, вы сказали, что сотни и сотни или тысячи лиц были заключены просто за то, что они вели разговоры об Израиле. К тому же вы сказали, что это режим, который преследует исключительно за убеждения. Вы сказали, что вам были лично известны тысячи и тысячи людей, которые пострадали от пыток в концлагерях. Госпожа Мария Синявская вчера сказала, что в лагерях сидит 10 тысяч политзаключенных. Это тоже очень высокая цифра; вообще-то надо было бы, чтобы не было ни одного политического заключенного. Но вы говорили о сотнях тысяч, а другие говорят о десяти тысячах... Отвечая на один из предыдущих вопросов, вы сказали, что ваш комитет, или организация, заслушали свидетельства 1700 заключенных. 1700 — тоже очень высокая цифра, но это всё же не тысячи и тысячи, как вы говорили до этого. Я задаю этот вопрос совсем не затем, чтобы сказать, что в СССР всё прекрасно (я знаю, что это не так), а лишь потому, что, мне кажется, следовало бы стремиться к большей точности. Какая же цифра правильна: тысячи и тысячи или 1700?

Ответ. Каждый, кто проходит через лагерь, встречает десятки тысяч людей на своем пути.

Вы сидите в камере пересыльной тюрьмы месяц, и через нее проходят тысячи людей, которые сидят на нарах рядом с вами и день и ночь рассказывают свои истории. И вы сидите и слушаете. Я прошел лично через 18 лагерей. В этих лагерях, в каждом, было как минимум 3-4 тысячи заключенных. Я имел возможность с ними разговаривать и на работе, и вечерами. Я беседовал и запоминал. Я ничего не могу сказать о цифре, названной г-жой Синявской. Но и она и ее муж для меня вовсе не являются авторитетами в этом вопросе... Когда откроются архивы КГБ, тогда мы и увидим точные цифры. Я знаю только о тысячах концлагерей сегодня, списки их у нас есть. И я знаю, что цифра 10 тысяч заключенных, безусловно, занижена, потому что число только тех, кто сидит за веру, далеко превышает 100 тысяч!

Вопрос. Существует ли разница в преследовании христиан и евреев? Находится ли это в зависимости от городов, областей, или это преследование охватывает страну одинаково?

Ответ. Я думаю, что особой разницы нет. Я видел в лагерях очень много христиан и очень много раввинов, которых посадили примерно за одну и ту же вину, и я видел в лагерях буддистов, которых посадили тоже за их веру, я видел магометан, этих друзей Советского Союза, сидящих за веру. Я видел людей, сидевших за индуизм, то есть, по сути дела, за философские убеждения, связанные с религией. Любое проявление религии в Советском Союзе — это преступление. Это преступление потому, что человек, верующий в Бога, не может быть лояльным к этой системе:

он понимает всю дьявольскую сущность, лежащую в основе этой системы. Поэтому власти преследуют всех верующих. Я помню Савелия Солодянкина, христианина, и раввина Когана — они оба старались есть только чистую пищу. 10 лет на моих глазах эти люди жили на хлебе и воде, потому что им не давали чистой пищи, которую требовало их вероисповедание. Так что дискриминации нет — всех преследуют равно.

ШИФРИН Авраам, род. 8 октября 1923 года в Минске (БССР). Отец, Исаак Шифрин, инженер-строитель, был арестован в 1937 г. и в 1948 г. умер после 10 лет колымских лагерей. Мать, Эсфирь Вайнер, умерла в 1962 г., не перенеся потрясения от единственного (за 9 лет) свидания с сыном в лагере.

С 1924 по 1941 гг. А. Шифрин жил в Москве, где окончил среднюю школу и поступил в Московский юридический институт. С 1941 по 1945 гг. воевал на фронте против гитлеровской Германии. После 1945 г. работал на разных юридических должностях: ст. следователем Краснодарского Края, Москвы, Тулы, затем — начальником юридического отдела в системе Министерства вооружения.

В июне 1953 г. был арестован по обвинению в шпионаже в пользу Израиля и США (ст. 58-1^а УК РСФСР) и приговорен к расстрелу; впоследствии расстрел был заменен на 25 лет спецрежимных лагерей, 5 лет ссылки и 5 лет поражения в правах. Пробыл в Озерлаге, спецтюрьмах Семипалатинска и Усть-Каменогорска, в Дубровлаге — до 1963 г., после чего был отправлен в ссылку в Казахстан, где жил до 1967 г.

Выросши в ассимилированной еврейской семье, о сионизме начал думать лишь с 1948 г., с момента создания государства Израиль. С тех пор принимал участие в ряде сионистских акций; в частности, еще в лагере перевел на русский язык книгу Л. Уриса «Экзодус» и впоследствии, в ссылке, размножил этот перевод для Самиздата; участвовал в создании первых еврейских групп для выезда в Израиль. По прибытии в Израиль (август 1970 г.) принял участие в работе по помощи евреям, стремящимся выехать из СССР в Израиль; активно выступал в поддержку политзаключенных советских концлагерей; организовал ряд демонстраций и голодовок в поддержку права на свободный выезд из СССР. Прочел много лекций в разных странах мира о положении политзаключенных в лагерях СССР, создал Центр исследования лагерей и тюрем СССР (директором которого А. Шифрин и является в настоящее время). Член исполнительной тройки еврейской сионистской антикоммунистической организации МАОЗ («Твердыня»). Неоднократно выступал на международных форумах по вопросу о положении в советских лагерях: в Сенате и дважды в Конгрессе США в 1973 и 1974 гг., на Всемирном антикоммунистическом конгрессе в Вашингтоне в 1974 г.

Психиатрические
больницы и эксперименты
на людях в СССР

Марина Файнберг

Помещение инакомыслящих в психобольницы гражданского типа

Я психиатр, в 1960 году я окончила ленинградский Первый медицинский институт, и с 1962 по апрель 1975 года работала психиатром в Ленинграде. Последние 8 лет я работала в психиатрической больнице № 3 им. Скворцова-Степанова в Ленинграде. Я была горда своей профессией, я считала, что моя профессия гуманна,

что я обманула свое время и что душевнобольные во все времена и у всех народов — это больные люди, им нужна помощь, им нужна ласка, и никаких политических столкновений с властью у меня нет. Я после «Пражской весны» часто слушала западное радио, особенно летом. Я слышала о том, что в СССР здоровые люди лежат в психиатрических больницах. Я знала об этом. Но я слышала, а не услышала. Я считала, что это очередная западная агитка. В 1971 г., когда Володя Буковский перед Мексиканским конгрессом отправил истории болезней здоровых людей,

находящихся в больницах, на Запад, Мексиканскому конгрессу психиатров, эти истории, вместе с другим Самиздатом, попали и ко мне. Я прочитала их, они во мне зародили сомнение, но я быстро себя успокоила: если это и есть в моей стране, то такие больные лежат в специальных тюремных психиатрических больницах, а в моей больнице такого быть не может. К стыду своему, через несколько лет я узнала о том, что приблизительно в это время в моей больнице лежал Володя Борисов, человек психически здоровый.

Но тогда же я вспомнила историю одной моей пациентки. Это была женщина лет 60, по фамилии Кондакова. Она адвокат, жена высокопоставленного чиновника, директора большого ленинградского завода. И, будучи под защитой авторитета своего мужа, она могла позволить себе критиковать своих сослуживцев совершенно открыто. И вот, находясь за его спиной, она думала, что это могут делать все. Муж ее погиб, и она, не оценив сложившейся ситуации, продолжала вести себя по-прежнему. Она обратилась к председателю облисполкома Исакову с требованием принять ее. Она хотела поговорить о нарушениях партийной дисциплины в своей адвокатской конторе. Но Исаков, с которым она раньше встречалась запросто, всячески уклонялся от встречи с ней. Тогда она написала телеграмму Брежневу, в которой просила принять ее. Не успела она дойти от почты до дома, как у парадного ее уже ждала психиатрическая «Скорая помощь», с психиатром, и в этот же день она была у меня в отделении. Это казалось очередным психиатри-

ческим анекдотом. Мы ее очень быстро выписали и посмеялись над всем этим.

А в декабре 1973 г. ко мне поступил один человек — спокойный, немножко чудаковатый, но совершенно определенно без психоза. Это был Евгений Комаров, его перевели к нам из специальной психиатрической больницы. Был он у нас два дня, но этих двух дней мне хватило, чтобы понять, что психоза у него нет. Его потом перевели в другое отделение, потому что он был гипертоником, и очень скоро выписали.

Но этот случай не оставил у меня никаких иллюзий. Я поняла, что, действительно, здоровые люди попадают в психиатрические больницы, а я нахожусь на передовом рубеже борьбы и защищаю советскую власть.

В январе 1974 года мои друзья рассказали мне о том, что у меня в больнице, в восьмом, самом буйном отделении, находится человек по фамилии Иванов, и просили узнать, болен он или здоров. Я позвонила заведующей этим отделением, мы с ней были накоротке, в дружеских отношениях. Это умная молодая женщина, но когда я ее спросила об Иванове, она сразу ошетичилась и сказала: «Не ввязывайся в это дело. Я тебе скажу — он здоров. Но тем, кто тебя об этом спрашивает, не говори». Свидание мне разрешили. Я к нему ходила, и потом ходила все время, пока он был у нас в больнице. Это художник Иванов Юрий Евгеньевич, отсидевший предварительно срок 15 лет по 58-й статье якобы за антисоветскую пропаганду, а по-настоящему — за выставку своих произведений в Париже в частном салоне, — в 1971 г. был помилован. По помиловании он имел право жить где угодно,

т. е. вернуться в Ленинград, его родной город. Но власти не разрешили ему этого. Они поселили его в Смоленске и устроили работать его, талантливому человеку, простым разрисовщиком посуды на керамической фабрике. Он очень уставал: горячий цех, 15 лет тюрьмы и лагеря, побег, ссылка, — все это подорвало его здоровье. Он не успевал заниматься творчеством. И вот в 1973 году он начал борьбу... это тоже можно называть борьбой... Он ездил от управления к управлению МВД Смоленска, Москвы и Ленинграда с требованием разрешить ему жить в Ленинграде. Это был год (может быть, полгода) бездомной жизни, голода. В конце концов ему сказали, что он имеет право, конечно, жить в Ленинграде, — ведь он же помилован — и он должен в определенный час явиться в Большой дом на Литейном проспекте, и там будут улажены все дела с его пропиской. Он пришел в назначенное время, его ждала там машина «Скорой помощи». В руках у врача (а может быть, там был просто медбрат) было направление главного городского психиатра Ленинграда Беляева Владлена Павловича, который никогда вообще Иванова не видел. В направлении стоял диагноз: «шизофрения». И он попал в психиатрическую больницу. Сначала в пригородную больницу им. Кащенко (ленинградскую). Там были молодые и пока еще храбрые врачи. Они, видимо, еще плохо знали жизнь, поэтому сказали, что здорового человека лечить не будут. И через несколько дней Иванова перевели в нашу больницу, в пресловутое восьмое, буйное, отделение. Там, до тех пор, пока я узнала об этом, он находился полгода. У него не было ни зубной

щетки, ни мыла, ни книжек... Потом я ходила к нему каждый день.

Надо сказать, что врачи его не лечили, они понимали, что он здоровый человек. Но со мной они перестали здороваться, перестали разговаривать, меня просто не замечали. Пускали к нему на свидания, но — не замечали. Спустя полгода в отделении сменился заведующий. Этот человек моментально отметился в КГБ, доложил о моих действиях главному врачу больницы, и у меня начались долгие и мелкие неприятности. А в свиданиях мне категорически отказали. После этого Иванова многократно переводили в другие больницы Ленинграда. В общей сложности он пробыл два года в ленинградских психиатрических больницах, и наконец его выписали в апреле 1975 года, случайно дав ему на руки справку, в которой было написано, что такой-то и такой-то в течение двух лет находился в психиатрической больнице. Диагноз: психически здоров; на обследование.

В апреле 1974 г. уже ко мне в отделение попал Анатолий Дмитриевич Пономарев, человек мягкий, спокойный, тонкий, и, пожалуй, запуганный, очень несчастный. Его перевели к нам в отделение из того же самого восьмого. С громадными дозами психолептиков: например, галоперидола, в таких дозах, какие дают буйным больным. Он был совершенно спокоен и очень озлоблен всем, с ним происходящим. Он не отвечал на мои вопросы, и я чувствовала, что что-то не так, что он не болен, но вместе с тем, не знала, что делать. У меня это был первый такой случай. Я ему сказала: если вы здоровы, я вам отменю лекарства, и — если вы здоровы, — то в

течение двух дней вы будете вести себя спокойно. Если будут какие-нибудь инциденты, ну, тогда пеняйте на себя, придется вас лечить. Конечно, всё было спокойно... Это инженер, 1931 года рождения, окончил военно-механический институт. Его посадили в 1970 году по ст. 193. КГБ припомнило ему многое: и что в 1968 году он один выступил на собрании в своем институте с осуждением вторжения в Чехословакию, и что в хрущевские времена, когда Хрущев заявил, что любой советский человек может подписаться на любой зарубежный журнал, на любую зарубежную газету, он начал собирать у себя на работе списки желающих подписаться. В 1970 году у него сделали обыск и нашли письмо Солженицына съезду писателей и несколько его собственных сатирических стихов. Этого было достаточно, чтобы осудить его по статье 193. Но его отправили не в тюрьму, не в лагерь, а в специальную психиатрическую больницу в Ленинграде. В ней он провел три года. Потом его на короткий срок перевели в нашу больницу и вот, когда в этот раз он попал ко мне, я смогла ознакомиться с архивом его истории болезни. Она была не очень толстой, не очень тонкой, в ней был диагноз «шизофрения», но история была совершенно пустая, в ней никаких шизофренических симптомов не было. Просто — спокойный человек, диагноз — вялая шизофрения. Попал он в этот раз к нам в больницу в связи с тем, что надвигались майские праздники. А в последние годы в Советском Союзе есть такая практика, что всех так называемых социально опасных — сюда входят и алкоголики, и диссиденты, и больные тоже — всех отправляют в психиатрические

больницы, независимо от состояния их здоровья. Это бывает под праздники и к приезду глав великих держав. В этот раз было на носу Первое мая и приезд Никсона. Поэтому Пономарев и попал к нам в больницу. Выписать его удалось довольно быстро, хотя и сложно. У него была инвалидность второй группы, он получал по ней 28 руб. в месяц. Инвалидность мы снять не сумели.

Затем, в сентябре 1974 года, он опять попал в больницу, в восьмое отделение, потому что написал письмо Подгорному, в котором просил — раз он не может найти себе места в Советском Союзе (а он, помимо того, что окончил институт, знает европейские языки, но не мог найти себе даже переводческой работы) — разрешить ему уехать на Запад; Написал он это письмо утром, а во второй половине дня уже был в нашей больнице, где его держали 10 месяцев, до июля 1975 года, когда — после того как Лондонское общество психиатров послало телеграмму, в которой упоминалось имя Пономарева — срочно была созвана комиссия, и Пономарева выписали.

Года два тому назад у нас в отделении был славный чудак, православный верующий Вася Чубаров. Он попал к нам в больницу потому, что соседу-алкоголику он казался странным: не пил, был скромным человеком. Этого оказалось достаточно, чтобы отправить Васю к нам в отделение. Он был очень изголодавшимся, так как его до этого уволили с работы, поэтому по договоренности с ним мы некоторое время держали его в отделении, чтобы немножко его подкормить, он сам этого хотел. Потом мы его выписали. Какое-то время он еще приходил к нам в

отделение — поестъ. Потом исчез, так что больше я о нем ничего не знаю.

А теперь я хочу рассказать о моих друзьях. Это — Володя Борисов, человек, который без малого 9 лет отсидел в психиатрических больницах, причем не просто отсидел, — он боролся. Первый раз он симулировал психическое заболевание: он возглавлял небольшую группу (в ней были несовершеннолетние, и их не посадили бы, если их глава — душевнобольной, поэтому он симулировал психическое заболевание). Второй раз он сидел уже с Виктором Файнбергом в специальной тюремной психиатрической больнице, там они вместе боролись за свои права, голодали. Это добрый, мягкий, очень симпатичный человек, с ним очень любит играть мой сын.

Другой человек — это Юра Шиханович, очень талантливый математик. Сейчас он живет в Москве. Несколько лет тому назад он был арестован за то, что у него был найден Самиздат, за распространение Самиздата. Он занимался «Хроникой». Так как на следствии в течение почти всего года он молчал, то его участием тоже была психиатрическая больница. Но так как французские математики заняли очень твердую позицию и было масса протестов из Франции, то он просидел всего год, и даже не в специальной, а в обыкновенной психиатрической больнице. Сейчас он дома, в своей семье, но работы найти не может, он не работает.

Еще один мой друг — это Петр Старчик. Он начал сам, один, без всякой организации, расклеивать листовки по Москве. Он был арестован; год Лефортовской тюрьмы, год борьбы следователей с ним, потому что он молчал. Его уде-

лом была тоже Казанская психушка. Его лечили — галоперидолом, инъекциями. Но нужно сказать об удивительной вещи — врачи назначали ему галоперидол в инъекциях, а медсестры часто этого не делали. Они не отменяли укол, они на это не имели права, но он чувствовал, что вводили не галоперидол, а витамины... Так что сестры в данном случае оказались гуманнее врачей. Петя Старчик пишет музыку на любимые стихи, я его много раз слушала. Это славный человек, без всяких психических отклонений, глубоко верующий.

В декабре 1974 года я часто встречалась с Петром Григорьевичем Григоренко. Его история широко известна, но я еще раз коротко упомяну о ней. Первый раз Петр Григорьевич, генерал и зав. кафедрой кибернетики Военной академии, попал в сферу внимания КГБ в 1964 году за листовки. Его послали на экспертизу. Эксперт Института им. Сербского спросил его: «Как же это вы — против самого Никиты Сергеевича?» Он сказал: «Что, собственно, о нем говорить, когда его скоро снимут...» И эти слова были вынесены не в анамнез истории болезни, а в диагноз... Его перевели в специальную тюремную психиатрическую больницу на Арсенальной, там он пробыл полтора месяца, и Хрущева сняли. Тогда из этой больницы позвонили его жене Зинаиде Михайловне и сказали: «У нас, оказывается, генерал, а мы этого и не знали». И его очень быстро выписали. Оказалось, что сбылось его пророчество. Второй раз его арестовали в 1969 году, в Ташкенте, когда его туда пригласили крымские татары. Он был арестован по распоряжению КГБ, но ташкентские психиатры посчитали его

здоровым. Тогда его послали на новую экспертизу в Институт им. Сербского в Москве. Ну, там психиатры рангом выше и поэтому они нашли опять — как и в 1964 году — паранояльное развитие личности с ранним атеросклерозом. Надо сказать, что в истории болезни еще были записаны два инсульта, которых у Петра Григорьевича никогда не было. Их просто приписали ему — для атеросклероза. Из Института Сербского он был переведен в Ташкент, затем в Черняховскую специальную психиатрическую больницу, а затем приблизительно полтора года он был под Москвой в так называемых Белых Столбах — это гражданская больница. Так вот, когда он еще находился в Черняховске, семья его начала хлопотать, чтобы его выпустили домой, в связи с тем, что у него плохо со здоровьем, с сердцем плохо, он пожилой человек, просили его выписать. Но врач из Черняховской психиатрической больницы сказала, что выписать его нельзя, хотя в медикаментозном лечении он и не нуждается... В настоящее время Петр Григорьевич дома.

А теперь я хочу сказать о Володе Буковском. Он сделал то, что должны были сделать мы, психиатры, и получил за это 12 лет. Он документально доказал, что в Советском Союзе психиатрия — это постыдная профессия, что ею злоупотребляют и что здоровые люди по распоряжению КГБ годами и десятилетиями находятся в психиатрических больницах. Есть еще один человек, с которым я не была знакома. Это Семен Глузман, молодой психиатр из Киева. Он — практически единственный психиатр, который осмелился выпустить в Самиздате экспертизу (заочную) по истории болезни П. Г. Григоренко.

За это он получил в общей сложности 10 лет. Сейчас он находится в лагере, ему грозит второй срок за то, что на Западе опубликовали составленное им (вместе с Буковским) пособие для инакомыслящих, попавших в психиатрическую больницу: что им делать, как быть, как не растеряться.

Многим из вас всё это уже известно. Я ничего не выдумываю, я говорю только правду. Уезжая из России, я думала, что стоит только это рассказать, и люди поймут, что все это грозит не только России, а всему миру. Но оказалось, что это не совсем так или, вернее, совсем не так. Поэтому, следуя поговорке «повторение — мать учения», я буду, буду и буду повторять правду. Запад должен понять, что черное — это черное, а белое — это белое.

Вопросы членов жюри и ответы свидетельницы Марины Файнберг

Вопрос. Из ваших слов следует, что были случаи, когда вмешательство Запада облегчало участь заключенных. Надо ли как можно больше вмешиваться в судьбы тех, кого помещают в тюрьмы или психобольницы?

Ответ. Мне кажется это совершенно бесспорным. Любое преступление боится гласности, и СССР тоже очень боится гласности, боится правды. Хотя они делают вид, что им все равно, но безусловно всякое вмешательство Запада очень помогает людям, находящимся в ужасных условиях.

Вопрос. Разрешается ли родственникам посещать больных, заключенных в психиатрические больницы? И тех, кто здоров, но помещен туда? И если запрещается, то на основании каких законов?

Ответ. Я буду говорить о своем опыте. Я работала не в тюремной, а в обыкновенной, хорошей психиатрической больнице в Ленинграде. Свидания разрешаются, но практически это не всегда осуществимо... вот, например, когда мне запретили посещать Иванова, я просила придти к нему своих друзей, но мало кому из них удавалось пройти. Под тем или иным предлогом в свидании было отказано. К Пономареву вообще никто, кроме мамы, пройти не мог.

Свидание дается один раз в неделю, в присутствии санитаров или медбратьев. Наедине остаться нельзя.

Вопрос. Каково отношение психиатров СССР к таким заключенным в психобольнице? Можно ли сказать, что большинство из них реагирует так же, как вы, или наоборот, большинство уже придерживается кагебистских порядков?

Ответ. Психиатрическое образование в СССР — это очень скудное образование. Психиатром в последнее время стать очень легко, нужно узнать несколько терминов и спустя два-три месяца любой врач может стать психиатром... и не врач, наверное, тоже. Поэтому очень низок, так сказать, психиатрический уровень. Но кроме того, на своем опыте, я могу сказать, что у меня в больнице из 100 врачей не нашлось ни одного, кто согласился бы носить Иванову передачи, когда я была в отпуске. Никто из них не согласился, когда меня лишили свиданий, пойти к нему. Но,

наверное, человек 15 из них, наедине со мной, тет-а-тет (когда уже три, то они не разговаривали) — были со мной совершенно согласны, но никто из них ни разу открыто не выступил. И еще — я забыла назвать фамилии врачей, повинных в злоупотреблениях психиатрией. Это — академик Снежневский (Институт психиатрии СССР), проф. Г. В. Морозов, директор этого института; проф. Наджаров, который находится сейчас в Копенгагене, из этого же института; проф. Лунц, зав. кафедрой судебной психиатрической экспертизы в Москве; проф. Серебрякова (я не знаю, в каком московском институте она работает). В Ленинграде: проф. Ключевский (Санитарно-гигиенический институт, кафедра психиатрии); канд. медицинских наук с этой же кафедры Владимир Ефремов; ассистент этой же кафедры Борис Щербатов; зам. главного врача моей больницы Животовская Людмила Алексеевна; главный врач моей больницы Исаков Владлен Павлович; Блинов Прокоп Васильевич, полковник МВД, заслуженный врач РСФСР; зам. главного врача по науке майор Земсков; Клычкова Тамара Анатольевна, старший лейтенант МВД; Петров, майор МВД; Светланова, главный служебный амбулаторный эксперт города Ленинграда; проф. Тимофеев — в прошлом главный судебный медицинский эксперт всей Советской армии, а теперь просто судебный эксперт Ленинграда...

Вопрос. Каков главный мотив поведения тех 100 человек, о которых вы говорите, в вашей больнице: страх или что-нибудь еще?

Ответ. Есть пособие для инакомыслящих, Буковского и Глузмана, там все врачи очень

хорошо разделены — по категориям. Часть из них — циничны, умны, хорошо образованы, они знают, что такое жизнь, и что значит сказать правду в Советском Союзе. Они наверняка всё понимают, но никогда в жизни никому не помогут — это самая страшная категория психиатров в СССР. Они никогда не помогут, потому что любят хорошо жить. Очень маленькая часть психиатров — это очень плохо образованные люди, которые действительно думают, что есть вялотекущая шизофрения, которую не видно, но которая ползет, потому что она ползучая. Но большинство — это, конечно, запуганные люди, которые не хотят этого знать. Они хотят иметь новый кримпленовый костюм, удобства, отдельную квартиру, кооперативную или какую другую... а остальное им совершенно безразлично. Но им приятно читать Самиздат (они его читают) и тет-а-тет со мной сказать: «Да, Марина, ты знаешь, ты права, вот такие вот безобразники наши власти».

Я хочу еще назвать фамилии больных, которые находятся сейчас в психиатрических больницах: Евдокимов Борис Дмитриевич, писатель, осужден по 70-й статье, он писал под псевдонимом и опубликовывал свои произведения на Западе, одна из его статей — как раз посвящена принудительной госпитализации здоровых людей — сам себе накаркал. Он до сих пор находится в Днепропетровской психиатрической больнице, с 1971 года. Он был в Ленинградской психиатрической больнице, сейчас он в Днепропетровске, это самая страшная психиатрическая больница. Рабочий Заболотный, журналист Пантелеев, Геннадий Шиманов, верующий, с 1969 года в пси-

хиатрической больнице, затем, конечно, я хочу сказать о Плюще. Это прекрасный математик, талантливый человек, который в течение последних двух лет находится в Днепропетровской психиатрической больнице, где врачи совершают страшное преступление: они его лечат, лечат всеми возможными средствами, которыми располагает психиатрия для больных. Он прошел через электрошоковую терапию, лечение тристазином, аминазином, — его лечили всем, чем только можно. И этот высокообразованный, высокоинтеллектуальный человек, который писал домой прекрасные, умные письма, в последнее время на свиданиях с женой уже очень односложно говорит «да», «нет» — просто в знак того, что он понимает вопрос, кивает головой или машет рукой. Он теперь лысый, хотя он молод и два года назад у него была шевелюра. Сын, который повидал его на свидании, сказал: «Мама, его заколдовали». Причем, очень интересно, что в 1972 году, когда его должны были, как он думал, арестовать, он говорил, что у него есть три пути: 1) быть очень твердым на следствии и получить полный срок, 2) рассказать всё, что может, и получить минимальный срок, 3) молчать, не участвовать в следствии, и — получить психушку. Это очень любопытно, говорил Плющ, потому что у меня прекрасный анамнез, у меня в семье никогда не было никаких душевнобольных, я с золотой медалью окончил школу, был в комсомоле, с отличием окончил институт, никогда у меня не было никаких отклонений от нормы и никто этого не замечал, но я точно попаду в психушку. Так и случилось — он в Днепропетровской психиатрической больнице.

ФАЙНБЕРГ Марина, род. 11 ноября 1934 года в Ленинграде. В 1960 г. закончила 15-й Ленинградский медицинский институт. Первые 2 года работала терапевтом, затем — психиатром. В начале 1974 г. впервые столкнулась со случаями применения психиатрии для изоляции и изменения личности инакомыслящих. М. Файнберг (ее бывшая фамилия — по первому мужу — Войханская) была единственной из 100 психиатров, работавших в 3-й Ленинградской психобольнице им. Скворцова-Степанова, оказывавшей активную помощь узникам. Носила передачи и книги совершенно изолированному от внешнего мира художнику Юрию Иванову и косвенно способствовала его освобождению летом 1974 г. Отменила инъекции инженеру Анатолию Пономарёву и добилась его выписки из больницы.

Подвергалась постоянным угрозам со стороны администрации и демонстративной слежке КГБ.

В апреле 1975 г. под давлением британской общественности, особенно психиатров, советские власти вынуждены были предоставить ей визу для воссоединения со своим мужем Виктором Файнбергом. Ее сын от первого брака Миша и мать Елена Михайловна должны были последовать за ней через несколько месяцев. Однако вскоре после разоблачительных выступлений М. Файнберг на съездах и собраниях европейских психиатров, ее бывший муж, инженер Евгений Войханский, под давлением КГБ отказался дать официальное разрешение на выезд сына.

М. Файнберг приняла активное участие в создании и работе Кампании против психиатрических злоупотреблений в политических целях, членом Исполнительного Комитета которой она является.

Виктор Файнберг

Помещение инакомыслящих в тюремные психобольницы

По законам Советского Союза я не имею права выступать здесь, по ним я признан невменяемым, шизофреником, с диагнозом «шизофрения с параноидным синдромом, выражающаяся в политическом инакомыслии». Мой отец судом был назначен моим опекуном. Моя жена рассказала вам о судьбе политзаключенных психиа-

трических тюрем и гражданских психушек, о режиме их содержания, о том, как отражается отношение Запада на судьбе заключенных в психушки. Мне остается только рассказать о режиме тюремных психушек, о политзаключенных, которых я там встречал и которые и сейчас там находятся. И еще о том, как отражается невмешательство Запада на положении политзаключенных психушек.

Я был арестован 25 августа 1968 года на Красной площади во время демонстрации протеста против оккупации Чехословакии, и так как в это время я был под следствием по другому делу, по делу

Квачевского, который сейчас присутствует здесь, и других, осужденных в Ленинграде примерно в то же время, и отказывался давать показания, меня уже тогда полковник Сыщиков, в то время начальник следственного отделения Ленинградского КГБ, предупредил: «Если не будете давать показания, мы вас отправим либо в тюрьму, либо в больницу».

Вот этот случай очень скоро и представился, потому что через несколько недель после этого я попал в их руки на Красной площади. Били меня поэтому особенно усердно, выбили мне зубы, и появление мое на суде, вероятно, было бы не лучшей рекламой КГБ. Поэтому меня из Лефортовской следственной тюрьмы послали в Институт Сербского, сделали меня быстренько шизофреником и отправили в Ленинградскую тюремную психиатрическую больницу.

Я хочу рассказать о людях, которых я встречал там и в Институте им. Сербского; и о врачах, которых я встречал там и по отношению к которым понятие «человек» — звучит несколько условно.

Во-первых, о режиме тюремных психушек. Это обычная тюрьма, с камерами, в которых сидят заключенные, то есть люди, совершившие преступления, будучи невменяемыми, в основном, более 60% — убийц. В тюремной психушке было 750 психически ненормальных и среди них примерно от 7 до 10 (в среднем для всех психобольниц) политических заключенных. Прогулка — час в день. От тюрьмы это заведение отличается только тем, что, кроме тюремных надзирателей, там есть медсестры, врачи, которые носят форму тюремных офицеров, потому что эти спец-

больницы подчиняются не Министерству здравоохранения, а Министерству внутренних дел, — и санитары. Санитаров присылают сюда из тюрем. Это уголовные преступники, совершившие кражу, бандитизм, хулиганство и отбывающие свой срок в тюремных психушках, где они служат санитарями. Так государству обходится гораздо дешевле их содержание: 6 руб. в месяц, т. е. 3 фунта, на английские деньги. Ну, а недостаток пищи они компенсируют тем, что отбирают ее у тяжелобольных. Режим этих психушек — тюремный не только по форме, но и по цели — обеспечить тюремный порядок, молчание, тишину. Отсюда — тюремными надзирателями поощряются избиения психических больных, прививание им условного рефлекса безусловного подчинения. Когда же политические заключенные протестуют против этого, их переводят обычно в другие отделения, с более строгим режимом.

Политзаключенные лишены даже тех жалких прав, которыми пользуются заключенные лагерей и тюрем. Они имеют право переписываться только с самыми близкими родственниками. Они не имели права получать никакой литературы, кроме той жалкой литературы, которая была в сумасшедшем доме. Они не имели права свидания ни с кем, кроме ближайших родственников, не имели свидания с адвокатами. Для того, чтобы выйти на волю из этих психушек, надо было соблюдать три правила: отказаться от своих убеждений, обещать быть тише воды, ниже травы и благодарить за лечение.

Я приведу один из примеров, насколько стала мала наша земля и какое влияние оказывало то, что происходило за океаном, на положение в

наших психотюрьмах. В 1971 году мы — Володя Борисов, мой товарищ по заключению, и я, — начали голодовку, требуя прекратить лечение всех здоровых узников Ленинградской тюремной психушки, снять с нас клеймо психобольных, назначить новую комиссию; требуя суда, встречи с адвокатом, права переписки, в общем, всех прав заключенных тюрем и лагерей. Во время этой голодовки приехала к нам комиссия, состоявшая из Наджарова, проф. Серебряковой (это старший специалист Министерства здравоохранения) и главного городского психиатра Беляева. Они старались — как гражданские психиатры — уговорить нас прекратить голодовку, потому что на Западе поднялся шум (нам удалось переслать наше обращение на Запад) и Наджаров пытался использовать свой авторитет (его имя известно на Западе), чтобы сказать, что наша голодовка — обычный отказ от пищи, характерный для шизофреников. Эту беседу мне удалось записать и переписать на волю. А в следующий раз я встретил Наджарова через несколько месяцев, уже в феврале 1972 года, после всех этих разоблачений, когда нас с Борисовым под давлением западного общественного мнения послали в Москву на новую экспертизу. На этот раз с нами разговаривали иначе: у нас не спрашивали о наших убеждениях, наоборот, проф. Лунц говорил: «Нас не интересуют ваши убеждения, нас интересует, что вы будете делать, когда мы вас выпустим, будете ли продолжать заниматься тем, чем вы занимались?» И тогда Наджаров уже не походил на того салонного, такого барственного, несколько снисходительного джентльмена, он был почти истеричен, он кричал:

он уже почувствовал, что беседа, которую я тогда записал, произвела известный эффект на Западе. Он кричал: «Файнберг, вы, по крайней мере, честный человек, этого у вас нельзя отнять. Скажите, будете ли вы продолжать заниматься вашими общественными проблемами, если мы вас выпустим?»

Теперь вернусь к нашей первой голодовке, потому что она связана с вопросом о влиянии Запада. Мы победили — потому, что Владимир Буковский, как вы знаете, переслал эти и многие другие документы на Запад. И вот многие другие заключенные нашей тюремной психушки были приготовлены уже для освобождения. Акад. Снежневский даже, насколько мне известно, отказался ехать на конгресс психиатров, который должен был быть в декабре 1971 года, сославшись на болезнь. Режим в нашей тюрьме был значительно ослаблен, но когда начался этот конгресс и делегации восточного блока устами чехословацкого делегата заявили, что если будут вестись дискуссии о злоупотреблении психиатрией в Советском Союзе, то советская делегация и все делегации восточного блока покинут не только конгресс, но и Международную ассоциацию психиатров, и большинством голосов, по совету генерального секретаря Международной ассоциации психиатров д-ра Денниса Аллена было принято решение не обсуждать эти проблемы, — вот после этого сразу же положение изменилось. После этого никто из приготовленных к выписке не был выписан. Те условия, которые мы поставили для прекращения голодовки, были нарушены, всех опять начали лечить, то есть давать здоровым людям таблетки, делать им инъекции

и т. д. Тогда мы начали вторую голодовку, и после этого я и встретил Наджарова.

Я должен сказать, что каждый раз перед международными и даже перед национальными съездами психиатров очень часто в тюремных психушках ослабляется режим. Но каждый раз, когда на этих съездах нет дискуссий о злоупотреблениях психиатрией, — начинаются страшные репрессии: как бы берут реванш. И меня в конце концов освободили без всяких условий только потому, что должен был состояться (и состоялся) в Тбилиси международный конгресс психиатров — осенью 1973 года. И я совершенно не сомневаюсь, что если бы знали, что на этом конгрессе не будет никаких дискуссий по этому поводу, меня бы вряд ли освободили.

Буковский обязан своими 12-ю годами лишения свободы решениям конгресса в Мексике, о котором я только что говорил: на его процессе главным обвинителем был Снежневский, глава советской делегации, который боялся раньше ехать в Мексику. И вот те документы, те фальсифицированные истории болезни, которые Буковский послал на Запад и которые лежали на столе у психиатров во время этого конгресса, теперь лежали на столе судей, и Снежневский, который боялся реакции конгресса, теперь, указывая на материалы Буковского, говорил судьям, что этот человек принес такой страшный вред авторитету Советского Союза, что он заслуживает максимума наказания по статье 70-й, — вот он и получил тогда эти 12 лет.

О положении сейчас в психиатрических больницах. После всех этих разоблачений был приказ министра внутренних дел о преобразовании ре-

жима тюремных психиатрических больниц в режим, приспособленный для лечения. Этот приказ был от февраля 1973 года, но выполнялся он так: вместо «глазков» на тюремных дверях появились просто стекла, кроме того, на свиданиях родственников с больными (они происходят раз в месяц, в течение часа, в присутствии персонала) теперь стараются не афишировать присутствие тюремных надзирателей. Приказ этот не был претворен в жизнь — и именно потому, что кампания на Западе была прервана. Перерыв кампании исключительно опасен для политзаключенных, тогда уж лучше ее не начинать. Она может кончиться победой, освобождением политзаключенного, когда она не идет на одном уровне, когда она всё время расширяется и когда существует реальная угроза разрыва всяких отношений между коллегами: либо между коллегами политзаключенного, либо между западными и советскими психиатрами.

О Зиновии Красивском, которого я встречал. Это талантливый украинский поэт, который был арестован в 1967 году за издание и распространение в Самиздате журнала «Украинский национальный фронт». Он получил за это 12 лет: 5 лет во Владимирской тюрьме, а остальные годы — в лагере и в ссылке. Но это человек исключительно сильный, которого даже тюремщики называли «железным человеком», и переводить его в лагерь было не в интересах КГБ. Поэтому они завели новое дело о передаче из тюрьмы материалов, отвезли его в Институт Сербского, там я его и встретил во время второй экспертизы. На экспертизе врачи ему сказали: «Зиновий Михайлович, почему днем вы такой веселый,

общительный человек, а ночью вы пишете стихи, полные трагизма?» Этому им оказалось достаточно для установления ему диагноза: «шизофрения». И вот он находится в Смоленской психиатрической больнице без всякой надежды выйти на волю.

В заключение я хотел бы еще раз напомнить, что то, что происходит в России, — это не локальное явление, это новая угроза для человечества, стерилизация человеческих умов при помощи прямого вмешательства химикатов в работу человеческого мозга, — это явление, как явление социальное, распространяется. Вспомните о процессе врачей, которые делали то же самое в Португалии перед революцией. Вспомните, что было в Чехословакии раньше, несколько лет тому назад, там была тоже такая же практика, хотя тамошним властям и очень далеко до Советского Союза и применяются другие методы, но всё же очень похожие на советские. Я надеюсь, что суд общественного мнения, после нашего «Слушания» — своего рода следствия, — если он будет достаточно объективен, если поймет свою ответственность перед судьбой не только России, но и судьбой человечества, ответственность перед людьми, которые защищали принципы международного права, защищали принципы гуманизма и свободы человеческой личности, — сможет, я думаю, заставить советские власти, по крайней мере, оставить этот остров ГУЛага — помещение здоровых людей в психушки — и ограничиться тюрьмами и лагерями. Надеюсь также, что если реакция будет адекватной этим преступлениям, то удастся добиться и амнистии политзаключенных.

Вопросы членов жюри и ответы свидетеля Виктора Файнберга

Вопрос. Знает ли население СССР о преступлениях нацистских докторов в нацистских лагерях?

Ответ. Часть населения, особенно интеллигенция, я думаю, что знает. Но для того, чтобы в СССР сохраниться — физически, — нужно иметь соответствующую психологическую модель, т. е. многие, хотя и знают из «Би-Би-Си», «Свободы», «Голоса Америки», из Самиздата, что то же самое происходит в Советском Союзе, но предпочитают не верить. А о немцах, конечно, знают.

Вопрос. Вы говорили, что в Ленинградской психиатрической больнице из 600 заключенных было 6-7 политических. Это — процентов?

Ответ. В этой больнице было 750 по-настоящему больных людей, из них 7-8 здоровых, политических заключенных. Это в среднем наблюдается в каждой тюремной психиатрической больнице. Таких известно 12, но, вероятно, их примерно 20 в СССР. Кроме того, есть сотни просто гражданских психиатрических больниц, и в каждой из них по 1-2 политических заключенных. В Ленинградской же специальной психиатрической больнице после всех этих разоблачений постарались вообще избавиться от политических, в 1972 году начали депортацию политзаключенных. Был план перевести их в провинциальные больницы, где положение значительно хуже, в Ленинградской хоть после разоблачений временно прекратили избивание больных. Я, к сожалению, поздно узнал об этом плане, я сидел

тогда в одиночке. Я начал тогда голодовку, послал требование, чтобы больше никого не отсылали. Это послание удалось переслать, я не знаю, кто вмешался, но после этого действительно никого не отправили. Но те, кого отправили, до сих пор (кроме химика Чиннова) находятся в этих ужасных психушках, в том числе Евдокимов.

Вопрос. Те политические, которые туда попали, они попали по тем же мотивам, что и вы, или были другие — религиозные, например?..

Ответ. Да, некоторые попали и за религиозные убеждения, фактически только за них. Я приведу пример Чиннова. Он сидел за переход границы в январе 1969 года; он перешел границу Чехословакии вместе с молодым священником Борисом Заливако, они хотели учиться богословию на Западе и считали, что в советских условиях религиозного гонения христианину невозможно выполнять свой христианский долг. Они были арестованы уже после пересечения чехословацкой границы, переданы советским властям, причем Заливако получил (не за переход границы, конечно, а за измену родине) по ст. 64 8 лет строгого режима, а Чиннова хотела спасти его мать, и она заявила, что он в детстве был психически болен и что он ненормальный. Он действительно в детстве две недели лежал в больнице, но — в нервном отделении. И вот его с удовольствием признали душевнобольным, он был заключен в Днепропетровскую тюремную психушку, его подвергали лечению так называемым электрошоком, инсулинотерапии, а потом перевели в Ленинградскую психушку, где условия были лучше, и лекарства сняли после нашей

первой голодовки. Но когда была отправка из Ленинграда в провинциальные психушки, он опять попал в Днепропетровскую больницу, его там продолжали лечить и ни за что не хотели выписывать. Когда его сестра спросила главврача отделения: «В чем же болезнь моего брата?» — та ей ответила: «Но ведь он же верит в Бога. Как может нормальный человек верить в Бога?» Иначе говоря, он должен был отречься от своей веры и тогда его бы выпустили.

Вопрос. Как вам кажется, если бы социалистические страны осуществили свою угрозу: покинули бы конгресс и вышли бы из Международной ассоциации психиатров, — не помешало ли бы это оказывать в дальнейшем воздействие на советских психиатров? Или так было бы лучше?

Ответ. Власти СССР очень неохотно пошли бы на такой шаг. Они сейчас очень боятся изоляции. Я приведу такой пример: недавно многие психоаналитики на Западе получили приглашение в Тбилиси на семинар «Роль бессознательного в психологии», т. е. на замаскированную конференцию по фрейдизму, который давно строжайше запрещен. И это, конечно, для того, чтобы найти еще один канал для связи с Западом. Эти все советские так называемые фрейдисты будут иметь такое же отношение к психоанализу, как, скажем, Наджаров к психиатрии, но факт остается фактом и практика показала, что политзаключенных выпускают только под угрозой бойкота. Кроме того, если бы даже соц. страны и вышли из этой организации, я не думаю, чтобы это долго продолжалось: СССР не может себе сейчас позволить такой роскоши.

Вопрос. Вы сказали, что вам выбили зубы в Лефортовской тюрьме. Я хотел бы спросить у вас про теперешние порядки в московских тюрьмах. В 1940-41 году я провел 9 месяцев на Лубянке. В то время, по установленному Берией (после того как он стал комиссаром внутренних дел после Ежова) порядку, на Лубянке не пытали и не били. Брали только ночью на следствие. Но если было установлено, что кого-то следует пытаться, то его забирали из Лубянки в Лефортово. Некоторые мои товарищи были взяты с Лубянки в Лефортово, их пытали, били, выбивали зубы, а потом, после двух-трех недель, привозили опять на Лубянку. И потому Лубянка считалась тогда чем-то вроде санатория. Из того, что вы сказали, я понимаю, что порядок, установленный Берией 35 лет тому назад, все еще поддерживается в Москве?

Ответ. Ну, связано с Берией сейчас Лефортово только тем, что начальник тюрьмы Петренко был одним из любимых приближенных Берии, и за свои преступления он в свое время от Хрущева получил «страшное наказание»: из начальника московского областного КГБ стал начальником Лефортовской тюрьмы. Режим там в смысле грубости, избиений и т. д. мягче, чем в других тюрьмах, потому что это следственный изолятор КГБ и там находятся не только политические заключенные, но также валютчики, контрабандисты, среди них немало иностранцев, в том числе из братских стран. Так, когда я там сидел, было немало арабов — студентов-валютчиков — и поэтому было очень трудно переступать: они плохо понимали по-русски.

А меня побили только на прощанье, потому что я прощался со своими товарищами. Полковник Петренко мне ответил, когда я ему сказал, что «ваша песенка всё же будет спета» — «может быть, и будет спета, но не вам ее допевать». Они все-таки начинают уже задумываться, и это хорошо.

Вопрос. Практика помещения инакомыслящих в психиатрические больницы существует только в Москве и Ленинграде или помещают и в другие психиатрические больницы, в других городах, в союзных республиках?

Ответ. Да, безусловно, это наблюдается и в других городах. Существуют тюремные психушки в Сычевке, в Благовещенске, на Дальнем Востоке, в Смоленске, в Днепропетровске, и, конечно, там находятся инакомыслящие. Населению известны только те инакомыслящие, которые связаны с борьбой за права человека. Но имена огромного числа людей, попадающих в психобольницы и подвергающихся насильственному лечению, никому неизвестны. Например, в тюремной психобольнице я познакомился с неким Зелинским, который расклеил листовки: «Руки прочь от Чехословакии!» И никто его даже не знает, потому что он не связан ни с каким движением.

Вопрос. Делается ли какая-нибудь организованная попытка разыскать неизвестных людей?

Ответ. Нет, это очень трудно, потому что психиатры очень запуганы. Мы можем узнать только о тех, кто находится в психобольницах больших городов.

ФАЙНБЕРГ Виктор, род. 26 ноября 1931 года в Харькове. С 1947 г. жил в Ленинграде. Работал слесарем-монтажником. В 1968 г. закончил вечернее отделение филологического факультета ЛГУ по специальности «английский язык и литература».

25 августа 1968 г. был арестован на Красной площади за демонстрацию протеста против оккупации Чехословакии. Комиссией Института им. Сербского признан невменяемым. По решению суда находился в Ленинградской психиатрической «спецбольнице», а затем — в «гражданской» психобольнице № 5. Освобожден 11 ноября 1973 г. За интервью о психиатрических пытках и обращение в защиту В. Буковского 30 апреля 1974 г. был брошен в психобольницу № 3. Спасением жизни обязан вмешательству доктора Марины Войханской, работавшей в той же больнице. Освобожден 11 мая 1974 г. 19 мая 1974 г. иммигрировал в Израиль.

В октябре 1974 г. по приглашению британских психиатров приехал в Англию. С осени 1976 г. — директор Кампании против психиатрических злоупотреблений в политических целях. С февраля 1977 г. — представитель Комитета Орлова в Великобритании.

Люба Маркиш

Эксперименты на людях в СССР

Меня зовут Люба Маркиш, моя девичья фамилия Халип. Я родилась в Москве, в 1946 году, и была воспитана своей матерью как лютеранка. Мой отец — музыкант, мать — лингвист. В 1970 году я закончила химический факультет Московского университета, в 1972 году — редакционно-издательский факультет москов-

ского Института журналистики. Я не пострадала от советского режима так, как большинство присутствующих здесь свидетелей. Никаких идеологических столкновений с советской властью у меня не было, и ни к каким антисоветским кругам я не принадлежала.

Тема моего доклада — эксперименты на живых людях, объектом одного из таких экспериментов мне пришлось быть самой. Я должна рассказать о том аспекте нарушения прав человека в СССР, который в силу ряда причин почти

неизвестен не только на Западе, но и в СССР. Выступая в качестве первого свидетеля по этому вопросу, я обязуюсь говорить только подлинные факты, известные мне лично, а также людям, которым я полностью доверяю. Для начала разрешите привести мне в качестве примера один эпизод.

В феврале 1969 года на опытном экспериментальном заводе под Калининским работало более двадцати беременных женщин. Поскольку этот завод производил чрезвычайно ядовитые элементоорганические соединения военного значения, беременных женщин изолировали от основного производства, собрав их вместе в отдельный цех, так, чтобы обеспечить им более благоприятные условия труда. Такова была лишь официальная версия руководства для того, чтобы держать этих работниц отдельно от других. Через несколько дней именно в этом цехе женщины почувствовали запах какого-то газа и, естественно, попытались выйти. По неизвестным им причинам дверь оказалась запертой. Несмотря на громкие крики, дверь не открывали. Стоявшая у выхода военизированная охрана спустя какое-то время выпустила только троих. Остальных выпускали маленькими группами через определенные промежутки времени, периодически запирая дверь снова. Всех женщин немедленно госпитализировали. С одной из них, Ниной Баковой, я встретилась в Москве, в спецотделении Перовской больницы. (Я называю эту фамилию, поскольку Бакова умерла в 1972 г.) В ту пору, опасаясь за здоровье будущего ребенка, она категорически требовала от врачей прервания беременности. Никаких медицинских противопоказа-

ний к аборту не было. Более того, состояние здоровья Баковой после воздействия газов могло вызвать беспокойство врачей за будущие роды. Несмотря на это, женщину силой держали в больнице под тщательным наблюдением врачей в течение шести месяцев. Ребенок родился живым, но с некоторыми отклонениями от нормы. Матери его не отдали и отправили в другую больницу. В течение года Бакова обращалась в различные инстанции, пытаясь узнать хоть что-нибудь о ребенке или хотя бы получить его труп. Однако это не дало никаких результатов. Через какое-то время она встретилась с другими женщинами, работавшими вместе с ней на заводе. Судьба некоторых из них была аналогична. Они также никогда не видели своих детей, хотя они родились живыми. У нескольких женщин родились мертвые дети. Часть женщин погибла — те, которые выходили из цеха в последних партиях. Никакого объяснения или компенсации никто из пострадавших не получил. Слухи о том, что на химическом заводе под Калининым был проделан эксперимент над живыми людьми, как будто не вышли за пределы заводского поселка, поскольку вскоре руководство завода предприняло самые серьезные меры, чтобы замять эту историю.

Больница, где я встретила Бакову, была одной из тех, куда отправляли людей, пострадавших от отравляющего действия различных химических препаратов. Необходимо сразу же указать, что те жертвы, о которых сейчас идет речь, не были жертвами несчастных случаев. Их всех объединяла странная, на первый взгляд непонятная, кличка «крот», синоним американского

названия «морская свинка». О том, что значит это безобидное слово, я впервые узнала в Москве, в октябре 1968 года, в спецотделении Института гигиены труда и профессиональных заболеваний имени Обуха. Выбор слова «крот» был не случайным. По ассоциации с животным, слепым при свете дня, «кротами» окрестили целую невидимую армию людей. «Кроты» — это лаборанты, рабочие и иногда даже студенты, все те, кто «вслепую» работает с химическим оружием. «Кроты» — исключительно дешевая рабочая сила. Их руками производятся эксперименты чисто военного значения, причем во многих гражданских предприятиях и научных центрах, и они даже не подозревают о подлинном характере своей работы. Такая возможность существует благодаря тому факту, что многие советские гражданские ученые-химики занимаются также военными исследованиями. Однако поскольку это их неофициальная тема, или, как часто говорят, «вторая тема», то характер этой работы сугубо секретен.

«Кроты» крайне удобны потому, что им не нужно платить повышенную зарплату за «вредность», их необязательно обеспечивать дорогим спецоборудованием, которое должно быть при работе с супертоксицидными веществами. Кроме того, «кроты» весьма удобны в бюрократической процедуре засекречивания, которая была бы необходима в случае, если бы они понимали смысл своего труда. Таким образом, освобождается аппарат засекречивания, что также выгодно государству. С помощью «кротов» число людей, посвященных в военные проблемы, сводится к минимуму и искажается вся советская

статистика, согласно которой число людей, официально занятых военными проблемами, значительно уменьшено.

Сейчас в США живет человек, недавно приехавший из СССР, который готов подтвердить имеющуюся у него информацию о том, какими скрытыми путями маскируется милитаризация химической промышленности в Советском Союзе. Есть целый ряд химических заводов, находящихся на такой консервации, что для производства химического оружия на этих заводах потребуется не более суток.

Однако сейчас я хотела бы остановиться лишь на одном, наиболее опасном аспекте использования людей-«кротов». Дело в том, что нередко эти люди дают стране не только свой труд, — порой они сами становятся объектами эксперимента. Подобные опыты часто приводят к смертельному исходу, что безусловно невыгодно для государства, так как лишает его дешевой рабочей силы. Но эта потеря вполне компенсируется теми уникальными научными результатами, которые в конечном счете остаются в руках у военных специалистов.

В американском справочнике супертоксиных веществ 1974 года говорится: «Очевидно, что наиболее важным было бы знать как можно точнее воздействие ядов на человеческий организм, но по понятным всем причинам мы можем указать только на эффект, вызываемый каждым ядом, со ссылкой на вид животного». Очевидно, советских специалистов такая неточность не устраивает. В этом же справочнике я нашла вещество, от которого пострадала сама — хлорэтилмеркантан, аналог иприта (горчичный газ).

Летальная доза была указана в килограммах на миллиграмм живого веса. В качестве подопытного животного приводится кошка.

Советские специалисты имели возможность проследить воздействие этого вещества на человеческий организм, причем не только на мне. Я имела возможность убедиться в этом, так как провела немало времени не во всевозможных вивариях, а в больницах, среди таких же людей — подопытных кроликов, как я сама. О том, что мне пришлось пережить, увидеть и услышать от своих друзей по несчастью, я собиралась рассказать в своей книге, подкрепив ее рядом документов, вывезенных из СССР. Книга была в стадии завершения, документы и первая часть хранились в банковском сейфе. Вторую часть я редактировала, и третьего сентября этого года она была украдена из моей квартиры. Поскольку публикация откладывается на некоторое время, я вынуждена рассказать об этой проблеме хотя бы поверхностно, ибо она представляет опасность для всего человечества.

Тот факт, что человека могут использовать в качестве объекта для эксперимента, безусловно возмутил бы людей в любой стране, а поэтому неудивительно, что подобные опыты тщательно скрываются и маскируются. Возможно, что сейчас я была бы обычным советским химиком, даже не подозревающим об этих экспериментах, если бы меня не перепутали с моей однофамилицей. И как это обычно и бывает, я бы считала, что она погибла или от несчастного случая, или же покончила с собой — обе версии легко принимают окружающие, и детали никого не интересуют.

Дело в том, что в 1968 году, будучи студенткой четвертого курса химического факультета МГУ, я носила фамилию первого мужа — Рябова. На курсе было две Рябовых, и мой научный руководитель не разобрался, кто есть кто — неудивительно, нас было более трехсот человек, и он плохо знал меня лично. Впоследствии мне объяснили, что произошла «чудовищная ошибка». Меня спасли лишь благодаря громким именам моих родственников. Муж был сыном известного адмирала П. Е. Рябова, а родной брат моей матери и ее племянник — А. Ф. Платэ и Н. А. Платэ — крупные химики. Однако об этом мой научный руководитель, В. С. Пшежецкий, узнал, когда я была уже в больнице. Считая меня «просто» Рябовой, он попросил меня синтезировать хлорэтилмеркантан — вещество крайне ядовитое, боевое отравляющее вещество, с которым студентам во всем мире вообще запрещено иметь дело. Если специалист-химик (не студент) работает с таким веществом, то только после того, как он дает расписку, что был предупрежден о токсичности и прошел инструктаж. Согласно инструкции, работу ведут в противогазе, защитном костюме и в лаборатории, снабженной двойной системой вентиляции.

Разрешите мне привести несколько цитат из документов, вывезенных из Советского Союза, чтобы восстановить картину того, как проходила работа. Это документы химического факультета МГУ, судебных и медицинских органов, пронумерованные от 1 до 10.

Итак: «Журнала инструктажа не было... Работа проходила в обычном вытяжном шкафу... Индивидуальными защитными приспособле-

ниями не пользовались» (документ 1). Отсюда ясно, что я не подозревала о ядовитых свойствах вещества, что и подтверждает руководитель, Пшежецкий: «При инструктировании Рябовой Л.Б. я не указал ей на токсичность хлорэтилмеркуртана» (документ 2). Далее отключается вентиляция. «Пшежецкий присутствовал при сборке аппаратуры, начале синтеза, а также при перегонке реакционной смеси» (документ 1). То есть руководитель отсутствовал только тот период, когда вентиляция не работала. Кто в это время находился в лаборатории? В списке пострадавших (документ 1) указан только один человек — я. Следовательно, и в лаборатории в этот период я была одна. Химикам не разрешается работать в одиночку, а студентам и подавно. Преподавателям категорически запрещено оставлять студентов в лаборатории одних. Однако предположим, что отсутствие руководителя в столь критический момент — совпадение. Но в этом же документе «...отключение тяги было отмечено как самой студенткой, так и сотрудниками лаборатории» (документ 1). Ясно, что руководитель знал об отключении вентиляции и о том, что я работаю без всяких мер защиты. Даже если допустить случайное отключение тяги, то и в этом случае руководитель был обязан немедленно прекратить работу, тем более, что ему известно о том, что студентка даже не подозревает о ядовитых свойствах вещества, на ней нет противогаза, и в лаборатории нет двойной системы вентиляции. Руководитель — не только химик, но и преподаватель Московского университета. Ему прекрасно известно, каковы последствия пребывания в атмосфере такого газа —

так же, как степень его ответственности за безопасность студента. Впрочем, отключение тяги не было вызвано аварией, а поэтому неудивительно и поведение руководителя. Документ 1 показывает, что в этот день на электротехническом участке не зафиксирована поломка вентиляции. Более того, в этом же документе говорится: «Пшежецкий присутствовал при перегонке реакционной смеси после того как им была включена внезапно остановившаяся работа тяги». Подчеркиваю: и м была включена. Вопрос заключается в том, почему он включил ее через сорок минут? Можно предположить, что в данном случае речь идет о преступлении одного лица — моего руководителя, но тогда, согласно Уголовному кодексу, ст. 108, виновник подобного происшествия наказывается лишением свободы сроком на восемь лет, в том случае, если у пострадавшего наступила утрата трудоспособности более чем на одну треть. В документе 6 сказано, что даже спустя пять лет после этого случая у меня была утрата общей трудоспособности — 60%, а профессиональной — 70%. Какова судьба Пшежецкого? В документе 4 академик Каргин ходатайствует о том, чтобы Пшежецкому объявили... выговор. Более того, как видно из документов, младший научный сотрудник Пшежецкий очень быстро становится старшим научным сотрудником, как раз после этого случая. И это при том, что на химфаке очень строгие законы по отношению к педагогам. Для полного доказательства моего случая, мне нужно больше времени, и я охотно сделаю это, если жюри даст мне такую возможность. Сейчас было бы более важным сказать, что в больнице я

была уже четвертым экспонатом для этого вещества. Трое были мужчины, двое выжили, один умер. Не любопытно ли, что каждый из нас синтезировал столь ядовитое вещество без всяких мер защиты, и вентиляция отключалась на разные промежутки времени?

Остается сказать лишь о реакции крупных советских ученых, таких, как Каргин и Кабанов: «Какая досада, что это случилось с родственницей Платэ!» Обычно подобные вещи происходят со студентами, у которых нет именитых родственников. Что же касается моего научного руководителя, то не следует возлагать на него большую часть вины, поскольку он не более чем винтик в громадной машине. Можно лишь обратить внимание, на *какой* кафедре проводился синтез такого вещества — на кафедре высокомолекулярных соединений, то есть полимеров (кафедра названа во всех документах), а мирные безобидные полимеры не имеют никакого отношения к веществам группы иприта.

Хотелось бы напомнить об аналогичном использовании студентов в качестве подопытных кроликов профессором Гарвардского университета Титоти Лири. В 1961 году четыреста его студентов получили сильнейшие наркотики для того, чтобы профессор мог изучить их действие на человеческий организм. В отличие от Московского университета, Гарвард полностью дисквалифицировал профессора, и его посадили в тюрьму.

Но, говоря о правах и правосудии в СССР, надо отметить некоторые факты. Я была безусловно в привилегированном положении по сравнению с другими людьми, оказавшимися в

такой же беде, благодаря своим родственным связям. Двоюродная сестра мужа, А. Хомусько, была прокурором (прокуратура СССР). Мне удалось собрать такие документы, которые вряд ли смог получить кто-нибудь другой. Но даже находясь в более привилегированном положении, я смогла обратиться в суд лишь спустя четыре года.

Изучив материалы дела, суд, наконец, заключает (цитирую документ 7): «В 1968 году, по вине администрации МГУ, у истицы наступило профессиональное заболевание. В результате заболевания произошла потеря трудоспособности. Обязанность по возмещению ущерба возложена на химический факультет МГУ». Но, по советским законам, если у истца потеря трудоспособности хотя бы на одну треть, полагается уголовное расследование. Суд указывает утрату трудоспособности — 60%, но уголовного расследования нет.

Мне бы хотелось обратить внимание на тот факт, что в СССР эксперименты, которые, как правило, ведут к гибели людей, зачастую проводятся руками весьма уважаемых на Западе ученых. И если присутствующие здесь считают подобные эксперименты преступлением, то, очевидно, среди таких ученых немало преступников.

В небольшом докладе невозможно рассказать и сотой части того, о чем надо уже не просто говорить, а говорить очень громко. Но большинство свидетелей погибают, а немногие оставшиеся в живых вынуждены, как правило, молчать...

Было бы наивно полагать, что какое-либо сообщение может повлиять на Советский Союз и прекратить преступные эксперименты. Но те, кто знает о них, не имеют права молчать.

На трибуне «Слушания» — проф. Д. Азбель

Давид Азбель

Жертвы экспериментов

Историю Любы Маркиш я узнал прежде, чем об этом объявила пресса... Правда, кое-кто из моих знакомых пытался уверить меня, что все это — плод болезненного воображения.

Меня очень заинтересовал этот случай. Я никогда не думал, что найдется смельчак, а главное — прямой свидетель, который рискнет сорвать завесу с совершенно секретной проблемы использования людей в качестве подопытных животных, без их предупреждения и, разумеется, согласия.

Жертвы таких экспериментов обычно умирают. Те же, кому удастся выжить, боятся говорить об этом из опасения очутиться в психиатрической больнице или быть обвиненными в клевете на советский строй, т. е. в антисоветской пропаганде. Даже для тех, кто хорошо знает советскую действительность, крайне трудно разобратся в этой проблеме.

Гибель жертв эксперимента оформляется как несчастный случай.

Ассортимент причин небогатый, примитивный, а для советских властей — естественный: самоубийство от несчастной любви, несоблюде-

ние мер предосторожности и несчастный случай как таковой. А так как многоопытные «кадровики» в большинстве случаев оформляют задним числом соответствующие документы и расписки, то и концы в воду.

Мне приходилось бывать на заводах, где производятся отравляющие вещества. Я слышал, что эксперименты с этими веществами производятся на людях. Поэтому я решил встретиться с Любой Маркиш и обсудить эту проблему.

Целесообразно перечислить ряд фактов, связанных с ее делом.

3 сентября неизвестные люди проникли в квартиру Маркиш и украли вторую часть рукописи ее книги, копии документов. Вещи и деньги остались нетронутыми. 19 сентября 1975 года у меня была назначена встреча с Л. Маркиш. Вместо двух часов пополудни я приехал утром. Я был свидетелем попытки взломать дверь в квартире Л. Маркиш. Взломщики полагали, что Люба в квартире одна, т. к. ее муж в это время был на работе.

На следующий день была повторена та же попытка проникнуть в квартиру.

Дальнейшие события развиваются так:

23 сентября Л. Маркиш посещает Исидор Зисман и недвусмысленно дает ей понять, что с Советским Союзом борьба бессмысленна, что ее все равно убьют, если она не прекратит писать книгу. В качестве альтернативы он предлагает от имени КГБ, в виде компенсации за вред, причиненный ее здоровью во время эксперимента,

за отказ от написания книги и открытое письмо в КГБ — полмиллиона долларов.

5 октября Зисман подтверждает свое предложение по телефону (имеется магнитофонная запись).

7 октября. Третья попытка купить Л. Маркиш (имеется магнитофонная запись).

9 октября. Шантаж по телефону — ложное сообщение о тяжелом несчастном случае с матерью Л. Маркиш (якобы сбита машиной) в г. Кливленде — с целью травмировать Любу и тем самым сорвать ее поездку на Сахаровское «Слушание» в Копенгаген.

10 октября. Последнее серьезное предупреждение по телефону с требованием отказаться от поездки на «Слушание», — в противном случае угрожают убить мать Любы Маркиш. Я сам слышал эту угрозу — я держал трубку второго телефонного аппарата.

В чем дело? Кому мешает Люба Маркиш? Казалось бы, после публикации «Архипелага ГУЛаг», выступлений академика Сахарова, свидетельств многих перебежчиков и диссидентов никакая публикация уже не может вызвать особых опасений КГБ.

И тем не менее Люба Маркиш — слишком серьезный и нежелательный свидетель: она рассказывает о некоторых аспектах военно-химических исследований, которые столь тщательно скрываются советской милитаристской системой.

Проблема заключается не только в том, что СССР проводит испытания боевых отравляющих веществ на людях. Их смысл понятен — реакция человеческого организма в ряде случаев может

несколько отличаться от реакции организма человекообразной обезьяны, а результаты нужны точные. Естественно, встает вопрос: с какой целью проводят эти эксперименты?

С 1925 года более ста государств подписали Женевский протокол о неприменении химического оружия. Внимание мира было приковано к наращиванию ядерного потенциала. Общественность упустила из виду, что в эпоху локальных войн химическое оружие является наиболее эффективным. Любопытна при этом позиция Советского Союза, который, как всегда, успешно дурачил мир. Если прийти, например, в публичную библиотеку Нью-Йорка и посмотреть, что было опубликовано по токсикологии в различных странах, можно заметить довольно парадоксальный факт: фолианты западных публикаций на эту тему за последние годы выросли, как грибы после дождя. Последняя же публикация Советского Союза скромно датируется... 1930 годом. Можно подумать, что СССР в течение сорока пяти лет вообще не занимается химическим оружием. И вдруг выясняется, что какая-то девчонка может рассказать миру о том, чем так скромно и тихо занимались советские «пацифисты»...

Мне было известно, что «кротов» набирали на «химию» в Восточной Сибири. Это были не заключенные, а деревенские жители, не подозревающие, «с чем эту химию едят». Это было не только использование человеческих рук с целью изготовления смертоносного оружия, но и массовый эксперимент. Люди попадали в закрытые больницы, и родственникам не выдавали даже трупы. Было хорошо известно, что немало таких экспериментов поставили на солдатах, но все

факты и последствия этого глубоко засекречены. Кажется, подобные эксперименты проще всего было бы проводить исключительно на заключенных, но дело в том, что организм заключенных предельно ослаблен и, даже если создать для них на какой-то период нормальные условия жизни, подорванное здоровье этих людей не может быть восстановлено полностью. Поэтому организм заключенных — не лучший материал для научного эксперимента.

Для этой цели советским властям удобно использовать те слои населения, которые в силу ряда причин не могут поднять голос протеста. Такие эксперименты на людях проводятся на ряде химических предприятий в СССР. Обычно используются рабочие в так называемых почтовых ящиках.

Особое внимание уделялось газам, действующим на психику и нервную систему человека. Изучалось также влияние химической стерилизации, что особенно актуально при учете соседства с коммунистическим Китаем. Химические вещества, вызывающие стерилизацию у мужчин, во много раз сильнее эффекта, оказываемого радиацией.

Подобные опыты над людьми проводились на химических объектах в Челябинске и Южно-Сахалинске.

По мере подготовки к химической войне военные специалисты и некоторые ученые сочли удобным использовать в качестве подопытных объектов студентов, что, на первый взгляд, кажется мало логичным. Дело в том, что студенты старших курсов достаточно опытные, чтобы синтезировать любой яд, и они могут создать «газо-

вую камеру» своими собственными руками. Однако студенты не могут знать названий многих токсических веществ, что значительно облегчает их использование в роли подопытных кроликов. Что бы ни случилось со студентом, — это всегда легко объяснить как несчастный случай. А раскрыть сущность случившегося практически невозможно. Я лично знал студентов «Менделеевки» — Московского химико-технологического института, — которые зачастую погибали от таких «несчастных» случаев. О специальных расследованиях не могло быть и речи. Со студентом Николаем Деревлевым из Иркутска проделали примерно такой же эксперимент, как с Любой Маркиш. То же отключение вентиляции, но другой газ, в меньших концентрациях. Этот человек жив, абсолютный инвалид и, как говорили лагерники, «запуган через смерть».

В Москве и других больших городах сосредоточены крупные научные центры, где ученые работают совместно с военными специалистами. Я знал человека из Челябинска, которого умышленно послали в отравленную зону, а затем отправили на «исследование» в Москву, в Институт гигиены труда и профессиональных заболеваний. Разумеется, никаких «профессиональных» заболеваний у него не было. Подобных примеров можно привести огромное количество, однако большинство свидетелей умирали, а те немногие, кто случайно уцелел, о происшедшем с ними боялись даже заикнуться.

В случае же с Л. Маркиш все предельно ясно. Студентам во всем мире запрещено работать с такими веществами, как хлорэтилмеркантан. Мне, как профессору-химику, это хорошо извест-

но, а как бывшему узнику «Архипелага» известно и другое: даже заключенным в химических «шарашках», при работе с веществами ипритной группы выдавали противогазы и защитные костюмы, и при этих мерах предосторожности всегда была сблокированная двойная система вентиляции.

Всюду, на воле или в спецтюрьме, химикам запрещено работать в одиночку. А если студентку одну послали синтезировать такое вещество, не снабдив даже противогазом, то этого факта уже вполне достаточно, чтобы сказать, зачем и для кого это было сделано. Говорить о якобы поломанной тяге вообще смешно, ибо в лаборатории должна быть двойная система вентиляции, специально на случай поломки одной из них. В данном случае можно только удивляться тому, насколько крепкий у человека был организм.

Этот газ обладает очень острым, характерным запахом и кумулятивными свойствами, поэтому находиться в атмосфере его паров, даже незначительное время, почти невозможно. Очевидно, что никто не стал бы работать в таких условиях по доброй воле. Случай этот представляется особенно оидозным, поскольку он произошел в Московском университете — «храме советской науки», где сосредоточены сильнейшие научные кадры и прекрасное лабораторное оборудование. А противогаз, как известно, был даже у солдат во время первой мировой войны.

Непонятно только одно: почему столь жестокий жребий пал на девушку из московской элиты, у которой родственники по мужу, Рябовы, принадлежали к самой высокой военной касте, а

родственники по матери, Платэ — известные химики. Но и это объясняется просто: на курсе было две Рябовых, и, как выяснилось позже, Любу перепутали с однофамилицей, у которой, как в таких случаях обычно и бывает, не было известных родственников.

Очень неблагоприятна при этом роль ученых, приобщенных к подобного рода исследованиям на людях. Сталинская система формирования научных кадров коренным образом изменила психологический настрой многих ученых. Нередки случаи, когда ныне «маститые» ученые в недобрые старые сталинские времена достигали вершин науки далеко не научными путями. Они писали доносы на своих более способных товарищей по работе и в награду за это получали возможность присваивать труды невинно убиенных коллег. Согласно господствующей доктрине, провозглашенной самим Брежневым, специалист должен прежде всего быть «без лести предан» родной партии, а остальное само собой приложится. Успех многих нынешних ученых определяется в основном тем, насколько они удачно и своевременно выполняют указания вышестоящего начальства. По зову партии и правительства многие сегодняшние и будущие ученые готовы пойти на преступления даже по отношению к своему собственному народу. Сегодня «кроты» — трагедия одиночек, завтра это может стать трагедией всего человечества.

Теперь становится понятным, кому мешает Люба Маркиш и почему она подвергается преследованиям на Западе со стороны «компетентных органов».

Вопросы членов жюри
и ответы свидетелей
Л. Маркиш и Д. Азбеля

Вопрос. Расскажите о вашем выезде из СССР.

Л. Маркиш. Мы с мужем зарегистрировали наш брак уже после того, как муж получил разрешение уехать. В это время он был последним представителем фамилии Маркиш в СССР. Как известно, Маркишей там очень не любили и хотели от них избавиться. Посмотрите, когда была выдана виза моему мужу и вы увидите, что он, отказавшись ехать без меня, ждал меня полгода. Я подала документы на выезд уже будучи его женой. В ОВИРе страшно рассердились, сказали, что он должен ехать один, я одна. Он отказался. Они меня особенно не проверяли, но надо учесть, что я представила справку, что я работала научным редактором в журнале «Нефтехимия». Я работала и корреспондентом, все мои статьи были написаны о хороших, действительно хороших советских ученых, и в течение пяти, даже почти шести, лет я хранила молчание, так как меня очень крепко предупредили, что я должна молчать. Кроме того, я переменила квартиру и принесла справку из поликлиники (новой поликлиники, где о случившемся со мною ничего не знали), в которой было просто написано, что у меня «пневмосклероз, астма», и не указано, из-за чего эти болезни появились. Я написала, что хочу выехать из Советского Союза в связи с тем, что мой муж хочет уехать, и больше ничего. Мне

дали разрешение очень быстро. Но поскольку у меня было очень плохо со здоровьем, я оказалась в больнице, и благодаря тому, что мой муж прождал меня шесть месяцев, мне чудом удалось уехать. Это было, что называется, идти «ва-банк»: или с первого раза, или никогда!

Вопрос. В какие советские инстанции вы жаловались?

Л. Маркиш. Не пожелаю и врагу своему пройти через все те инстанции, через которые я прошла... Должна сказать, что в первую очередь действие этого вещества проявляется в поражении кожи (потом уже — в поражении легких). Это уродует человека, а для женщины это особенно тяжело. Я не могла писать, не могла мыть руки, у меня было обезображено лицо. В таком состоянии я пробыла несколько месяцев. И, выйдя из Института Обуха, я прежде всего попыталась обратиться к родственникам со стороны мужа (это были очень высокопоставленные военные, среди них был, например, и полковник КГБ), сказать им, что недопустимо, в конце концов, делать такой эксперимент на людях! Они на это мне ответили: «Люба! Такие эксперименты проводятся на Западе в значительно бóльших размерах, и ты о них просто ничего не знаешь. А мы-то об этих экспериментах знаем очень хорошо. Для Советского Союза это крайняя и очень печальная мера — идти на такие жертвы и уничтожать собственных людей. Мы это вынуждены делать потому, что на Западе знают точные результаты, полученные на людях, а вот мы их не знаем. Мы бы готовы мысленно выдать медаль каждому, погибшему от такого эксперимента. Ты должна понимать, что это

делается во имя родины, во имя обороны, и ты не должна обижаться, поскольку ты попала по ошибке, если бы не это, ты бы никогда вообще в эту историю не попала».

Потом у меня было очень плохо со здоровьем, моим родителям не раз говорили, что мне осталось жить несколько месяцев, остался очень маленький объем легких. Я просила декана химического факультета, просила секретаря партийной организации химического факультета, просила председателя профкома всего университета обратиться в Международный Красный Крест, поскольку у меня были друзья-врачи, которые говорили, что в мире знают, как лечить последствия такой интоксикации. Мне на это ответили: «Ты хочешь опозорить всю советскую науку, потому что для этого мы же должны написать, что студентка работала с хлорэтилмеркantanом... вспомни Зою Космодемьянскую...»

Я обращалась к очень крупным ученым, академикам, членам-корреспондентам (у меня были очень большие связи благодаря моим родственникам) — только с одной просьбой: опустите мое письмо в Международный Красный Крест, не указывайте, что я студентка, спасите мою жизнь! — никто не хотел ничего делать... Первый человек, который достал мне английский ингалятор, спустя два или три года — вот он здесь — это мой муж. И та женщина, которая под свою ответственность уговорила врача дать этот ингалятор, живет сейчас в Англии.

Могу перечислить и пройденные мною юридические инстанции. Во-первых, ВТЭК, так называемая врачебно-трудовая экспертиза... Чтобы пройти ее, вы должны просидеть в районной

поликлинике месяца два, пока вас обследуют. Здесь есть люди из Советского Союза, они хорошо знают, что значит сидеть в районной поликлинике. Это очень тяжело, даже здоровый человек заболевает. Вы должны пройти через это, собрать кучу бумаг из всех больниц, где вы лежали. В результате этой процедуры, после того как вы потратите массу сил и времени, начнут устанавливать, профессиональное это заболевание или трудовое. Любопытно, что в моих документах они написали «профессионально-трудовое» — профессиональное заболевание, трудовое увечье, — потому что на самом деле это было и не то, и не то. Затем нужно было обращаться в суд. Но суд говорит: «Простите, если у вас такая утрата работоспособности, то где же уголовное расследование? Мы не можем вчинять гражданский иск, пока не будет проведено уголовное расследование». А вот что касается уголовного расследования, так это нельзя «пробить» никакими силами.

У мужа были друзья — крупнейшие юристы Москвы (он сам собирался стать юристом и закончил несколько курсов юридического факультета), они все, в один голос, сказали: «Невозможно!» Да ведь и гражданский суд проходил без адвокатов — их не было ни с моей стороны, ни со стороны университета. У нас был приятель, который работал в «компетентных органах», он сказал: оставьте эту идею! вы не добьетесь уголовного расследования этого дела хотя бы только потому, что достаточно на него посмотреть сведущему человеку, как ему сразу будет ясно, что это не несчастный случай, и тогда нужно раз-

матывать такой клубок, который разматывать невозможно.

Вопрос. Как фамилия работника КГБ, который сказал, что такие же опыты проделываются и на Западе?

Л. Маркиш. Хомусько. Меня пригласили на празднование его пятидесятилетия, и муж заставил меня пойти туда. Публика там была очень своеобразная — присутствовало человек тридцать, среди них было, по-моему, два полковника, а все остальные были генералами КГБ. За столом это очень милые, очень светские и порой очень интеллигентные люди. Выпив и закусив, они целый вечер обсуждали со мною эту проблему — рассказывали, как на Западе экспериментируют на людях, что это делает обычно Си-Ай-Эй на солдатах и что советская разведка эти данные получает.

Вопрос. Можете ли вы сказать, когда это было?

Л. Маркиш. Осенью... по-моему, 1969 или 1970 года, в Москве, на проспекте Мира, на квартире Хомусько.

Вопрос. Вы говорили о Каргине и Кабанове. Можете ли вы рассказать подробнее о разговоре с ними? Как вы узнали о том, что они сказали?

Л. Маркиш. ...Каргин и Кабанов приходили ко мне и они говорили не только мне, а даже и моей матери: какой ужас! кому нужна в наш век такая скромность, она работала на кафедре, это была просто научная работа, так почему же она никогда не говорила, что принадлежит к такой семье?! Если бы мы это знали, никогда в жизни она не работала бы с этим веществом. Самое страшное было именно в том, что мы этого не знали!

Более того, они сказали моей матери, что в течение всех этих лет я все время работала с веществами очень ядовитыми и очень опасными, и тогда меня тоже использовали как «крота» — но только мои руки, а не весь организм.

В ту пору, когда это случилось со мной, аналогичный случай был с другой студенткой, которая тоже работала с хлорэтилмеркантином, но тяга выключалась всего на 10 минут. В этом случае последствия совсем другие, т. е. человек через месяц заболевает, у него страшная гипотония, головные боли и какое-то непонятное кожное заболевание. Она месяц лежала в больнице, после чего осталась человеком совершенно нормальным и здоровым. Со мною же так случилось, поскольку мой двоюродный брат считал, что я застрахована от роли «крота» благодаря своим родственникам по линии мужа, а те считали, что я застрахована от этой роли благодаря родственникам по линии матери.

Вопрос. То, что вы и г-н Азбель нам рассказали, особенно подчеркивает важность событий, связанных с похищением ваших бумаг в Нью-Йорке. Были ли американские власти поставлены об этом в известность и что они предприняли?

Д. Азбель. От человека, который никогда не бывал в переделках такого порядка, трудно было ожидать принятия соответствующих решений, быстрых и правильных. Когда я узнал обо всех этих делах и в особенности после того, как прочел книгу Баррона «КГБ», я прекрасно отдавал себе отчет о возможностях, силе и влиянии органов безопасности Советского Союза. Поэтому я настоял, чтобы Люба Маркиш поставила об этом в известность Федеральное бюро расследо-

ваний, полицию. Когда Исидор Зисман — человек, несомненно являющийся агентурой органов государственной безопасности СССР — сделал Любе весьма недвусмысленное предложение, то будь я на ее месте, я взял бы деньги, чеки... — и потом все это предъявил бы полиции, поймал бы с поличным... Люба этого не сделала. Тогда я посоветовал ей позвонить этому человеку, сказать, что она раскаивается в своем отказе, что она поняла, что полмиллиона в Америке — большие деньги... — и одновременно подключить микрофон, чтобы записать разговор. Люба это сделала. Ей очень не хотелось кривить душой, она человек религиозный... но эта магнитофонная запись есть, мы можем ее предъявить. Вторую магнитофонную запись делал я сам, она относится к периоду последних дней подготовки к этому «Слушанию», когда мы с Любой вынуждены были встречаться более часто. Об этом телефонном звонке снова было сообщено Федеральному бюро расследований. Но, к моему большому сожалению, в данном случае ФБР далеко до КГБ. Если бы такой Исидор Зисман попал в органы КГБ, он бы через 15 минут «раскололся» — сказал бы всё, вплоть до того, кто его родственники до десятого колена! А американская полиция до сих пор действовала очень мало и очень инертно...

Л. Маркиш. Я очень не хотела останавливаться на детективной стороне, потому что все это очень противно, но должна сказать, что нервы они мне потрепали крепко, особенно, когда мне позвонили и сообщили, что моя мать сбита машиной, у нее сломан позвоночник, пробита голова, и сказали, чтобы я не занимала линию и

ждала звонка от отца. Вы можете себе представить, в каком состоянии я пробыла этот час, и как я два дня потом лежала с сердечным приступом, и чего мне все это стоило! В этом отношении они сделали свое дело. Я не виню ФБР, но — когда была кража рукописей, я просила снять отпечатки пальцев, сфотографировать... ведь это простейшие методы криминалистики... Конечно, я в этом ничего не понимаю, но мне всё же кажется, что отпечатки пальцев надо было снять.

Когда был взлом и вытащили половину замка — профессор Азбель присутствовал при этом — в протоколе даже не было четко зафиксировано, что же произошло, и снова не сняли отпечатков пальцев.

В разговоре с журналистом Майроном Фарбером из «Нью-Йорк таймс» (он занимается там именно такими, детективными, делами) я сказала: «Перед поездкой в Данию нас каждый день шантажируют. Профессору говорят, что подожгут дом, мне говорят, что если я поеду, то убьют мою мать... я еду в очень нервном состоянии. Не могло бы ФБР хотя бы проследить за нашим отлетом в аэропорту, в эти последние дни?» Нет, ничего...

Что касается мистера Зисмана... во-первых, я была поражена. Это очень старый человек, ему за семьдесят, это последний человек в мире, которого я бы заподозрила в каких-то связях с КГБ. Для меня очевидно, что он не агент, он какое-то последнее звено. И когда он мне сказал: «Люба, ведь все равно убьют!» — у него был такой вид, что я и не знаю: может быть у него в одном кармане был магнитофон, а в другом,

может быть, пистолет... Но если бы я согласилась принять его предложение, пусть и фиктивно, и это было бы записано на пленку, потом разглашено по всему миру, — моя книга после этого была бы дискредитирована... не говоря уже о том, что я уверена: вся эта история с полумиллионом — просто способ втянуть меня в какую-то интригу.

МАРКИШ Люба, род. 4 марта 1946 года в Москве, в семье музыканта и лингвиста; была воспитана в лютеранской вере.

В 1970 г. закончила химический факультет Московского государственного университета, в 1972 г. — Московский институт журналистского мастерства (редакционно-издательский факультет). С 1970 г. работала научным редактором в журнале «Нефтехимия» АН СССР и была корреспондентом научного отдела газеты «Вечерняя Москва».

Уехала из России в сентябре 1973 г. вместе со своим мужем, Юрием Маркишем. До осени 1976 г. работала над рукописью своей книги о проведении в СССР преступных экспериментов на людях. В марте 1976 г. давала об этом показания Сенату США. Сейчас живет в Нью-Йорке, занимается в колледже программированием.

АЗБЕЛЬ Давид, род. 26 января 1911 года в Чернигове. В 1933 г. закончил Московский химико-технологический институт им. Д. И. Менделеева. Его научно-исследовательская работа была прервана арестом в 1935 г. за антиправительственную деятельность. В 1957 г., после 16 лет тюрем и лагерей и 5 лет ссылки, он поступил в аспирантуру и в 1960 г. получил ученую степень кандидата наук. В 1965 г. он стал

доктором наук. С 1966 по 1972 г. был профессором московского Всесоюзного политехнического института. В этот период им опубликовано 60 научных работ в изданиях АН СССР и в научных журналах.

В настоящее время Д. Азбель — профессор университета в Миннесоте (США).

Преследование религии

Анатолий Левитин-Краснов

Положение верующих в СССР

Господин председатель! Господа!

В 1950 году, когда я находился в лагерях, один из моих товарищей по узам, старый коммунист, с которым мы постоянно спорили, мне сказал: «Левитин, вы должны благословлять Сталина день и ночь». — «Почему?» — «Потому что это единственная страна, где вы могли стать мучеником».

Мучеником я, конечно, не стал, но советский строй — это, действительно, единственная государственная формация, при которой мирный человек, школьный учитель, мог просидеть 10 лет в заключении, переменить 16 тюрем и 12 лагерных пунктов, долгие годы вынужден был жить впроголодь и на старости лет очутиться в изгнании только за свои религиозно-философские убеждения и за свою приверженность к демократии и христианскому социализму. Это одно достаточно характеризует порядки в Советском Союзе.

Тем не менее я никогда не был врагом советской власти и всегда с радостью отмечал те положительные явления, которые имели место.

В данном случае я, однако, буду говорить о явлениях отрицательных, т. к. для описания положительных явлений в СССР есть достаточное количество хорошо оплаченных, специально подготовленных, хотя большей частью не очень умных пропагандистов.

При этом я буду говорить Правду, всю Правду, ничего кроме Правды, и да поможет мне Бог.

Мои показания, в соответствии с моим жизненным опытом, распадаются на три раздела: положение религии в СССР, права человека в СССР, материальное положение трудящихся.

1. Положение религии в СССР

Как известно, коммунистическая партия в Советском Союзе, придя к власти, официально провозгласила своей целью уничтожение религии в СССР.

До 1929 года борьба с религией проводилась путем антирелигиозной пропаганды. Правда, и в это время имел место ряд репрессий (расстрелов и арестов) по отношению к духовенству. Однако этот террор не был массовым, и власти утверждали, что они, якобы, преследуют духовенство не за религиозную, а за политическую деятельность.

В 1929 году власти приступили к организованному поголовному физическому истреблению духовенства. В 1929-30 годах, в период так называемой «коллективизации», в сельских местностях были закрыты почти все храмы и

арестовано почти все сельское духовенство.

Духовенство было объявлено, наряду с кулаками, остатком враждебных классов. Все сельское духовенство было заключено в лагеря. Особенно много было священников на Соловках, на Беломорско-Балтийском канале, в лагерях Дальнего Востока. Хотя они и были приговорены лишь к трем годам заключения, почти никто из них не вернулся, т. к. через некоторое время после освобождения священников снова арестовывали, они попали под «ежовщину», которую не мог выдержать ни один (даже самый сильный физически) человек.

Вмешательство Папы Пия XI и объявленный им поход в защиту религии несколько задержал процесс дальнейшей ликвидации Церкви в СССР.

Однако в 1932 году началась массовая ликвидация церквей в городах. Первый удар был нанесен по монашествующему духовенству: 17 февраля 1932 года были арестованы все монахи и монахини, выгнанные в свое время из монастырей и прислуживающие в храмах. Всего в один день было арестовано около 20 тысяч человек.

В это же время началось массовое закрытие православных храмов и католических церквей, оставшихся в городах.

Затем каждый год проходила волна арестов среди духовенства, обычно сопровождавшаяся массовым закрытием храмов. Такая кампания прошла, в частности, весной 1935 года и весной 1936 года, перед 1 мая 1936 г. официально был провозглашен лозунг: «Церковники и сектанты хотят отравить ядом религии наших детей. Дадим отпор враждебной работе церковников и сектантов!» В это время начинается истериче-

ская кампания против верующих в печати. Это все предшествовало 1937 году, после которого от сотысячного русского православного духовенства осталась небольшая горсточка: 200-250 человек, а по всему СССР действовало всего несколько десятков храмов.

* * *

В 1943 году, как известно, Сталин совершил резкий поворот в отношении Церкви, отчасти под влиянием извне (в частности, огромную роль сыграл здесь Рузвельт), отчасти под влиянием религиозных настроений в народе, очень ярко проявившихся в дни войны. Однако ни один из арестованных епископов (а их было несколько сот), ни один из арестованных священников или монахов и монахинь (а их было более сотни тысяч) возвращен не был, и все они были физически истреблены в лагерях.

В то же время власти разрешили повсеместное открытие храмов, восстановление некоторых обителей и духовных учебных заведений.

Как известно, Хрущев, придя к власти, вновь развязал человеконенавистническую антирелигиозную кампанию и задался целью в короткий срок уничтожить религию в СССР.

Во время его правления с 1959 по 1964 г. из 20 тысяч действующих православных храмов было уничтожено 12800. Причем закрытие храмов происходило с применением варварского насилия: верующих (пожилых людей) обливали водой из брандспойтов, грубо выталкивали из храмов, заламывая им руки. Одновременно было закрыто несколько десятков монастырей, четыре

духовных семинарии; с гнусным надругательством была закрыта Киево-Печерская Лавра — величайшая святыня русского народа, колыбель христианства на Руси.

В эти же годы (1959-63 гг.) проходит не имеющая прецедентов в истории православия почаяевская эпопея.

В течение 4-х лет почаяевские монахи испытывали невероятные надругательства: их били, оскорбляли, насильственно удаляли из монастыря. Однако здесь власти натолкнулись на столь резкое сопротивление как монахов, так и всего окрестного населения, что на насильственное закрытие Лавры они не решились. А в 1963 году, по инициативе преосвященного Антония архиепископа Женевского, началась за границей кампания в защиту Почаяева, в результате чего эта историческая святыня русского и украинского народов была сохранена.

* * *

Все это принадлежит прошлому. Каково положение религии в СССР в настоящее время?

Дальнейшее закрытие церквей приостановлено, однако оставшиеся 7200 церквей совершенно не удовлетворяют нужд верующего населения. Имеются целые области, в которых нет ни одной церкви: как, например, Калининградская область (Восточная Пруссия), а также почти весь Дальний Восток, где один храм приходится на 800 — 1000 км.

Все попытки верующих добиться открытия храмов наталкиваются на резкий отпор. Если учесть, что всякое моление в домашних условиях,

без соответствующей регистрации, строжайше запрещено, то это означает, что десятки миллионов людей лишены возможности удовлетворить свои религиозные потребности.

Впрочем, и в других областях дело обстоит не лучше: в Ленинградской области, например, имеется лишь несколько действующих храмов. В древнем Новгороде — городе с 200-тысячным населением — открыта лишь небольшая церковка св. апостола Филиппа, которая может вместить лишь одну десятую часть верующих. Примерно так же обстоит дело в Ярославле, Горьком, Новосибирске и других городах.

В то же время Церковь поставлена под жесткий контроль и ее деятельность ограничена лишь отправлением религиозного культа. Вопреки советской Конституции, отделение Церкви от государства не проведено в жизнь.

С 1961 г. введена принудительная регистрация лиц, которые крестят своих детей или венчаются в храме. От родителей и брачующихся требуют паспорта. Всех лиц, зарегистрированных таким образом, ожидают неприятности на службе, т. к. их имена сообщаются в райисполком, а оттуда эти сведения передаются на место работы.

Все священнослужители (от патриарха до псаломщика) должны быть зарегистрированы Уполномоченным Совета по делам религии, который имеет ничем не ограниченное право «вето». Такое же неограниченное право «вето» имеют уполномоченные при приеме в Духовную Семинарию и в Духовную Академию, а также при приеме на работу преподавателей Семинарии и Академии, что дает возможность КГБ буквально наводнять Семинарии и Академии своими аген-

тами, а также шантажировать учащихся Семинарий и Академий, угрожая им исключением из учебного заведения, если они не согласятся стать секретными сотрудниками КГБ (тайной полиции).

При вступительных экзаменах в Московскую Семинарию в августе 1974 года было подано необычно много заявлений: 7 человек на место. Из Москвы было подано 20 заявлений. Однако Совет по делам религии наложил «вето» на наиболее способных. По Москве КГБ установил жесткую норму: было разрешено принять только 2 человека. Все молодые люди, подавшие заявление в Семинарию, были подвергнуты ряду репрессий: их снимали с работы, после чего милиция объявляла их «тунеядцами».

* * *

Очень тяжело также положение верующего человека в советском быту. Он не только не пользуется «свободой совести», но, наоборот, его жизнь — это сплошное насилие над религиозной совестью.

Уже в детском саду детям религиозных родителей запрещают носить крестики, внушают им, что их родители — темные, безграмотные люди. Таким образом, уже в дошкольном возрасте дети травмируются. Коллизия еще более обостряется в школе, всех детей записывают в пионеры; пионер же обязан быть антирелигиозником.

В 15 лет перед молодыми людьми встает вопрос о вступлении в комсомол, организацию антирелигиозную. Некомсомолец же практически имеет очень мало шансов попасть в вуз.

Всем преподавателям вменяется в обязанность вести антирелигиозную пропаганду. Правда, большинство учителей это требование саботируют. Однако некоторые учителя доходят в этом отношении до изуверства: например, в 1959 году учительница третьего класса принесла в класс икону и при учениках выбросила ее в окно.

Пребывание в вузе превращается для верующих студентов в пытку: их заставляют сдавать все предметы в духе так называемого «марксистско-ленинского», антирелигиозного мировоззрения. Если студент будет уличен в том, что он верующий, его немедленно исключают «по неуспеваемости». Делается это так: преподавателя — члена КПСС вызывают в партком и требуют, чтобы он провалил этого студента на экзаменах. В порядке партийной дисциплины преподаватель должен подчиниться. В результате получаются совершенно анекдотические инциденты.

Так, молодой москвич Александр Огородников, в течение трех лет учился в Московском институте кинематографии, имел оценку «отлично» по всем предметам, которые входят в учебный план, и был исключен за... неуспеваемость. Была исключена сначала из Института ракетостроения, а потом из Московской консерватории Алевтина Филатова за то, что она пела в церковном хоре. Был исключен из Иркутского института охотоведения Александр Мень, ныне протоиерей. Таких молодых людей тысячи. Когда оказывается, что человек, окончивший высшее учебное заведение, является верующим, печать и вышестоящие организации упрекают в этом администрацию вуза, а потому она, в порядке пере-

страховки, и старается освободиться от верующих студентов.

Что касается людей зрелого возраста, то их положение еще более тяжелое.

Во-первых, они не могут занимать никаких административных должностей, т. к. для этого требуется быть членом КПСС, что для верующего человека, естественно, невозможно. Таким образом, каждому верующему человеку, вступающему в жизнь, приходится отказаться от какой бы то ни было карьеры. Во-вторых, верующие люди не могут занимать никаких должностей, связанных с идеологической работой (быть учителями, преподавателями вузов, работниками гуманитарных профессий). В частности, я был дважды снят с учительской работы за свои религиозные убеждения: первый раз — в 1948 г., будучи учителем 2-й школы рабочей молодежи города Москвы, за «протаскивание поповщины»; второй раз — в 1959 году, будучи учителем 116-й школы рабочей молодежи города Москвы.

Лица, протестующие против подобного положения верующих, подвергаются варварским репрессиям: так, Борис Владимирович Талантов за свои работы, в которых освещалось истинное положение религии в СССР, в 68 лет, тяжело больной, был водворен в лагерь, где умер 4 января 1971 года. Меня также присудил к 3 годам заключения 19 мая 1971 года Московский городской суд по ст. 190¹ (за клевету на советский общественно-государственный строй) только за то, что в своих статьях я показывал действительное положение верующих в СССР.

Известно, какой травле подвергся мужествен-

ный священник отец Димитрий Дудко только за то, что он с церковной кафедры протестовал против гонения на религию в СССР.

* * *

Я здесь изложил факты, касающиеся положения Русской Православной Церкви в СССР.

Положение других религиозных деноминаций буквально внушает ужас: гонения на них заставляют вспомнить о временах Нерона и Диоклетиана.

Не желая занимать много времени, я прилагаю при сем копию моей докладной записки в Комитет защиты прав человека в СССР, которая была написана перед моим отъездом из СССР по предложению академика А. Д. Сахарова.

2. Права человека

СССР — строго полицейское государство: каждый человек живет как бы в аквариуме, под бдительным надзором властей. Особенным вниманием пользуется категория лиц, обозначаемая отметкой: «Состоит под надзором органов КГБ». Вся переписка этих лиц строго контролируется, все телефонные разговоры прослушиваются, для лиц, особо интересующих КГБ, имеется аппаратура, подслушивающая их домашние разговоры.

В 1952 г. в Каргопольлаге находилась в заключении жена маршала Ворожейкина. На следствии ей инкриминировался разговор, который она вела, лежа с мужем в кровати.

В 1960 г. митрополиту Николаю (Ярушевичу) в Совете по делам религии был с буквальной

точностью повторен разговор, который он имел с глазу на глаз с одним из своих сотрудников. На недоуменный вопрос митрополита, откуда содержание этого разговора известно, было отвечено: «Вы в XX веке живете».

В разговоре, который я имел с представителем КГБ майором Шилкиным незадолго до отъезда, мой собеседник с буквальной точностью процитировал фразу из моего телефонного разговора, бывшего за несколько дней до этого.

Священнику отцу Г. П. Якунину представитель КГБ также привел совершенно точно фразу из разговора, который он вел с глазу на глаз со своей близкой родственницей.

У меня на квартире (Москва, ул. Жуковского 7, кв. 13) был также поставлен подслушивающий аппарат. Однажды произошла какая-то авария в аппарате, и в течение часа по всей квартире раздавался гул.

КГБ, однако, занимается лишь гражданами политически неблагонадежными: всеми остальными гражданами ведает милиция, которая, как спрут, охватывает всю страну. Последнее время штаты милиции значительно разрослись: при каждом отделении милиции существует так называемый «профилактический отдел» для надзора за лицами, вернувшимися из заключения. В каждом квартале есть Опорный пункт милиции, функция которого состоит в том, чтобы следить за лицами, проживающими в данном квартале. Милиция есть повсюду — кроме тех мест, где ей надлежит быть. В темных закоулках, где орудуют хулиганы и грабители, вы не встретите милиционера и тщетно будете взывать к нему, чтоб он защитил вас от бандита. Когда где-нибудь

происходит убийство, следственный отдел милиции спешит свалить это на самоубийство или на несчастный случай.

* * *

Особую роль играет в жизни советского человека так называемая прописка.

Допустим, вы живете в городе Пушкино (15 км от Москвы). Вы хотите переехать в Москву. Это так же невозможно, как поехать в Америку: у вас областная прописка, а не московская. Еще более трудно переехать в Московскую, Ленинградскую, Киевскую или Одесскую область из другой (смежной) области. Все эти области под секвестром. Невероятно трудно даже переехать из одного города в другой: например, из Куйбышева в Саратов. Начинаются бесконечные расспросы: зачем переезжаете, почему, есть ли у вас в этом городе родственники, есть ли жилплощадь и т. д. И если вы не представите нужных сведений, вам в прописке будет отказано.

Но почти совершенно невозможно прописаться в городе человеку, проживающему в сельской местности (колхознику).

Такого прикрепления человека к месту жительства не было даже во времена крепостного права.

Правда, эти законы все-таки обходятся (путем фиктивных браков, поступления на работу в милицию или в пожарную команду, а иногда законная бдительность стражей порядка усыпляется при помощи не совсем законных средств); однако, перефразируя Бомарше, можно сказать, что для прописки простому человеку приходится тра-

тить столько усилий, таланта, изобретательности, что их хватило бы на управление пятью Испаниями.

Столь же большим является вопрос с работой. Согласно закону о «тунеядцах», принятому во времена Хрущева и потом несколько видоизмененному, всякий гражданин, не работающий в течение месяца, подлежит принудительному направлению на работу. Если с этой работы он уйдет ранее чем через год, дело автоматически передается прокурору, и «тунеядца» присуждают к 2-3 годам лагерей.

Такой порядок дает широкую возможность для борьбы с инакомыслящими, и я неоднократно испытал это на себе. Лишившись возможности с 1959 года работать по своей учительской специальности, я затем не мог найти решительно никакой работы, т. к. для поступления на работу требовалось предъявить трудовую книжку. Моя же трудовая книжка вызывала всеобщее недоумение: почему вдруг высококвалифицированный учитель идет работать библиотекарем, почтальоном, сторожем?

Из перестраховки меня не принимали. Между тем милиция бомбардировала меня требованиями устройства на работу, давая мне срок 2-3 недели. Я нашел выход из положения: используя свои связи в церковной среде, устраивался на работу то церковным сторожем, то истопником, а последнее время вынужден был работать полотором в столовой № 2 Бауманского района города Москвы.

Но не всем так посчастливилось, как мне. Верующий учитель истории из Астрахани Валентин Сергеевич Прозоров (его адрес: Астрахань,

ул. Татищева, 85) был за свои религиозные убеждения уволен из школы в том же 1959 г., что и я. Не сумев устроиться на работу, он был сослан в Красноярский край, где его заставили исполнять тяжелую физическую работу. Из-за непосильного напряжения он был разбит параличом, лишился речи и сейчас проживает у своей сестры, получая издевательскую «пенсию» — 30 рублей в месяц. (Самый дешевый костюм стоит 60-70 рублей.)

Что касается рядовых тружеников, ничем не прогневавших советское государство, то и их положение достаточно тяжелое: казенные профсоюзы — это только фикция, никто их не принимает всерьез. Достаточно администрации захотеть отделаться от работника, — его увольняют под любым предлогом: сокращение штатов, нарушение трудовой дисциплины и т. д., — а профсоюзные инстанции почти всегда соглашаются с администрацией. Если же профсоюзники вступятся за увольняемого, то администрации и это не страшно: всегда можно обратиться в суд, который, как правило, становится на сторону администрации.

Особо следует остановиться на положении лиц, находящихся в местах заключения. О положении политических заключенных писали уже достаточно, здесь я вряд ли смогу сказать что-либо новое. Я остановлюсь на положении лиц, осужденных по так называемым «бытовым» статьям. Замечу при этом, что в Советском Союзе имеются такие «преступления», каких нет нигде в мире.

Жительница города Армавира, будучи в Ростове-на-Дону, купила несколько детских лифчи-

ков, т. к. в Армавире их нет. Вернувшись, она продала эти лифчики соседкам по цене, несколько превышающей казенную. Результат: она была присуждена к 5 годам заключения за «спекуляцию».

Вы обменялись квартирами и взяли небольшую доплату, т. к. вы уступили площадь в лучшем районе: 5 или 10 лет заключения — спекуляция жилплощадью.

Вы поссорились с женой. Накричали на нее. Жена в пылу раздражения пожаловалась квартальному: 5 лет за хулиганство, хотя бы вы с женой помирились на другой же день.

Я знал случай, когда мать, чтоб напугать озорного мальчишку-сына, продавшего ее калоши, подала на него в суд. Суд приговорил 15-летнего мальчика к 5 годам заключения. Мать тут же грохнулась в обморок.

Конечно, есть (наряду с этим) и настоящие преступники. Но независимо от виновности осужденных, они содержатся в условиях, которые напоминают худшие времена средневековья.

В Москве в настоящее время имеется 4 тюрьмы: Лефортовская тюрьма (для политических), Бутырская, тюрьма на улице Матросская Тишина и пересыльная тюрьма на Красной Пресне. Побывав за последние шесть лет во всех четырех тюрьмах, я могу вынести суждение об их режиме.

Наиболее сносная тюрьма в смысле бытовых условий — это Лефортовская тюрьма, находящаяся в ведении КГБ: в камере не больше двух-трех человек, санитарные условия хорошие, питание более или менее приличное. Бутырская тюрьма переполнена: по 70-80 человек в камере.

Вновь прибывшим часто приходится по 8-10 дней ночевать на полу, пока не освободится место. Однако несколько спасают размеры здания. Построенное еще при Екатерине II, здание имеет просторные, высокие камеры, поэтому особой духоты нет. Зато тюрьма на Матросской Тишине — настоящий ад. В крохотных камерах ютятся по 20-30 человек. Иной раз приходится по два метра на человека. Духота невероятная. В таких условиях люди проводят по 5-6 месяцев. Камеры кишат паразитами: блохами, клопами, иногда и вшами. Допроситься доктора невозможно: он ходит по камерам раз в 2-3 недели. Практически медицинская помощь оказывается лишь тяжело больным. Надзиратели невероятно грубят: матерщина буквально не сходит у них с языка. За любое нарушение режима виновного выволакивают в коридор и избивают. В камерах — атмосфера террора: хозяйничают блатные с садистскими наклонностями, избивают заключенных. В частности, существует обычай так называемой «прописки»: всякому вновь прибывшему человеку (примерно в возрасте до 40 лет, — стариков щадят) — «20 коцов», — т. е. 20 ударов сапогом. Администрация это все знает и не только не препятствует, но даже поощряет это. Начальник тюрьмы майор Иванов сам отличается необыкновенной грубостью.

Несколько лучше обстоит дело в тюрьме на Красной Пресне: там надзирательский состав более культурный и особых грубостей себе не позволяет. Однако санитарные условия несколько не лучше. В крохотных камерах ютится бесконечное количество людей. Особенно страшную картину представляет собой тюрьма в летние

месяцы, во время жары. Полуголые люди, облитые вонючим потом, с обалделыми глазами, находятся в полуобморочном состоянии. Дым от махорки еще более отравляет атмосферу. Это буквально ад.

Примерно такая же обстановка в тюрьме в Ростове-на-Дону и в Армавирской тюрьме, где я провел 10 месяцев в 1969-70 годах. Там в летние месяцы люди все время падают в обморок. Их выволакивают в коридор, обливают холодной водой и вновь втискивают в камеру.

В городе Сочи тюрьмы нет. Подследственные содержатся в Армавирской тюрьме, однако периодически их возят для допросов в Сочи, где они содержатся в камере предварительного заключения (КПЗ) при милиции. Здесь, в камере размером 18-19 метров, зачастую помещается по 15 человек, которые лежат, скорчившись, на помосте. Вытянуть ноги не представляется возможным. Никаких прогулок не полагается. В углу стоит грязная параша: в таком положении люди находятся по 3-4 недели. Милиционеры бесстыдно обкрадывают арестантов. Когда им приносят передачи (тем, кто имеет в Сочи родственников), милиционеры половину присваивают себе. И все это творится в фешенебельном курорте, куда толпами стекаются иностранцы.

* * *

И наконец, слегка коснусь обстановки в исправительно-трудовых лагерях и психиатрических больницах для заключенных.

С 1971 по 1973 год я содержался в лагере для уголовников (ст. 190¹ — клевета на советский

общественно-политический строй — рассматривается как бытовая статья) в городе Сычевка Смоленской области (освободился 8 июня 1973 г.) и могу подробно рассказать об этом лагере.

Все заключенные работают по 8 часов, выходные дни фактически бывают лишь раз в три-четыре недели. Я состоял в бригаде, которая сколачивала ящики. Работа в любое время года (климат суровый, — в зимнее время — до 40° мороза, при ветре) проходит в дощатом неотапливаемом сарае. Разводить костер категорически запрещается: опасаются пожара. Категорически запрещается также заходить греться в отапливаемые цеха.

Питание: утром — каша (5-6 ложек). В обед — суп из сушеной картошки, иногда щи. Второе — снова каша или картошка. Вечером — каша (5-6 ложек). Для здоровых, молодых парней, занятых физической работой на свежем воздухе, такая норма означает постоянный голод.

Среди лагерных офицеров есть приличные люди, которые гуманно относятся к заключенным (таков майор Петров и старший лейтенант Иван Иванович — учитель по профессии, к сожалению, не помню его фамилии), — рад помянуть их добрым словом. Однако они практически бессильны. Тон задает начальник режима майор Микшаков — садист и грубиян. Он лично на вахте избивает заключенных. Кроме того, фактически он пытается людей, используя в качестве орудия пытки наручники. Наручники надеваются на кисти рук и завинчиваются так, что заключенный ощущает невероятную физическую боль. В таком положении заключенный остается около часа. Эти меры Микшаков применял особенно часто летом

1972 года, когда строилась новая каменная ограда вокруг лагеря и «план горел». Микшаков вызывал на вахту бригадиров и в порядке «подбадривания» применял этот метод. Об этом он сам неоднократно рассказывал перед строем заключенных на разводе. Обычная его фраза: «Надену я на тебя наручники и повернусь к тебе задом, — поплачешь!» Надзиратели усиленно копировали своего начальника. При этом надо сказать, что Микшаков еще не самый худший из работников ГУЛага. У него хорошее качество: он не трус и не формалист. Он не любит людям портить жизнь и обычно подписывает заключенным по выходе из лагеря хорошие характеристики. Тогда как другие работники ГУЛага, перестраховываясь, дают людям плохие характеристики, из-за чего они попадают под особый надзор милиции (иначе говоря, получают ссылку).

Медицинское обслуживание в лагере фактически отсутствует. Имеется амбулатория, при которой — каморка с двумя койками (число заключенных колеблется от 700 до 1300). Главный врач Василий Иванович Ермаков — грубый, абсолютно невежественный человек — цинично заявляет, что на преступников он не желает тратить ценные медикаменты.

28 августа 1972 г. я наступил на бревно с ржавым гвоздем. Острые ржавого гвоздя прорвало пеньковую подошву лагерного сапога и глубоко вонзилось в тело. Я попросил сделать противостолбнячную прививку. Ермаков сделать ее отказался, заявив, что это дело сестры. Медицинская сестра пришла лишь через два дня и сделала мне прививку тогда, когда в этом уже не было смысла.

Кроме того, хочу указать на недопустимость того, что лиц, осужденных по ст. 190¹ (политических заключенных, большей частью интеллигентов), помещают вместе с уголовниками. Я от этого нисколько не страдал, и не могу пожаловаться на плохое отношение ко мне товарищей по узам: наоборот, они относились ко мне с такой любовью, которой я не заслуживаю. Но не всегда так бывает. Например, кандидат математических наук Бурмистрович (участник Демократического движения), будучи в лагере, подвергался со стороны уголовников гнусным издевательствам и даже побоям на почве антисемитизма. Так было и во многих других случаях.

Рядом с Сычевским лагерем находится психиатрическая больница для заключенных. Сам я там не был, но порядки в этой больнице мне хорошо известны, т. к. около 200 наших ребят работали в качестве санитаров в больнице и не только подробно рассказывали мне о тамошних порядках, но и часто передавали мне письма от заключенных больных, а им передавали мои письма.

Больница располагается в помещении бывшей каторжной тюрьмы, построенной при Екатерине II. Характерно, что во время немецкой оккупации (в период 1942-44 гг.) там также находилась каторжная тюрьма. В больнице имеется 14 отделений и там находится постоянно около 1500 больных, которые поступают сюда из различных тюрем и лагерей. Самые ужасные — отделения бессрочников: 7-е и 14-е, где находятся, в основном, люди, попавшие сюда за свои религиозные и политические убеждения. В частности, там уже в течение трех лет содержится молодой

писатель, близкий к демократическим кругам, Юрий Белов, рассказы которого печатались в издающемся за рубежом журнале «Грани». Он поступил сюда в мае 1972 года из Владимирской тюрьмы.

В 7-м и 14-м отделениях лежат по 12-15 человек в палате. На всех приходится одна пара тапочек. Больные целыми днями вынуждены лежать в кроватях. Книг им не выдают, и радио в палате не проведено. Выйти в туалет — целая проблема, т. к. сопровождать больного должен санитар, а санитар слишком «занят». Больные часами упрашивают вывести их на «оправку», а в ответ часто получают оплеухи. Избиение больных — самое обычное дело, т. к. в санитары берут уголовников с садистскими наклонностями. Привожу реплики трех санитаров, которые я сам слышал.

Парень 24 лет с мутными глазами: «Хорошо работать в больнице: всегда есть кому морду набить». — «Зачем же бить?» — «А так, скучно. Стоишь целый день в коридоре. Строишь, идет дурак (так обычно называют больных санитары), — хватать ему по морде».

Другой санитар — здоровый мужчина 30 лет, атлетического вида: «У меня сегодня руки болят. Дурака одного лупил».

Санитар Иван Федорович, 40 лет, сейчас проживает в Москве. «Пришел врач, говорит: пол грязный. Я сейчас первого попавшегося дурака — хватать по шее: пол мой».

Он же: «Дураки просят папирос. Хочешь закурить — 20 шелбанов (шелчков) по носу или 20 горячих ремнем (ременной пряжкой)». Об этой

процедуре я слышал еще по крайней мере от 10 человек.

Администрация и врачи обо всем этом знают и решительно никаких мер не принимают. Впрочем, сами они действуют с еще большей жесткостью. За малейшее непослушание больных привязывают к койкам на целые сутки. (Это называется «держать на привязи».) Часто в виде наказания впрыскивают больным лекарства, от которых они мучаются целыми сутками.

В ноябре 1971 года один психически больной человек совершил ночью побег из больницы. Когда его задержали на станции и привели обратно в больницу, его избивал лично главный врач Ламич вместе с тремя дюжими санитарями. После этого избиения беглец получил на всю жизнь тяжелую инвалидность.

Ни для кого не секрет, что в этой больнице содержатся совершенно здоровые люди. Не делает из этого секрета и оперуполномоченный МВД Леонтович, который заявил Юрию Белову: «Мы вас лечим не от болезни, а от убеждений. Причем ваш врач я. Пока вы не отречетесь от своего прошлого, вы отсюда не выйдете».

* * *

Картина была бы неполной, если бы я не упомянул еще о том, как перевозят заключенных.

Лагерные этапы — это величайшее мучение. В купе вагона втискивают по 30-40 человек. Людям, изнемогающим от жажды, не дают пить. Когда же наконец охрана «смилостивится», — дают воду: одну кружку на пятерых, не считаясь с тем, что среди преступников (уголовников)

много сифилитиков. По прибытии заталкивают в «воронку» — бронированный грузовик, в котором заключенные стоят, плотно прижавшись друг к другу, и не могут шевельнуться. В Сочи и в Армавире к заключенным применяют унижительную процедуру: по выходе из вагона, в ожидании «воронка», ставят всех на колени или на корточки, чтобы избежать побега.

Таковы факты, которых я сам был свидетелем.

Я не только не допустил никаких преувеличений, но не сказал многого по недостатку времени и из соображений пристойности, шадя стыдливость слушателей.

3. Материальное положение простого человека в СССР

За последнее время в СССР наблюдаются некоторые достижения в области материального положения граждан: значительно улучшилось положение с жилплощадью, несколько лучше снабжаются магазины, наконец, значительно улучшилось положение колхозников.

Однако положение простого человека все-таки остается все еще очень тяжелым.

В СССР в течение 22 лет (с 1953 г.) не было ни одного снижения цен. Цены остаются невероятно высокими, а зарплата не только не повышается, а имеет тенденцию к понижению, ввиду повышения норм выработки. Средняя зарплата квалифицированного рабочего — 200 рублей; с вычетами — 180-190 рублей.

Возьмем обычную рабочую семью: муж, жена, двое детей. Для питания такой семьи потребуются минимум 7 рублей в день. Это составит 210

рублей в месяц. Расходы на квартиру и коммунальные услуги, хотя в СССР это значительно дешевле, чем в Западной Европе, все же потребуют 10 рублей (5 р. — за квартиру, 3 р. — за электричество, 2 р. — за транспорт). Одежда дорогая. Детям потребуется на одежду 10 рублей в месяц. Родителям, при самых скромных требованиях, чтобы как-то прилично выглядеть, нужно минимум тратить на себя в среднем 20 рублей в месяц. Принять гостей, угостить, выпить — еще 20 рублей. (Мы все время оперируем лишь минимальными цифрами.) Мебель, посуда — 30 рублей. Таким образом, прожиточный минимум (при самой скромной жизни) составит 300 рублей. Следовательно, приходится работать и жене. Дети остаются одни, без присмотра. Кроме того, при таком бюджете больше двух детей иметь нельзя: значит невозможна и нормальная половая жизнь...

Конечно, в конце концов, деньги находятся; с голоду никто не умирает, но приходится работать перенапрягаясь.

Еще хуже положение трудовой интеллигенции. В наиболее бедственном положении находятся педагоги и врачи. У рабочего всегда найдется выход из положения: он может выработать несколько норм, зарабатывать на шашках (отремонтировать кому-нибудь дачу, напилить дрова). Учитель, врач — на ставке, и работа настолько нервная и изматывающая, что ни на что не хватает больше сил. Между тем ставка учителя средней школы и врача (стыдно говорить!) — 100-120 рублей. Но есть люди еще менее обеспеченные: учителя начальной школы (ставка — 80-90 рублей) и фельдшера, медсестры, работ-

ники аптеки (60-70 рублей). Этих людей с полным правом можно назвать «интеллигентным пролетариатом» и преклониться перед их великим подвигом: они несут просвещение (насколько это возможно) в темную, малограмотную массу и лечат больных, может быть, не хуже, чем хорошо оплачиваемые заграничные врачи.

* * *

Я изложил все, что я знаю о положении религии в СССР, о том, как соблюдаются права человека и как живут простые русские люди.

Я старался быть максимально объективным. Я не привел ни одного факта, который вызывает у меня сомнения.

Я не делаю никаких выводов, я не выношу никаких заключений: это не дело свидетеля...

Я надеюсь, что «Слушание» вынесет справедливое и беспристрастное решение.

Вопросы членов жюри и ответы свидетеля А. Левитина-Краснова

Вопрос. Можете ли вы рассказать нам о разрушении храма на Украине, в Житомире, в августе этого года, сразу после соглашения в Хельсинки?

Ответ. Да, конечно, тем более, что документы о разрушении этого храма были переданы на Запад именно мною. Это событие произвело очень тяжелое впечатление на всех жителей Житомира. Там была Богоявленская церковь, изу-

мительной красоты. Ее очень любили верующие. Полтора года назад было постановлено ее закрыть — с нелепой формулировкой: напротив находится школа, советские дети могут, значит, прельститься церковью. Не говоря о глупости этой формулировки, она не выдерживает, конечно, никакой юридической критики: этак и все церкви можно закрыть, всюду где-то рядом находится школа. Нужно сказать, что люди отстаивали церковь как могли, но архиерей перевел священника в другое место и служба прекратилась. Церковь отстаивали простые, малограмотные люди, рабочие, работницы. Тем не менее ее снесли. Это, конечно, одно из проявлений варварского отношения к религии в России. Правда, должен оговориться, что есть факты более страшные. Дело в том, что на Украине церквей гораздо больше, чем, скажем, в Сибири и на территории РСФСР. Потому что там близок Запад, Западная Украина и по другим причинам. В Житомире, вообще говоря, четыре храма. Это значит, что три храма остались действующими. И это тяжело, но это все же лучше, чем, например, в Калининграде, где нет ни одной церкви, и где, когда старушки собираются на квартире у одной женщины, приходит милиция и их оттуда выгоняет, из озорства увозит за несколько десятков километров от Калининграда — добирайтесь, как хотите. Так что есть факты и во много раз худшие.

Вопрос. Насколько я понимаю, быть верующим в СССР — личное дело человека, а вы сказали, что это расценивается как преступление... Хотелось бы знать, кто выдвигает неверующих в приходские советы, каким образом становят-

ся эти люди руководителями в церковных организациях?

Ответ. Я вовсе не сказал, что быть верующим — преступление, юридически это не так. Если вас арестуют, вам не предъявят обвинения, что вы ходите в церковь — такого обвинения нельзя предъявить, юридически это не преступление. Но я говорил о дискриминации. Ведь быть негром в ЮАР тоже не преступление, и тем не менее вряд ли кто-нибудь позавидует положению там негра. Для верующего человека перекрыты все пути, он не может заниматься любой профессией, какой захочет, для него затруднена учеба (если, конечно, будут знать, что он верующий). Другое дело, что законы и порядки существуют для того, чтобы их обходить. Я, например, знаю одного доцента, в одном провинциальном институте, жена его говорит: «Я ему не позволяю ходить в церковь здесь; для того, чтобы отправлять свои религиозные потребности, он специально ездит в Москву». Я знаю одного московского мусульманина, который ездит в мечеть в Баку, самолетом, хотя в Москве есть мечеть.

Теперь — о том, как попадают люди в органы самоуправления. В 1961 году, под давлением правительства, Собор принял решение о том, что вопреки церковным канонам, все церковное хозяйство ведется мирянами. Это люди, которые назначаются райисполкомами. Обычно райисполкомы подбирают людей на эти должности так (конечно, могут быть и исключения): секретарь райисполкома вызывает настоятеля и говорит: «К нам поступили сведения, что в этом районе живет такой-то или такая-то. Мы ей мо-

жем полностью доверить церковное имущество. Она верующая». Как узнал о ней секретарь райисполкома? А он связан с одним малоприятным учреждением, с уполномоченным КГБ по данному району. Уполномоченный КГБ и советует (по телефону) секретарю райкома, только советует, Боже сохрани — какой приказ! — он говорит, что тоже «слышал», что вот есть такая женщина, которая вполне может быть старостой. А секретарь райисполкома рекомендует ее тоже каким-то своим людям. Так появляется вдруг никому не ведомый человек во главе церковного хозяйства. Это — директор церкви. Она оплачивает священников. От нее зависит, снять священника с регистрации или нет. Не буду голословным. Так, староста церкви в Марьиной Роще, в Москве (к своему стыду, не разобравшись, кто она такая, я сам рекомендовал ее настоятелю), сняла настоятеля — протоиерея с пятидесятилетним сроком служения. Патриарх Алексей сказал: нет! этот священник будет служить здесь, я так решил. Она ответила: патриарх может решать сколько угодно, а он у нас служить не будет. И сняла его с регистрации. По закону, священник — служащий по найму у общины. Она — глава общины. И вот два года патриарх, — патриарх Алексей! — не назначал туда настоятеля. Не назначал — и не надо, служили второй и третий священник. В конце концов уступил патриарх, назначил туда нового настоятеля. Вот и оказалась староста церковная — Загрязкина Елена Борисовна (она приобрела широкую известность благодаря своей предательской роли на одном из процессов, когда по ее доносам был посажен человек) — сильнее самого патриарха.

Это случай очень характерный. Как правило, церкви отданы в руки воров и провокаторов. Они наживаются — та же Загрязкина построила за это время великолепную дачу, 10 лет она была старостой, у нее квартира напоминает музей, чего тут только нет: и сервизы, и серебро, и прочее. Она человек нечистый на руку, нечестный, и она в ладу с МГБ. Вот такие воры и провокаторы — хозяйева храма.

Вопрос. В официальных брошюрках указывается, что большинство церквей закрывается в СССР потому, что никто не ходит в церковь, так ли это? И правда ли, что в СССР ходят в церковь только старушки?

Ответ. Возьмите, например, город Ярославль, промышленный город, 700 тыс. населения, или около того. Крохотный храм на окраине города. Там приходится служить по воскресеньям четыре обедни. Те, кто знаком с бытом православной Церкви, знают, что обедня в ней длится три часа, и обычно бывают только две обедни... Крохотный храм, в котором буквально дышать невозможно. Стиснут тебя со всех сторон, как железными клещами, повернуться, перекреститься нельзя, руку не подымешь. Причем в городе огромное количество старинных церквей, которые разрушаются, которые нуждаются в ремонте. Просят верующие: дайте нам эту церковь, мы ее отремонтируем сами. Нет, не дают. И вот люди душатся там годами.

Город Горький, огромный город, больше миллиона населения. Ни одной церкви. Три церкви были в пригороде, сейчас, правда, город расширился, они считаются включенными в город. В престольные праздники подойти близко нельзя.

Поезжайте туда и попробуйте — не на Пасху, а допустим, на любой церковный праздник — Преображение, например, пойти туда, вы близко не подойдете. Толпа стоит у дверей. Я уж не говорю о пасхальных днях...

Когда я жил в Ленинграде, я приходил к заутрене, которая начинается в 12 часов ночи, — в час дня. В час дня, чтоб занять место, иначе не найдешь.

Я сейчас получил записку от моего друга Андрея Григоренко: «Анатолий Эммануилович! Нас с Машей, женой, не пустили в храм Ризоположения на Пасху. Заявили, что молодые в СССР не имеют права быть верующими». Это правда. В пасхальную ночь, когда очень много желающих попасть в церковь, около церкви всегда стоит милиция и дружинники, якобы чтобы охранять церковь от хулиганов. На самом деле, молодежь туда не пускают. Доходит до анекдотов: жену священника с детьми не пустили в церковь на том же основании: вы молодые. Мы с о. Димитрием Дудко в позапрошлом году стояли около церкви и буквально воевали с дружинниками, потому что молодежь не пускали. За каждого молодого человека приходилось воевать: пустите его, почему вы его не пускаете?! Да, верующий человек в России — не преступник, он полноправный гражданин, ничего с ним особенного не делают. Ему только плюют в лицо каждый день, утром и вечером.

Вопрос. Вы свидетельствуете о положении в лагерях в последнее время... Знают ли заключенные о своих правах, когда их арестовывают или посылают в лагеря? И если знают, могут ли они в лагере протестовать — например, против усло-

вий питания, работы? Могут ли они протестовать, основываясь на своих правах?

Ответ. В том лагере, где я был, под Сычевкой, была школа для заключенных. Как-то раз ребята спросили учительницу истории, в 10-м классе: скажите, что такое Декларация прав человека? Она ответила: «Это было в 1789 году». — «Нет, вот сейчас какая-то есть Декларация прав человека, принятая ООН?» — «Я об этом не знаю». Так что, видите, даже учительница истории — я уверен, что она говорила искренне, — об этом не знает. Что же говорить об этих простых ребятах, которые попали в лагерь из села и совершенно ничего не знают. А им со всех сторон говорят: пожалуйста, жалуйтесь. Вы можете писать жалобу. Но в СССР есть такое: куда бы вы ни писали, ваша жалоба обязательно придет к тому, на кого вы жалуетесь. А в лагерях развешаны большие объявления: «За подачу клеветнических заявлений заключенные несут ответственность». Вот и пиши-ка жалобу на этого Микшакова: придет к нему эта жалоба, он скажет, что это ложь, у нас все хорошо. И вас же привлекут еще к ответственности. У нас заключенные абсолютно бесправны, особенно уголовники, за которых никто не заступает и которые, собственно говоря, никому не нужны.

Вопрос. Я не думаю, что следует говорить о религиозном преследовании, — это совершенно не трогает три четверти французов и две трети немцев. Хочу напомнить, что в 1780-м году впервые закрылись церкви во Франции. Я, например, учился в Нормандии, в городской школе, мой учитель запретил мне посещать священника и я ходил к священнику потихоньку, чтобы учиться

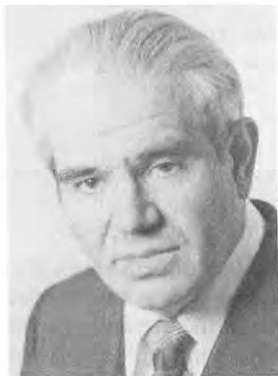
катехизису. Я христианин, и меня лично задевает этот вопрос, но он вовсе не всех интересует. Говоря о преследовании церкви в СССР, вы никак не растрогаете ни коммунистов, ни социалистов, ни радикалов.

Ответ. Конечно, очень жалко, что социал- и радикал-демократы к этому равнодушны, но я могу сказать одно: пусть они остаются радикалами, социал-демократами, анархистами и приезжают в СССР. Их посадят в лагерь рядом с верующими. Кстати, в 1934 году, когда я попал впервые в ГПУ, именно как христианский социалист, мне говорил следователь: вы намного опасней явного реакционера. Вот как раз людей, которые говорят о социализме, в СССР и не терпят, их сажают в первую очередь. Пускай к нам приезжают — там они с верующими и помируются.

ЛЕВИТИН-КРАСНОВ Анатолий, род. 21 сентября 1915 года в г. Баку. Окончил Ленинградский педагогический институт им. А. И. Герцена и аспирантуру. В 1943 г. в Ульяновске принял сан диакона. В 1949 г. был арестован и осужден на 10 лет лагерей (освобожден после XX съезда КПСС). В 1958 г. положил начало церковному Самиздату, нелегально распространяя статьи в защиту религии под псевдонимом «Краснов». С начала русского Демократического движения — его активный участник. С мая 1969 г. — член Инициативной группы защиты прав человека в СССР. Подвергался всевозможным преследованиям властей, вплоть до арестов и заключения в лагерь. В сентябре 1974 г. эмигрировал на Запад.

Герхард Гамм

Беззаконное законодательство

Пророк Иеремия еще в древности говорил: «И заботьтесь о благосостоянии города, в который Я переселил вас, и молитесь за него Господу; ибо при благосостоянии его и вам будет мир» (Иер. 29:7).

Каждый христианин знает, что нужно молиться за место, где он живет, и за свою страну.

Я с уверенностью говорю, что за Россию очень многие молятся, как в самой стране, так и за ее пределами. А почему? Ответ простой. Россия — это многонациональная и многострадальная страна. Еще в царской России христиане терпели голод и холод, а многие положили жизни свои за правду. Об этом можно прочитать в книгах и услышать от тех, кто жил в то время. Верующие, выехавшие из СССР, не только молятся за свою Родину, но и любят ее. Любят потому, что там осталась их колыбель, родительский дом, материнская любовь, отцовская забота. И я люблю свою Родину, там остались родные, друзья, хорошие воспо-

минания о совместных радостях и скорбях. Кто не любит свою Родину, тот не достоин ее. Я не намерен бросать в нее камень и клеветать, я говорю только то, что можно подкрепить документально. Каждое государство имеет свои законы, имеет их и Советский Союз. Я коснусь только тех, которые касаются религии.

*Краткое разъяснение законов,
касающихся религии в СССР*

1

«Декрет» Совета Народных Комиссаров от 23 января 1918 года:

п. 1 — Церковь отделяется от государства.

п. 2 — В пределах республики запрещается издавать какие-либо местные законы или постановления, которые бы стесняли или ограничивали свободу совести, или устанавливали какие бы то ни было преимущества или привилегии на основании вероисповедной принадлежности граждан.

п. 3 — Каждый гражданин может исповедывать любую религию или не исповедывать никакой. Всякие праволишения, связанные с исповедыванием какой бы то ни было веры или не исповедыванием никакой веры — отменяются. *Примечание:* Из всех официальных актов всякое указание на религиозную принадлежность и не принадлежность граждан — устраняется.

п. 9 — Школа отделяется от Церкви. Граждане могут обучать и обучаться религии частным образом.

На основании «Декрета» издан основной закон — Конституция:

п. 124 — В целях обеспечения за гражданами свободы совести, церковь в СССР отделена от государства и школа от церкви. Свобода отправления религиозных культов и свобода антирелигиозной пропаганды признается за всеми гражданами, а также сохраняется право на свободу:

- 1) совести,
- 2) слова,
- 3) печати,
- 4) митингов,
- 5) демонстраций.

Этот закон — только для рекламы перед другими странами, а на самом деле в СССР верующих судят на основании незаконного «Законодательства о религиозных культах» от 1929 года:

п. 13 — Для непосредственного выполнения функций, избирают из среды своих членов на общем собрании верующих открытым голосованием исполнительные органы: в религиозных обществах — в количестве трех человек, а в группе верующих — одного представителя.

п. 14 — Регистрирующим органам предоставляется право отвода из состава членов исполнительного органа религиозного общества или группы верующих — отдельных лиц.

п. 17 — Религиозным объединениям воспрещается:

- а) создавать кассы взаимопомощи...

б) оказывать поддержку своим членам,

в) организовывать как специально детские, юношеские, женские, молитвенные, рукодельческие, трудовые, по обучению религии и тому подобные собрания, группы, кружки, отделы, а также устраивать экскурсии и детские площадки, открывать библиотеки и читальни, организовывать санатории и лечебную помощь.

п. 64 — Надзор за деятельностью религиозных объединений, а также за сохранностью передаваемого на основании договора в их пользование здания и имущества культа, возлагается на регистрирующие органы, причем в сельских местностях этот надзор возлагается также и на сельсоветы.

«Законодательство о культах» в силе и поныне, об этом свидетельствуют постоянные судебные процессы над христианами. Кто не признает этого закона, тот вступает в конфликт с органами власти. Искренне верующий не может принять и выполнять «Законодательство о религиозных культах», потому что оно прямо направлено против Бога, Библии, совести и Конституции. Значит верующий становится виновным перед Богом, перед собой лично и перед государством. Вот в таком положении живут христиане в России. Именно отсюда и вытекают все страдания народа Божьего.

Приведу несколько документальных фактов из жизни Евангельских христиан баптистов за последние 14 лет:

1. Вопрос регистрации общин.

Каждая поместная община должна быть на учете в органах власти, т. е. зарегистрирована.

Это законно и естественно. Верующие не отказываются регистрироваться на основании Конституции страны, об этом свидетельствуют тысячи заявлений от поместных общин, посланные в органы власти для регистрации. Но, к сожалению, почти все просьбы оказались не удовлетворенными. А почему? В форме № 1, пункт 4, написано следующее: «С «Законодательством о религиозных культах» ознакомлен и обязуюсь его исполнять». Верующие не могут этого подписать, потому что «Законодательство» идет против совести, Библии и Конституции страны. Вследствие этого — отказ в регистрации. А не зарегистрированные общины объявляются незаконными и попадают в графу преследуемых. Нет защиты со стороны власти, а также со стороны Всемирного Совета Евангельских Христиан Баптистов, так как он объединяет только зарегистрированные общины.

В 1968 году вышел мартовский указ: за незаконное проведение богослужений налагается денежный штраф в размере до 50 руб. и лишение свободы до 5 лет. Денежные штрафы достигли бесчеловечных размеров.

Например, в городе Пермь старец 79 лет Г. П. Окунев с 1969 г. по 1974 г. был оштрафован на сумму 1225 руб. У А. Газова, пенсионера, инвалида I группы — удержано из пенсии 150 руб. С. П. Пирожков — уплатил штраф 450 руб., П. Г. Санычев — 250 руб. В Магнитогорске 34 человека (из них 21 пенсионер) оштрафованы на сумму 2355 руб. В селе Миролюбовка (Омская обл.), где я вырос, оштрафован пресвитер на 100 руб. сразу, а у него семья из 11 человек.

Таких случаев — тысячи. Общая сумма штра-

фов превышает миллион рублей, и это только тех штрафов, об уплате которых выданы квитанции, а еще больше взято государством денег без выдачи квитанций — просто удержаны на работе, и всё.

2. А если говорить о бесчисленных разгонах богослужебных собраний, то на это не хватит и времени. Органы милиции, КГБ, дружинники вытаскивали женщин на улицу за волосы, обливали из пожарных шлангов водою, увозили в открытых машинах на 30 км за пределы города и там высаживали — добирайтесь домой, как хотите. Нет слов, чтобы рассказать обо всех тех беззакониях, которые продолжаются и поныне.

3. В связи с тем, что сотни молитвенных домов и церквей разрушены, а строить их разрешается очень редко, верующие вынуждены собираться в частных домах. Например, в Омской области — 2 зарегистрированных молитвенных дома и более 60 не зарегистрированных домов, там собираются по частным домам. Многие такие дома были отобраны и снесены бульдозерами — в Барнауле, Новосибирске, Алма-Ате, Фрунзе, Кишиневе, Туле и в других городах и селах.

4. За последние 14 лет проведено около 800 судебных процессов, и многие служители отбывают четвертый раз срок в тюрьмах и лагерях общего и строгого режима. Очень ясно и правдиво описывает лагерную жизнь заключенных Александр Солженицын в своей книге «Архипелаг ГУЛаг». Страдания христиан в Советском Союзе — почти невыносимы.

Служителя Церкви Георгия Петровича Винса осудили на 10 лет, 5 лет тюрьмы и 5 лет ссылки.

В настоящее время он находится в Якутии. Он вторично осужден за несоблюдение «Законодательства о религиозных культах». Мы уже знакомы с этим незаконным документом: доколе не отменят «Законодательство о религиозных культах», до тех пор не будет гарантии религиозной свободы в России. Все нормы прав человека нарушаются именно этим беззаконием. Конституция СССР несовместима с «Законодательством о религиозных культах».

5. Очень тяжелый вопрос — вопрос о детях. 6 июля 1973 года вышла новая статья 52 Кодекса о браке и семье: «В соответствии со статьей 52 Кодекса о браке и семье РСФСР родители должны воспитывать своих детей в духе морального кодекса строителя коммунизма. Нач. отдела по надзору, старший советник юстиции Бурдин. 6.7.1973 год.»

На основании этого закона верующих лишают родительских прав, по суду отбирают детей. Такие случаи были, например, в Перми. У Родыгиной отобрали троих детей. В Белоруссии — семья Слобода — отобрали пять детей. В городе Сакак осуждены Романович и Здоров — лишены родительских прав. В этих действиях проявляется бесчеловечность власти, но Бог видит слезы вдов и сирот — придет время, и кто-то ответит за все это.

6. В ряде случаев атеисты во главе с работниками КГБ даже зверски убивали верующих.

9 января 1964 года замучен Николай Хмара из Кулунды, у него вырвали язык.

16 июля 1972 года был замучен пытками и утоплен в море в городе Керчь Иван Моисеев.

В феврале 1974 года за верность в служении

был повешен Иван Остапенко из села Шевченко.

Дорогие слушатели!

Вспомним историю Иосифа: когда он был в тюрьме, то он просил виночерпия фараона, идущего на свободу: «Вспомни же меня, когда хорошо тебе будет и сделай мне благодеяние, и упомяни обо мне фараону, и выведи меня из этого дома» (Бытие, 40: 14).

Там, в России, наши братья и сестры гонимы за веру в Евангелие, и наш долг — помнить о них.

От имени многочисленных христиан мы просим правительство СССР отменить «Законодательство о религиозных культах», как не соответствующее закону, и дать верующим свободу на основании Конституции СССР и Декларации прав человека.

Вопросы членов жюри и ответы свидетеля Герхарда Гамма

Вопрос. Когда просматриваешь законодательные положения, которые вы нам представили, то видишь, что действительно осуществление этих правил привело бы, вероятно, к нарушению религиозных прав человека. Мне хотелось бы лучше понять содержание этих законов. Так, в пункте 17(в) говорится, что верующие не вправе устраивать молитвенные собрания. По прочтении всего текста возникает вопрос: чем же могут заниматься эти общества вообще, что-нибудь разрешается или нет? Все же кое-что, наверно,

дозволяется, иначе не было бы закона о религиозных обществах. Что же разрешается согласно этому закону? Официально ли существует такой закон или же просто такова практика?

Ответ. Нам, как христианам, Библия разрешает делать всё, что во имя человека и для славы Бога. Что же касается закона, то «Законодательство о религиозных культах» в силе и поныне. На процессе Г. П. Винса было сказано: вас судят не за религиозные убеждения, а за нарушение «Законодательства о культах». Но поскольку в Конституции все же провозглашена «свобода совести», то вопреки этому «Законодательству» кое-что допускается. Есть и общины, где богослужения проводятся открыто. Кто был в Москве, тот знает, что там есть дом Евангельских христиан баптистов, в нем проводятся прекрасные богослужения, и если западные туристы приезжают, то у них остается наилучшее впечатление от свободы в СССР. А что делается за пределами этого, вы не увидите. Чтобы это увидеть, надо жить там. Кое-что разрешается, но судебные процессы проводятся именно на основании этого «Законодательства о религиозных культах».

Вопрос. По Кодексу о браке и семье родители должны воспитывать детей в духе морали строителей коммунизма. Одновременно с этим детей разрешается приводить в церковь на обычные службы. Но если дома не разрешается говорить детям о Боге и о том, почему и зачем их приводят в церковь, то ведь это нелогично... Разъясните, пожалуйста, нам это.

Ответ. Воспитание детей всегда было очень важным и трудным вопросом, особенно в усло-

виях диктатуры государства, распространяющейся и на воспитание детей. Но мы, как христиане, берем в основу учение Иисуса Христа, где сказано: «приведите детей». Вот мы их и приводим на собрания верующих. В Деяниях апостолов написано: мы должны Бога слушать больше, нежели людей. Поэтому всё то, что атеисты предписывают христианам, христиане выполнять не могут: это две разные силы. И тем верующим, которые имеют детей, приходится очень трудно.

Для того же, чтобы получить ясный ответ, почему один закон гласит так, а другой иначе, одно делается, а другое не делается, самое лучшее — послать запрос в Советский Союз, чтобы власти ответили, почему у них это так.

Вопрос. Здесь поднята очень важная проблема — о равенстве прав для всех граждан СССР. Нам говорили, что для продвижения в советском обществе очень важно быть близким к компартии. Могут ли дети религиозных родителей, те, которые ходят на службы, быть пионерами, затем стать комсомольцами, а потом — членами партии?

Ответ. Есть много разных случаев. В некоторых случаях дети, которые понимают этот вопрос здраво, сами не хотят продвигаться такой ценой. Учителя же в школах говорят: ты не можешь надеть красный галстук, потому что ты верующий. С одной стороны, родители и дети этого не желают, на основании своих убеждений, а с другой стороны, учителя этого не допускают. Трудности бывают так и так.

Вопрос. Но возможно ли это юридически?

Ответ. Не знаю, можно ли это юридически,

но знаю, что в партию не принимают верующих. Есть некоторые христиане, которые подстраиваются для того, чтобы быть угодными и Богу и атеистам, но для искренно верующих это невозможно.

Вопрос. Может ли государство, не будучи религиозным, проводить дифференциацию между религиозными группами, которые не признаются, и дискриминировать их?

Ответ. Во время этой войны православная церковь установила определенные отношения с государственным аппаратом, поэтому она как-то официально представлена. А, например, положение баптистов или представителей других сект таково, что их притесняют гораздо больше. Есть некоторые большие группы, которые юридически вообще не признаются. Например, пятидесятники. Некоторые группы рассматриваются как антисоветские, например, церковь униатов на Украине. Притеснялась, например, литовская католическая церковь.

Вопрос. Правильно ли я понял, что кроме проведения общих служб не разрешается никакая другая дополнительная деятельность? Может ли, например, собраться группа женщин или детей, чтобы проводить свои собственные службы?

Ответ. Нет, дети и женщины должны участвовать в общих службах, в отправлении общего культа.

Вопрос. Призывы со стороны церковных общин в адрес Запада привели к ухудшению или к улучшению положения дел в России?

Ответ. Мы не должны забывать о практических беззакониях в России и многочисленных гонениях, которым несть числа и донныне. Вот

есть маленькое, короткое письмо «Слушанию Сахарова» от семьи Винса, они очень благодарят за ходатайство и просят на этом «Слушании» поднять вопрос об их семье. Я хотел бы просить, чтобы вы вмешались в дела этой семьи — она обречена на уничтожение. Хуже всего для России будет, если Запад будет молчать.

ГАММ Герхард, род. 7 сентября 1923 года на Урале в многолетней (20 детей) верующей немецкой семье. Отец, Абрам Гамм, после ареста в 1937 г. домой уже больше не вернулся.

В 1931 г. семья переехала в Сибирь, так как отец находился в тюрьме. Г. Гамм окончил 5 классов школы, затем работал в колхозе.

В 1942 г. Г. Гамм был арестован (из-за его немецкой национальности) и сослан на Крайний Север, в Воркуту. Там он прожил 25 лет: 5 лет — за колючей проволокой, 10 лет — под надзором комендатуры, а остальное время — на свободе. Последнее время (перед выездом из СССР) жил в Латвии.

Как верующий человек, Г. Гамм посещал собрания верующих в различных городах Советского Союза, совершил много поездок по России, что дало ему возможность ознакомиться с жизнью многострадального народа, увидеть и испытать самому те гонения, которым подвергаются верующие в СССР.

23 апреля 1974 г. Г. Гамм выехал из СССР в ФРГ.

Давид Классен

О преследовании баптистов в СССР

Дорогие друзья и уважаемые господа!

Разрешите мне, как члену многочисленного и многострадального братства России, приветствовать вас.

Разрешите мне также выразить благодарность моему Творцу и Спасителю, что я по приглашению Комитета беженцев из стран Восточной Европы имею возможность выступить в качестве свидетеля, расска-

зать о положении христианства в России. И если мне позволено что-то сказать о гонимой Церкви в России, то никак не иначе, чем по повелению последних слов, изреченных Иисусом Христом на Елеонской горе в день Вознесения, которые гласят: «...Вы будете Мне свидетелями в Иерусалиме и во всей Иудее и Самарии и даже до края земли» (Деян., 1, 8). Было время, что свидетельство мое, как и многих моих братьев и сестер, провозглашалось в тюремных камерах среди преступного мира, в следственных кабинетах

тах и судебных залах, в психиатрических клиниках и дальних лагерях и ссылках. Теперь же нам было позволено свидетельствовать в Иерусалиме и в Самарии и Иудее, в далекой Африке, США, Англии и Франции, Голландии и Бельгии, Финляндии и Австрии, Швейцарии и Швеции, в Риме и в Берлине и в разных странах мира, до края земли.

Но прежде чем рассказать о тяжелых страданиях русского христианства, позвольте мне сказать о своем чувстве любви и признательности к моей Родине. Родина для меня — не то государство, где я чувствую себя свободно и где меня окружает ласка и любовь. Родиной для меня навсегда останется тот клочок земли, где я родился, где стояла моя колыбель, — даже если меня там ненавидят и гонят. И подобно тому, как дикий зверь оставляет свою берлогу, наслаждаясь природой, но возвращается в нее, когда приходит ему время умереть, так и я хотел бы, чтобы там, где стояла когда-то моя колыбель, был и опущен гроб с моим телом в землю. Но признаваясь в этом, я никак не могу оправдать те гнусные мерзости, коварный провокационный произвол, лукавый обман и ужасное насилие, под гнетом которого стонет русское братство. Никогда я не предполагал, что в России, где в детстве я от всей души пел: «...страна моя, Москва моя, ты самая любимая...» — проглотят меня толстые тюремные застенки, что я окажусь словно во чреве железобетонного кита. Никогда я не думал, что столько раз мною петые слова: «Я другой такой страны не знаю, где так вольно дышит человек», — будут в моей жизни совершенно противоположны действительности;

что те офицеры, которые меня, четырнадцатилетнего мальчишку, обучали в военном кружке пользоваться противогазом, перевязывать раны и спасать людей, те же офицеры будут травить нас газом, как это было 22 января 1972 года в п/я 243/2-2 Коми АССР. Кто бы подумал, после изучения «самой демократической» Конституции, что следователь скажет: «Я тебя отправлю к белым медведям, туда, куда Макар телят не гонял», а начальник лагеря скажет: «Учтите, здесь, на севере, закон — тайга, хозяин — медведь, если мой петух зимой босиком ходит, то чем вы лучше его»...

У меня в ушах еще до сих пор звенит угрожающий голос, произносящий предупреждение более чем четыремстам делегатам 17 мая 1966 года у парадных дверей правительственного здания председателя КГБ Семичастного. Более четырехсот делегатов слышали угрозу, произнесенную министром внутренних дел Щелоковым: «Я отдам приказ и натравлю на вас московскую милицию и дружинников». Страшно было смотреть, как правительственные войска, кремлевская милиция, дружинники и чекисты избивали людей до потери сознания и, окровавленных, кидали в машины.

Страшно было смотреть, когда при совершении двух христианских браков в марте 1974 года в городе Фрунзе внезапно ворвались милиционеры, работники КГБ и солдаты внутренних войск, выкручивали и ломали людям руки, разгоняли христиан.

На Украине, в Луганской области, директор школы вооружил пионеров и комсомольцев пилами и топорами и совершил налет на молитвен-

ный дом Евангельских христиан баптистов. Натравленные пионеры с красными галстуками и комсомольцы с комсомольскими значками первым делом залезли в подвал, вынесли оттуда заготовленные банки с вареньем и разбили их о внутренние стены молитвенного дома, делая этим «художественные росписи». Но это не всё. Мне известно, что фашисты во время второй мировой войны истребляли сады и уничтожали деревья, используя их для маскировки. Но кто сегодня ответит нам за действия, совершенные по инициативе директора школы, когда после позорного погрома еще вдобавок истребили плодоносный фруктовый сад? Что сказал бы Ленин, в свое время, о таких действиях? Неужели это ленинский курс? О таких гнусных актах сказано в Библии (Екклесиаст, 3 глава, 1 и 2 стих): «Все-му свое время... время насаждать, и время вырывать насаженное».

Я очевидец печального погрома скворечников, совершенного пионерами 36-й школы города Караганды, в пасхальную ночь, в юбилейном году — столетия Ленина.

В Алтайском крае местные органы приняли решение репрессировать верующих тем, что им не дали возможности покупать корм для скота.

Итак, в Советском Союзе не только христианин страдает, но и все его наследие, невинные дети, скот и птицы, и даже растительный мир.

Советские «гуманисты» способны безжалостно отрывать детей от матери, носившей их под сердцем, насильственно разрывать и органическую, и физическую, и духовную связь детей с родителями — лишь потому, что дети воспитываются в евангельском духе.

На 45-м километре от Караганды, в направлении города Шахтинск, на левой стороне дороги шахтерского поселка Придолинки есть детская могила, где похоронен прах юной христианки Елены Классен. После исчезновения девочки, советская пресса, грязно клеветая, осмелилась клеймить верующих как «жертвоприносителей». Наш Бог, Которому мы излагали эту скорбь в молитве, наш Бог, про Которого сказано: «Он выведет, как свет, правду твою, и справедливость твою, как полдень» (Пс. 36:6), услышал наши молитвы и исполнил Свое обетование. Настал день и настал час, когда изнасилованная, потом задушенная петлею, утопленная в озере и, чтобы не всплыла, придавленная железобетонной плитой девочка, от трупа которой остались только кости и волосы, была вытащена, и воссияли солнечные лучи истины: убийцами были не баптисты, а — коммунист, начальник связи поселка Придолинки.

Подобная провокация была совершена и в городе Джекказгане Карагандинской области. Две малолетние девочки были зверски изнасилованы, в их головы было забито множество плотницких гвоздей, и трупы их были подброшены к порогу молитвенного дома, из-за чего органы власти молитвенный дом закрыли.

Советское государство — самое громадное в мире, простирающееся от восхода солнца у Тихого океана, до заката его у Балтийского моря, и от Тянь-шаньского хребта до Северного Ледовитого океана, и невозможно за 10-15 минут рассказать обо всем, что в нем делается. Русская земля обогрета кровью наших отцов и сыновей, орошена слезами наших матерей и дочерей. Ты-

сячи христиан похоронены на дне Беломорканала, под железнодорожными шпалами, в пустынях, в смертной долине Колымы, в горах Урала и в болотистой тундре Воркуты. Тысячи жен в годы ежовщины стали вдовами, и миллионы детей были обречены на сиротскую участь. Русское братство в кандалах и наручниках, «черным вороном» и «столыпиным», в трюмах океанских кораблей и на самолетах этапировали в самые отдаленные и суровые места. От Среднеазиатской пустыни, где 50-60° жары, до холодной Якутии, где свирепствуют 60-70-градусные морозы, — всюду страдают наши братья и сестры. Тюремная жизнь в Советском Союзе стала до того обыкновенным делом, что появилась даже поговорка: «Кто не сидел, тот не человек». Мне приходилось встречаться в тюрьмах и лагерях с разными верующими, от безграмотного ненца с далекого севера, не знающего ни одной буквы, до кардинала папы римского, Иосифа Слипого. Только в одной экспериментальной зоне п/я 385/1, расположенной 450 км юго-восточнее Москвы, содержались люди более сорока вероисповеданий.

Если сложить сроки, проведенные христианами в тюрьмах и лагерях за время существования советской власти, то сумма их исчисляется тысячелетиями. Если подытожить убытки в материальных благах, нанесенные конфискациями и штрафами, то сумма их исчисляется миллиардами рублей. Только на Украине в течение 1959-1961 гг. закрыли более семисот молитвенных домов. В Новосибирске одну церковь превратили в танковое училище, другую — в угольный склад, и две сломали. Союз воинствующих безбожников

в борьбе против христианства применяет тактику Троянской войны, провокации, национальные и расовые распри. Что Н. В. Одинцова растерзали собаки, Осипенко задушили, Моисеева утопили, Хмару замучили — нас не удивляет: красный террор при социализме всегда был немалым.

В заключение мне хочется отметить, что обо всем этом вы имеете лишь бледное и смутное представление — о гонимом братстве России. Я благодарю вас, что вы меня выслушали, и если имеются вопросы, я готов в силу своих возможностей ответить. Теперь же я обращаюсь ко всем присутствующим на «Международном Слушании Сахарова»: в знак солидарности и сочувствия многострадальному русскому народу — встанем и благоговейно, с поникшей головою, посвятим ему минуту молчания.

Я благодарю вас, пусть Господь вам воздаст.

Вопросы членов жюри и ответы свидетеля Давида Классена

Вопрос. Правда ли, что начальники лагерей имели полную возможность мучить людей, не боясь никакой ответственности?

Ответ. В лагерях, находящихся около больших городов, — такого произвола нет, но в лагерях, расположенных начиная от Котласа и дальше на север, а также в Восточной Сибири, говорят: здесь советской власти нет. За написание жалобы заключенных отправляли в психиатрическую больницу г. Ухты. Очень редко случа-

лось, чтобы начальника лагеря наказывали за несправедливость по отношению к заключенным. Я такой случай знаю только один: в Тайшете, зона 601. Мать, брат и жена приехали к одному грузину на свидание, за несколько тысяч километров, а ему начальник лагеря свидания не дал. Родные вынуждены были уехать обратно, на Кавказ. И только благодаря тому, что огромное число кавказцев подписали жалобу — из-за такой реакции населения — высшей инстанции в Москве пришлось снять начальника лагеря.

Вопрос. Советские власти уверяют, что Библия в стране издается; так, в прошлом году в СССР были выпущены новые Библии. Как эти Библии распределяются? только ли среди христиан или также и среди противников христианства?

Ответ. Библии в СССР печатаются только для того, чтобы оправдаться перед Западом. Часть этих Библий — за большие деньги — попадает верующим, потом их отбирают органы КГБ. Случалось, что эти отобранные у нас Библии, с написанными на них нашими именами, потом еще раз продавались верующим... создавался такой круговорот.

Вопрос. Расскажите, пожалуйста, о Комитете родственников заключенных.

Ответ. В 1961 году особенно поднялась волна преследований в СССР. В начале, когда многие служители были посажены в тюрьмы и лагеря, те, кто был общеизвестен, получали посылки и помощь от пожертвований поместных и окружающих церквей. Но поскольку в заключении находились и такие лица, которые не были общеизвестны, но точно так же страдали за Христа, чтобы не делать разницы между пресвитером и

рядовым членом церкви, был создан Комитет родственников узников, для того, чтобы распределять помощь поровну. И таким образом, если арестован рядовой член церкви, у которого на руках было пять детей и жена, и пресвитер какой-либо церкви, который тоже имел пятерых детей и жену, то они получали как деньги, так и другую материальную поддержку поровну. Для этого и был создан Комитет родственников узников.

Вопрос. Известно ли вам что-нибудь о публичных судах против надзирателей лагерей за то, что они истязали заключенных?

Ответ. Вам, наверно, известен случай с Николаем Кузьмичом Хмарой. Есть русская поговорка: ворон ворону глаз не выклюнет. И только тогда, когда международная пресса и Международный Красный Крест подняли этот вопрос, — для вида, в какой-то мере были юридически наказаны пытавшие Н. К. Хмару раскаленным железом и вырвавшие ему язык. Эти факты нельзя отрицать.

КЛАССЕН Давид, род. 14 апреля 1927 г. в деревне Владимировка, Хортицкого р-на, Запорожской обл. По происхождению немец; был воспитан своими родителями-христианами в евангельском духе. В 1938 г. лишился отца, деда и многих родственников, арестованных и объявленных «врагами народа».

18 августа 1941 г. Запорожье было оккупировано немцами; с 1943 г. Д. Классен находился в Польше. В феврале 1945 г., когда советские войска оккупировали Польшу, Д. Классен был арестован и брошен в Александровскую тюрьму. В 1946 г. из сборного пункта советских граждан в г. Торн Д. Классена отправили в Сибирь. В 1956 г. его реабили-

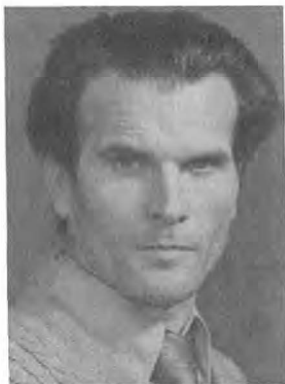
ровали. В 1957 г. в Новосибирске Евангельские христиане баптисты избрали его своим пресвитером. За проведение церковных служб и исполнение обрядов (крещение, хлебопреломление, бракосочетания, праздник жатвы и др.) Д. Классена четыре раза арестовывали и приговаривали к различным срокам лишения свободы. В общей сложности он провел в тюрьмах, лагерях и застенках психиатрических клиник около десяти лет. После того как 27 октября 1973 г. его освободили из п/я 243/1 Коми АССР, его взяли на особый учет — сочтя «особо опасным элементом».

31 мая 1974 г. Д. Классен и его семья выехали из СССР на постоянное жительство в ФРГ.

Евгений Бресенден

Гонения в СССР на христиан веры евангельской — пятидесятников

История гонений

1) Пятидесятничество в СССР широко распространилось с 1924 года, когда в Одессу из Америки приехал проповедник Иван Ефимович Воронаев, который впоследствии возглавил Союз евангельских христиан пятидесятников. Организовалась большая сеть общин в Центральной России, на Украине и в Средней Азии. Начал издаваться журнал «Евангелист». Пятидесятничество стало распространяться в Сибири и на Дальнем Востоке. В 1928 году Воронаев был арестован, помещен в тюрьму; во время его прогулки во двор была впущена стая сторожевых собак, искусавших Воронаева так, что он умер в камере от причиненных ими травм. Родственникам и друзьям сообщили, что на Воронаева были спущены собаки при попытке бегства. Ближайшие сотрудники Воронаева были посажены в

тюрьму, а некоторые пошли на сотрудничество с властями и вошли в союз с христианами евангельской веры — баптистами, в официальный союз, от которого впоследствии большая часть искренне верующих баптистов отделилась в Инициативную группу. На этом закончилась свобода Союза евангельских христиан пятидесятников. Журнал прекратил существование. Руководители общин пятидесятников в Средней Азии, на Украине, в Центральной России были арестованы и часть их была расстреляна, а часть — осуждена на 10 лет.

2) Большая часть не вернулась, погибли в лагерях. В дальнейшем движение пятидесятников возглавил Бидаш, который неоднократно арестовывался на разные сроки тюремного заключения и домашнего ареста (под которым он находится и в настоящее время). Вторая волна арестов прошла в 1939 г. Вновь, по прежнему методу, были арестованы руководители общин, проповедники, большинство из них расстреляли. (В городе Свободный, Амурской области, арестовали пресвитера общины Райлян Афанасия Георгиевича и трех его родных братьев. Всех приговорили к расстрелу. Его братьев расстреляли сразу, а его после 72 суток пребывания в смертной камере перевели в лагерь, заменив смертную казнь на 10 лет заключения.) Эта же пропорция сохранилась и в других городах. В 1941 году были арестованы не только пресвитеры общин и проповедники, но и рядовые члены церкви, мужчины призывного возраста от 18 до 50 лет; те, кто на основании религиозных убеждений не пошли в армию, были либо расстреляны (Николай Арбузов, г. Свободный, Амурская область), либо

посажены в лагеря на 10 лет (отец Н. Арбузова, Тихон Арбузов). Я привожу свидетельство Александры Арбузовой, матери расстрелянного Николая. То же самое было и в других городах.

В 1946 г. по личной инициативе Сталина, была попытка произвести объединение Евангельских христиан-баптистов и христиан веры евангельской пятидесятников. Было выработано так называемое августовское соглашение, по которому руководство и деятельность общин пятидесятников должны были осуществляться с уважением к правам пятидесятников. Но это соглашение было нарушено как со стороны власти, так и со стороны старших пресвитеров Всесоюзного Совета Евангельских христиан баптистов. Представители пятидесятников выразили свое неодобрение и несогласие на подобные действия. В связи с этим несогласием власти санкционировали арест Бидаша, Белых, Левчука и многих других руководителей так называемого «подпольного» Союза пятидесятников. А уже в 1949 году по всей стране пошли аресты большей части общин — женщин, мужчин, девушек, юношей. Доходило до того, что в суд несли на носилках 80-летних старушек и стариков (город Барнаул). Судили как «американских шпионов», приговаривали к срокам от 10 до 25 лет. «Шпионаж» объясняли тем, что проповедник пятидесятников И. Е. Воронаев приехал из Америки, а значит все, исповедующие религию пятидесятников, — американские шпионы.

В 1961 г., после лозунга Хрущева «смерть религии», руководителей общин и проповедников вновь судили за «руководство сектой, обряды которой причиняют вред здоровью граждан»

(ст. 227). А вред объясняют тем, что помещения слишком тесны для такого количества людей, что в них душно и они плохо освещены. Но ведь это вина не проповедников, а уполномоченных по делам религии при Совете Министров СССР, то есть вина правительства СССР, которое не желает обеспечить свободное (в нормальных условиях) проведение богослужebных собраний. Осужденные по этой статье (227) приговаривались на срок 5 лет тюремного режима, или исправительно-трудовых лагерей, и 5 лет высылки.

Среди современных христиан-пятидесятников очень редко можно встретить очевидца воронаевской общины, хотя по возрасту среди них такие люди сейчас еще есть. Большинство из этих очевидцев либо расстреляны, либо погибли в лагерях, которые Солженицын справедливо назвал не исправительно-трудовыми, а истребительно-трудовыми. И те немногие, которые остались живы (но стали инвалидами), отсидели самое меньшее по 10 лет. А некоторые — 19 лет (например, Афанасий Георгиевич Райлян, г. Находка).

Я не могу назвать точной цифры погибших. Но я могу привести слова уполномоченного по делам религии при Совете Министров СССР по Приморскому краю, А. Шландакова, сказавшего 19 апреля 1974 г.: «Советская власть сильна, она не боится мирового общественного мнения. Тысячи вас костями пали и, если нужно будет, еще тысячи костями падут». Мы вполне верим ему, что так было, но мы не хотим, чтобы это было и впредь.

Я еще хочу сказать о так называемых одиноч-

ных судах. Наше вероисповедание запрещает убивать кого бы то ни было, мстить за себя, произносить клятву. Но в советском законе нет права на религиозные убеждения, и верующий против совести все равно должен выполнять закон о всеобщей воинской повинности, идти в армию, клясться, что он будет мстить врагам, что он будет с оружием в руках до последней капли крови защищать страну, т. е. убивать других. И как только молодому человеку из семьи пятидесятников исполняется 18 лет, перед ним встает вопрос: поступить по совести (будут судить, дадут 3, 5, 7 лет — на усмотрение суда) или поступить против совести и пойти в армию. И этот закон о всеобщей воинской повинности может быть применен даже если верующий христианин по состоянию здоровья просто негоден для военной службы, как было со мной. Или если он вышел из призывного возраста, как сейчас привлекают к ответственности епископа Григория Ващенко в г. Находка. Или если у него уважительные семейные обстоятельства (Даниил Григорьевич Ващенко, г. Находка). В *любой момент* неугодного властям проповедника могут вызвать в военкомат и предложить пойти служить в армию на основании закона о всеобщей воинской повинности. Суд не примет во внимание ни возраста, ни семейных обстоятельств, ни здоровья призывника, но обязательно примет во внимание его религиозную активность и соответственно вынесет приговор: меньше активности — меньше срок, больше активности — больше срок. Так что в любой момент нас могут привлечь к уголовной ответственности и вопрос только в том, сейчас посадят или чуть-чуть по-

позднее, а могут и играть этой угрозой годами, как кошка с мышкой. Как это и было со мною.

Метод гонений

Отсутствие реального закона о свободе совести. (Раз закон не разрешает свободу совести, то мы — вне закона, преступники.)

Отсутствие права на образование.

Отсутствие права на труд, отдых, туризм.

Лишение права переписки, тайны переписки.

Лишение права передвижения даже в своей стране.

Расстрелы (до 1941 г.) Тюремное заключение.

Психиатрические больницы.

Ссылки.

Лишение родительских прав, отобрание детей.

Штрафы. Увольнение с работы. Принудительные работы.

Запрещение устраивать мирные молитвенные собрания.

Запрещение заниматься благотворительной деятельностью.

Запрещение воспитывать детей в религиозном духе, обучать и обучаться религии.

Запрещение объединяться в союз.

До сих пор в местах заключения есть христиане-пятидесятники. Очень тяжело отражается на нас отсутствие поддержки мирового общественного мнения.

Прокурор города Находка Бохан сказал мне: «Плевали мы на мировое общественное мнение и на международные законы о правах челове-

ка, у нас есть инструкции, и эти инструкции мы претворяем в жизнь».

Последствия гонений

В связи с религиозной нетерпимостью в СССР подавляющее большинство христиан-пятидесятников ждет возможности покинуть страну и эмигрировать в любую некоммунистическую страну, желательно в Израиль. По библейским и евангельским сказаниям, после нынешних неурядиц должен установиться мир и должна водвориться всякая правда и справедливость, и начало всему этому должно быть в Израиле. Поэтому мы согласны сейчас пережить вместе с народом Израиля всякие трудности.

Вопросы членов жюри и ответы свидетеля Евгения Бресендена

Вопрос. Сколько пятидесятников пожелали эмигрировать из СССР? Какую помощь вы хотите получить от Запада?

Ответ. В настоящее время пятидесятников около 200 тысяч, более точные данные находятся в КГБ... Я ездил по городам Советского Союза, с востока до запада. Все руководители пятидесятнического движения очень просили меня не забыть про них в вопросе об эмиграции. Но из-за репрессий со стороны властей добиваться права на эмиграцию сейчас очень сложно. Однако и в этих условиях нашлись люди, 208 человек, не побоявшиеся гонений в связи с желанием эмигриро-

вать и подавшие в Президиум Верховного Совета СССР официальное заявление об отказе от гражданства и с просьбой разрешить им эмиграцию из СССР.

Чем может помочь мировое общественное мнение? Я хочу привести один пример. Община пятидесятников г. Черногорска до 1961 года притеснялась особенно жестоко — в связи с тем, что в других местах СССР удалось значительно приглушить движение, оно ушло в подполье, — а черногорцы никак не хотели с этим согласиться. Применяли слезоточивый газ — на собраниях, чтобы прекратить богослужение, — дружинники вытаскивали людей из молитвенного дома, поливали холодной водой и в зимнее и в летнее время, увозили (на автобусах) за город и оставляли через километр по человеку, чтобы люди не могли вовремя вернуться на собрание... Жестоко притесняли на работе, налагали многочисленные штрафы. Но всё это — мелочи... В 1961 году арестовали 18 человек из черногорской церкви, по обвинению по статье 227, и посадили в лагерь. А одного из руководителей общины, Ващенко, осудили, даже вопреки закону, 227-й статье, на 2 года закрытого тюремного режима, 3 года лагерей и 5 лет ссылки. И вот за эти два года закрытого тюремного режима он настолько похудел, что был на грани смерти от истощения, от него остались кожа да кости. Когда жена приехала к нему на свидание, она была просто потрясена. Вернувшись домой, она рассказала об этом членам общины. И для членов общины, и без того потрясенных всем происходящим, этот случай явился кульминационным. 30 человек собрались, поехали в Москву,

прорвались в американское посольство и обо всем этом, обо всех событиях прошедших лет, рассказали американскому консулу. Дело получило огласку, Хрущеву выразили протест миллионы верующих из-за границы. К Ващенко в тюрьму приехали два чиновника КГБ (очевидно, из Москвы) и сказали: простите, были перегибы, больше не повторится, давайте забудем прошлое, скоро мы вас освободим... И в 1964 году, несмотря на то, что Ващенко осудили на 10 лет, его освободили, инсценировав досрочный суд. По всей стране освободили пятидесятников и из других городов, они сидели в заключении и ничего не знали об этом инциденте. И освободили не только верующих-пятидесятников, руководителей и проповедников, но даже и баптистов. И с тех пор больше чем к пяти годам никого не приговаривают.

Вопрос. В 1946 году по личной инициативе Сталина была предпринята попытка объединить пятидесятников и баптистов в одну организацию. Каковы причины этой личной заинтересованности Сталина?

Ответ. На Ялтинской встрече Рузвельта и Сталина был высказан упрек, что в СССР религия очень притесняется. Сразу после этого началась либерализация в отношении властей к религии, в том числе и по отношению к пятидесятникам. Но так как пятидесятники не соглашались уступить властям в вопросе о воинской повинности, то власти попытались зарегистрировать Союз пятидесятников не отдельно, а через официальный Союз баптистов, прикрыться им, как ширмой. Соглашения добились обманном путем. Пятидесятникам было обещано, что их

права будут соблюдены. Причем там, где будет большинство пятидесятников, пресвитер будет из числа пятидесятников. Там же, где будет большинство баптистов, пресвитер будет из баптистов. Но всё это было обманом, условия эти были нарушены, и верующие не согласились с этим. И дело было не в тщеславии, не в споре о том, кому быть руководителем, а в том, чтобы соблюдались права верующих. Руководители баптистских общин запрещали некоторые молитвы пятидесятников, были и еще кое-какие запреты — это нарушало наши права. И когда верующие выразили свое несогласие с нарушением их прав, Бидаш и другие были посажены.

Вопрос. Когда Бидаша посадили под домашний арест?

Ответ. В 1946 году он был осужден на 10 лет. В 1956 году он вышел, и с тех пор постоянно находится под домашним арестом, вплоть до сегодняшнего дня.

Вопрос. Сколько времени можно держать человека под домашним арестом без суда?

Ответ. Мне в последние три года приходилось ездить в Москву для ходатайства о возможности эмигрировать и, кроме того, приходилось встречаться с верующими, которые очень не нравились советской власти, боявшейся, что они смогут договориться между собой о взаимном сотрудничестве. Чтобы это предотвратить, власти повесили во Владивостокском аэропорту мою фотографию — «разыскивается опасный преступник». Иначе говоря, в любое время меня могли снять с самолета, обыскать... — что и делали в Красноярске... Точно так же вывесили и фотографию Ващенко: его во Владивостокском

аэропорту в полном смысле слова арестовали, тоже сняли с самолета, обыскали, ничего не нашли и отпустили. И сами милиционеры были очень удивлены: задержали опасного преступника, а КГБ его отпускает... Вот это и значит — негласный домашний арест. Именно под таким негласным домашним арестом находится Бидаш. К нему невозможно приехать (то есть приехать-то вы можете, но либо вас оттуда выдворят, либо все ваши разговоры будут прослушиваться, либо после этого вас вызовут объясняться в КГБ, либо просто к Бидашу не допустят), уж не говоря о том, чтобы он мог сам куда-нибудь поехать... За все эти годы он никуда не ездил.

БРЕСЕНДЕН Евгений, род. в 1941 году в г. Барнауле (Алтайский край) в семье рабочих. Отец, Бресенден Адольф Карпович, — машинист паровоза; мать, Кулабухова Ефросинья Михайловна, — ткачиха. Отец в 1941 г. был взят на фронт, где и погиб.

Мать в 1944 г. уверовала в Бога и в 1949 г. за религиозные убеждения была осуждена на 10 лет лишения свободы, а Е. Бресендена, в возрасте 8 лет, поместили в детский дом. После смерти Сталина, в 1954 г., мать Е. Бресендена была освобождена (но не реабилитирована) и взяла мальчика из детского дома.

В 1957 г. Е. Бресенден уверовал в Бога и принял крещение. В 1962 г. его приговорили к трем годам лишения свободы (за религиозные убеждения). Освободившись в 1965 г., Е. Бресенден сразу включился в активную религиозную деятельность.

Многочисленные гонения, которым подвергались Е. Бре-

сенден и его семья из-за своих религиозных убеждений, вынудили Е. Бресендена ходатайствовать о разрешении на эмиграцию. 11 сентября 1975 г. он вместе с семьей покинул СССР.

*Милиция разгоняет участников богослужения
в г. Барнауле*

**Ущемление законных прав
наций и национальных
меньшинств**

Ионас Юрашас

О преследованиях литовского народа

Пусть сегодня на чашу весов «Международного Слушания академика А. Д. Сахарова», проникнутого духом справедливости и объективности, будут положены свидетельства о преследованиях целого народа. Мои личные показания — только маленькая часть большой горькой правды о десятилетиями продолжающемся угнетении,

оккупации и геноциде целого государства и трехмиллионного народа.

Вот уже 35 лет советский режим всей мощью своего аппарата пропаганды пытается скрыть от мировой совести как факт насильственного захвата прибалтийских государств — Литвы, Латвии и Эстонии, — так и вытекающие из этого последствия: свои попытки террором, силой и коварством сломить волю к свободе и национальной независимости этих народов. Сегодня, выступая здесь и надеясь, что свидетельства выступающих с этой трибуны не будут гласом

вопиющего в пустыне, следует вспомнить, что государственности Литвы, Латвии и Эстонии была вырыта могила уже 23 августа 1939 г., в день тайного договора Риббентропа-Молотова, сговорившихся о разделе сфер влияния. Тем самым был нарушен договор о ненападении, подписанный между Советской Россией и Литвой 28 октября 1926 г. и действительный на бумаге до 1945 года.

Но уже в октябре 1939 г. Москва потребовала ввести в Литву 20.000 своих солдат и установить военные базы якобы в целях своей безопасности.

14 июня 1940 г. следует ультиматум Молотова по поводу сфабрикованного обвинения о пропаже двух советских воинов, с требованием предать суду членов литовского правительства, образовать новое правительство и впустить советские военные подразделения в главнейшие пункты. Москва отвергает предложенные кандидатуры, присылает своего эмиссара Деканозова.

15 июня 1940 г. 12 дивизий (250.000 солдат) переходят границу Литвы.

Деканозов назначает на пост премьера своего ставленника Юстаса Палецкиса, распускает все политические партии, закрывает все газеты, общественные, культурные, религиозные организации. Единственной легальной организацией становится компартия, до сих пор насчитывавшая не более 7000 членов (в большинстве своем — нелитовской национальности).

Выборы в сейм, назначенные на 14 июля, стали для литовцев первым и непревзойденным образцом фарса советских выборов: 9 дней на подготовку, кандидатов выдвигается ровно столь-

ко, сколько мест, а за три дня до этого начинаются массовые аресты и депортации передовых деятелей литовского народа. Главнокомандующим парализованной литовской армии становится гражданин чужой страны (Феликс Балтушис-Жемайтис).

21 июля 1940 г. марионеточный сейм провозглашает Литву «советской социалистической республикой», и второй своей резолюцией обращается к Москве с просьбой о присоединении Литвы к СССР.

Аналогичные акции в те же дни проводятся в Латвии и Эстонии.

В стране поднимается спонтанная волна сопротивления, — распространяются прокламации, призывающие к бойкоту выборов, и т. д. В ходе борьбы, партизанского движения были захвачены документы НКВД, которые свидетельствуют о всенародном сопротивлении*.

Создается Фронт Литовских Активистов (ЛАФ), — сила, объединяющая все сопротивление и исходящая из двух университетских центров — Вильнюса и Каунаса.

23 июня 1941 г. начинается всеобщее восстание, — факт, служащий доказательством того, что аннексия Литвы была актом агрессии и насилия над миролюбивым западным соседом со стороны могучей державы. Во время восстания был занят госрадиофон, к стране с возванием обратился вождь 100000 борцов Леонас Прапоуленис. Около 4000 восставших погибло в борьбе за свободу. Временное правительство, возглавляе-

* Материалы эти были представлены комиссии Керстена при Конгрессе США в 1954 г.

мое профессором Амбразевичюсом, продержалось шесть недель.

Беспрецедентным примером борьбы за свою свободу в наш век может служить литовское партизанское движение в послевоенное время: с 1945 года вплоть до 1952 года. Литовцы предполагают, что жертвой в этой неравной гражданской войне стало не менее 30 000 партизан, отдавших свои жизни за будущее своей страны. Три периода партизанской войны в Литве характеризуют ее масштаб и охват:

1) до весны 1946 года — массовое движение вооруженной борьбы, где спонтанно действовали три крупнейшие подпольные организации: «Железный Волк», «Кестутис» и ЛЛА (Литовская Армия Свободы);

2) с 1946 по 1949 гг. — Движение Общего Демократического Сопrotивления;

3) с 1949 по 1952 гг. ЛЛКС (Литовское Движение Борьбы за Свободу).

Литовцы верят, что когда-нибудь Трибунал Истории вынесет свой приговор оккупантам и поименно объявит имена ныне безвестных жертв гражданской войны, изловленных в лесах, расстрелянных в подземельях госбезопасности, преданных лжи, позору и забвению. Хотя 1952 год считается концом активного движения, но до какого времени он затянулся, судить трудно, ибо сам дух сопротивления видоизменился, приобретая новые формы, уходя все глубже в подпочвенные слои народной жизни. В 1956 году советские власти объявляют амнистию, зная, что главная сила движения уничтожена в неравной борьбе, выхолощена путем инфильтрации агентов, провокаторов, предательств, что нация ус-

тала, лишена помощи и надежды. Бессонные ночи и тревожные дни, дымящиеся пожарища лесных боев и разлагающиеся трупы на городских площадях в назидание тем, кто не смирился, — сделали свое дело. Даже прорвавшиеся на Запад послы партизанского движения в 1948 г. не смогли разбудить от шока перед победившей страной Советов оцепеневший Запад. Зачем эта безумная борьба? Да здравствует сильный, да крепнет победивший, лишь бы нас он не трогал!

(В 1970 году в районе Ширвинтай, селе Шешоулиай, органы госбезопасности обнаружили Генрика Кайота, который 26 лет скрывался в самодельном бункере под домом своей матери. Не в джунглях, как тот японский солдат, а в центре Восточной Европы!)

Этот экскурс в недавнее прошлое в моих показаниях возник с единственной целью: засвидетельствовать, как и какой ценой Литва, да и вся Прибалтика, «добровольно» вошла в состав СССР. Если мне позволит время, я попытаюсь хоть немного показать обратную сторону той медали, которую советская пропаганда выставляет миру, пытаюсь убедить левоверную общественность в том, какие блага дал моей стране кровью омытый социализм.

Непосильный труд силами одного свидетеля, да и всего коллектива, если и такой возник бы чудом в нашем расщепленном, разрозненном обществе, в короткий срок собрать в единый список факты преступлений перед целым народом. Они тщательно скрываются, фальсифицируются, а за самые скромные попытки под густым слоем лжи обнаружить крупицу правды людей безжалостно карают. Но, как говорил

русский литературовед А. Белинков, «крот истории роет незаметно». В сегодняшней Литве эту роль «крота истории» взяла на себя католическая Церковь с огромным и непобедимым своим приходом верующих.

В марте этого года исполняется три года с момента появления первого номера литовского Самиздата — «Хроники Литовской Католической Церкви». Это подпольное издание за три года своего существования стало документом предельно объективного отражения современности и выражает дух и умонастроение народа, задавленного жесткими тисками тоталитарного режима. «Хроника» вышла в свет вслед за «Хроникой текущих событий», за набатом правды прозвучавшими книгами А. Солженицына и вместе с ними выражает возрождение веры в торжество правды и справедливости. «Хроника Литовской Католической Церкви» выходит и вопреки усилиям властей руками коллаборационистов дискредитировать ее изнутри. Бесстрастным тоном излагаемые факты представляют надежнейший источник информации о том, как и какими средствами проводится борьба против католической Церкви, как насилуется свобода совести и убеждений, как нарушаются элементарные человеческие права, как свирепствует цензура в печати, ставшей монополией режима, и — в результате всего этого, как осуществляется фактический геноцид литовского народа.

В «Хронике Литовской Католической Церкви» № 15 помещено следующее обращение:

«Советская власть при помощи судебного кодекса и Комитета госбезопасности хочет уничтожить не только «Хронику ЛКЦ», но и Литов-

скую Католическую Церковь. Но мы, литовские католики, полны решимости с Божьей помощью бороться за свои права. Мы еще хотим верить, что советская власть поймет, что она делает большую ошибку, поддерживая атеистов, составляющих меньшинство, а католические массы направляя против себя.

Мы, литовские католики, просим своих братьев в эмиграции и всех друзей Литвы во всем мире информировать широкую общественность и государственных правителей об ущемлении прав человека в Литве».

«Хроника ЛКЦ» публикует письма своих читателей. В одном из них говорится:

«Недавно узнали об аресте доктора биологических наук Сергея Ковалева по делу «Литовской Католической Церкви». Мы, католики Литвы, молим Бога дать этому ученому духовной и физической силы. Миру сегодня жизненно необходима любовь. Христос сказал: «Нет большей любви, как жизнь за друзей отдать». Мы веруем, что жертвы С. Ковалева и других не напрасны.

Мы склоняем голову перед академиком Андреем Сахаровым, борцом за права человека в СССР, а в его лице — перед всеми доброй воли русскими интеллектуалами. Они своей смелостью и жертвенностью заставили нас, литовских католиков, по-новому взглянуть на русский народ. Их жертва нужна всем гонимым советским людям, она нужна и католикам Литвы.

Мы сердечно благодарим великого русского писателя Александра Солженицына за теплые слова в адрес литовцев и за защиту дела Литвы. Тысячи литовцев, особенно бывших узников архипелага ГУЛаг, молят у Всевышнего ему благ».

«Хроника ЛКЦ» постоянно публикует списки преследуемых, лиц, допрашиваемых КГБ не только за религиозные убеждения. Католическая Церковь со своим подпольным печатным органом действительно стала единственным достоверным источником информации. Не случайно с такой отчаянной ненавистью КГБ пытается уничтожить на корню «Хронику ЛКЦ». Волны арестов, повальные обыски, попытки взорвать эту форму сопротивления изнутри руками коллаборантов, драконовские меры наказания за ее распространение, — все идет в ход. К счастью — пока безрезультатно. В чем кроется успех этого дела, трудно понять. Скорее всего — в его правоте и вере.

«Хроника ЛКЦ» собирает сведения из самых отдаленных уголков Литвы и информирует своих читателей о правовых нарушениях со стороны отдельных властей или государственных органов, рассматривая свои права в духе законности, действует строго в соответствии с советским законодательством и Конституцией гарантированными правами.

«Хроника ЛКЦ» смело выступила в защиту ксендзов А. Шешкевичюса, Ю. Здебскиса, П. Бубниса, осужденных на разные сроки за религиозное воспитание детей и их катефизацию. Осужден был в глазах общественности не служитель культа, как этого хотели власти, а беззаконие и произвол гонителей церкви, ибо служители церкви всегда руководствуются в своих поступках законами совести и действуют по просьбе родителей.

В Литве ксендзам не разрешено выполнять свои прямые обязанности: учить детей, катефизировать их, посещать больных и умирающих в

больницах, участвовать в похоронах, — все это строго карается, и фактически Конституцией гарантированная свобода совести сводится почти к подпольной деятельности, а литовский Костел — традиционный оплот национального самосознания — приводится к положению первых христиан, загнанных в катакомбы. Власть имущие не ведают, что в этой стране Вера неискоренима, а насилие только укрепляет ее.

В Литве невозможно поступать в Духовную Семинарию без ведома и согласия компартии и КГБ. Об этом свидетельствует речь на суде по делу № 345 осужденного Виргилиуса Яугелиса. Между прочим, В. Яугелис за свою непреклонную речь на суде, отказ от дачи показаний и за свою твердую веру (хотя он и очень молод) был помещен в лагере общего режима вместе с уголовниками, избившими его до состояния контузии. Он болен, — подозревается рак, — его нужно оперировать, но он не может довериться тюремным врачам. *Из лагеря предупреждают, что В. Яугелис до конца срока — 1976 года — не доживет.*

В Литве не разрешено издавать, печатать и распространять книги, брошюры, газеты религиозного содержания. Несколько официальных изданий смехотворно маленькими тиражами никак не удовлетворили потребностей верующих, а большая часть тиража Священного Писания и молитвенника очутилась на Западе — в целях пропаганды. Верующие, попытавшиеся самостоятельно восполнить этот пробел, были строго наказаны. В 1974 г. в суд было передано дело № 335: за изготовление и распространение молитвенников и религиозной литературы П. Плум-

па-Плюйрас получил 8 лет, П. Петронис — 4 года, В. Яугелис — 2 года, И. Сташайтис — 1 год. (Лично я был свидетелем того, как *увольнялись люди с работы по звонку из КГБ, даже без всяких попыток доказать их вину*, за перефотографирование старого молитвенника.)

В Литве не разрешается ремонтировать старые костелы и строить новые. Многие из давно построенных закрыты, используются под складские помещения, музеи атеизма, дома культуры. (В г. Клайпеде — в результате долголетних усилий верующих — было разрешено построить храм *на средства прихожан*. После того как ценой невероятных усилий костел был построен, его отняли городские власти — за день до освящения — и превратили в филармонический зал. Городское население по сей день бойкотирует это «культурное предприятие».) Действующие приходы облагаются непомерно большими налогами: например, за пользование электричеством берут вдвое бóльшую плату.

В Литве планомерно уничтожаются памятники и национальные реликвии религиозного содержания, даже если они представляют художественный интерес. Вся Литва в прошлом была усеяна резными крестами со скульптурами уникального характера. Из литовской народной скульптуры выросло целое направление в профессиональном пластическом искусстве. Организованные «походы» комсомола смели с лица родной земли творчество целых поколений. Отдельные экземпляры заперты в малодоступных музеях или отданы мародерам на расхищение. Примечательна история Горы Крестов под Шяуляй. Здесь после восстания, подавленного цар-

ским режимом в 1861—1864 гг., казаки загнали в часовню повстанцев и живьем засыпали их землей. С тех пор в течение ста лет люди приносили на образовавшуюся гору могучие красивые кресты, отмечая тем самым и обогранный кровью путь своего народа. Но в середине 1961-го года приехавшие русские солдаты в одну ночь уничтожили несколько тысяч крестов. Приказ об уничтожении исходил от зам. председателя Президиума Верховного Совета т. Диржинскайте-Плющенко. Но каждый раз на место уничтоженных появляются новые кресты, а затем гора оголяется вновь. В этом году проведено третье по счету уничтожение новых крестов.

Последним событием, потрясшим всех, еще не утративших способности откликаться на живое проявление человечности, было самосожжение юноши Ромаса Каланты в Каунасе в 1972 году. События эти лично коснулись и моей судьбы, в сознании каждого они посеяли смятение, или веру, или страх. Похороны Каланты были проведены втайне, но эта жестокость властей, достойная эсхиловского Креонта, послужила поводом для настоящего восстания, в подавлении которого участвовали крупные десантные подразделения регулярной армии, концентрированные силы КГБ, милиция. Все эти силы были брошены против безоружной толпы. Город неделю был отрезан от всего мира и напоминал осажденную крепость. Последовала волна репрессий — тайных, затянувшихся на целые годы, и открытых демонстративных карательных акций (охвативших всю жизнь Литвы, и в особенности — культуру). До сих пор преследуется молодежь, принимавшая участие в мирной де-

монстрации. Так советская власть еще раз продемонстрировала литовскому народу, какие свободы она дала ему, принеся на штыках «солнце сталинской конституции».

В знобющем свете этого солнца следует рассматривать и литовский барак общесоветского ГУЛага. Эдуард Кузнецов в своих «Дневниках» приводит потрясающей силы документ — письмо политзаключенного Л. Симутиса. После этого следуют некоторые сухие цифры: 7 литовцев в их лагере составляет около 6% от всех эзков: тогда как по отношению к 240 миллионам населения СССР литовцы составляют только 1%. Общий срок заключения у этих семерых составляет 182 года — по 26 лет на брата, из них каждый в среднем отсидел по 18 лет. Их средний возраст 46 лет. Все — католики. «Создается впечатление, — пишет Э. Кузнецов, — что по отношению к прибалтам и западным украинцам, — ведь на этих землях Советы наиболее откровенно демонстрировали свою суть, — действует не столько закон беспощадной мести: всяк, не спешащий встать на колени, да сгинет в тюрьме, — сколько закон ненависти к тем, кому причинено наибольшее страдание».

25-летний срок в Литве до сих пор народ называет «литовским сроком».

По сей день в архипелаге огромной страны Советов за нежелание встать на колени перед оккупантами томятся сотни ни в чем неповинных литовских граждан*.

Но и выстрадав свои астрономической длины

* Списки 243 политзаключенных, представленные на «Слушание», отнюдь не полны.

годы, бывшие эки лишены возможности вернуться на свою землю. В январе 1971 года было издано секретное постановление Верховного Совета Лит ССР о том, чтобы не прописывать на территории Литвы отбывших свой срок по ст. 58 и всех тех, кого можно трактовать как «буржуазных националистов», борцов освободительного движения или членов литовского правительства. Все они вынуждены искать место жительства на чужбине. Мне достоверно известны некоторые из множества подобных случаев жгучей несправедливости: Балис Гаяускас, отбывший в лагерях Казахстана и Мордовии весь 25-летний срок (сейчас не может получить прописки в Литве, а следовательно, и легально жить и работать), Повилас Печюлис, Леонас Лауринскас и многие другие, обреченные вечно скитаться, быть преследуемыми КГБ. У людей этой категории изгоев нет и элементарного права эмигрировать. Мне известны случаи, когда только за изъявление такого желания люди тихо и безвестно пропадали в психиатрических лечебницах КГБ. Мой приятель Кестутис Якубинас, отсидевший два срока по 10 лет, без конца преследуемый допросами, обысками, угрозами, попросил права эмигрировать из СССР, но в июле этого года получил немотивированный отказ.

Сейчас КГБ рыщет по Литве в поисках доказательств по делу № 345. Состоялись судебные процессы, на разные сроки лагерного режима осуждены П. Плумпа-Плюйрас, П. Петронис, И. Сташайтис, В. Яугелис, Ю. Гражис, Б. Куликаускас, И. Иванаускас. Поэт Миндаугас Тамонис был насильственно помещен в психобольницу (Вильнюс, ул. Васарос), где он подвергается раз-

рушающим его здоровье экспериментам со стороны палачей в белых халатах.

Дело № 345 ведется уже во всесоюзном масштабе, обыски и допросы проводятся с целью ликвидировать «Хронику Литовской Католической Церкви». Особо возмутительно, что органы КГБ бездоказательно преследуют по этому делу и совершенно непричастных к нему людей: Сергея Ковалева, вот уже полгода допрашиваемого в изоляторе КГБ в г. Вильнюсе, его жену Л. Бойцову, Андрея Твердохлебова, А. Плюсин, Галю Солову, Мальвину Ланд, Ирину Корсунскую и др. Их причастность к делу «Хроники ЛКЦ» недоказана. Лучшее тому свидетельство — факт появления в Литве и на Западе новых номеров «Хроники ЛКЦ» уже после ареста этих людей (на днях вышел в свет 16-й номер). Кроме того, литовские католики убеждены в том, что преследование за выпуск «Хроники ЛКЦ» противозаконно даже по советскому законодательству и Конституции. Ибо «Хроника ЛКЦ» действует в пределах советских законов, не печатает непроверенной информации, защищает право на свободу совести, гарантированную Конституцией.

«Хроника ЛКЦ» оспаривает практикуемую трактовку Закона об отделении церкви от государства и случаи превратно и тенденциозно применяемой ст. 143 УК ЛССР.

В свете этой проблемы, выходящей за рамки закона отдельно взятой страны, показательное открытое письмо инженера В. Вайчюнаса «Закон и совесть верующего», направленное Президиуму Верховного Совета ЛССР, редакциям газет. В письме говорится:

«Верующие Литвы подошли к жизненному пе-

реквестку, где стоят указатели, гласящие: направо — зона действия «законов», налево — христианская совесть. Надо решать, что выбирать. Вникните в трагедию поставленных перед этим выбором наших соотечественников. Боюсь, как бы пришедшие сюда историки не доставили третьего указателя — «могила литовской морали»!

И это не праздный вопрос, ибо эта жгучая нравственная проблема пронизывает все слои жизни общества: плыть по течению в сточной канаве безнравственных законов, навязанных нам насильно, или жить согласно вечным законам Совести, Морали, Добра?

Этот вопрос применим не только к духовной жизни общества, где он наиболее чувствителен, но и к экономической, научной, творческой деятельности, — всюду, где стремление к прогрессу наталкивается на глухую стену косных законов, лжи, несправедливости и насилия.

Лично я тоже был вынужден решать эту дилемму. Находясь на вершине творческого успеха, карьеры и, может быть, мастерства, я понял, что дальше не могу идти на компромисс со своей совестью, ценою «необходимых» уступок, разрушающих саму природу индивидуума, покупать право на крохи подлинного проявления души, жить двойственной жизнью. Даже если это продиктовано высокими идеалами: сохранить убиваемую культуру твоего народа, иногда сквозь потоки лжи прошептать правду, полуправду, четверть правды, постепенно дробящуюся до неразличимых пылинок ложью перемешанной субстанции.

30 лет советской оккупации нанесли литовско-

му народу непоправимый ущерб. Десятки тысяч депортированных, замученных в советских лагерях на «стройках коммунизма»; разрушение традиционного литовского земледельческого хозяйства преступной, насильственной коллективизацией земли; введение неоправданной по своим ресурсам индустриализации, имеющей единственную цель — ассимиляцию в безбрежных просторах советской империи; превращение Литвы в колонию, где подавляются элементарные права человека — свобода информации, передвижения, печати, выборов, совести, и т. д. Вот далеко не полный список, который должен быть предъявлен оккупационным властям Литвы, да и всей Прибалтики.

Вследствие оккупации сегодня мой трехмиллионный народ разрублен на три кровоточащие части: одна часть живет в добровольном или в вынужденном изгнании, в ожидании часа свободы; другая, наибольшая часть, влачит рабское существование на родной земле, теряя надежду, веру в справедливость мира; а третьи — уже отмучившиеся, их кости покоятся в неведомых краях огромного архипелага страданий, и объединиться со своими братьями и сестрами они могут уже только по ту сторону нашего бытия.

Литва разрублена и изнутри тридцатилетними усилиями оккупантов заменить идею литовского самосознания фальшивой идеей «гомо советикус». Раньше, при Сталине, они действовали проще, — отнимали жизнь. Теперь отнимают народность, духовность. Народность, как мы понимаем ее в истинном смысле этого слова, заменена пугалом классовой борьбы.

Оккупация нанесла ущерб не только литовско-

му народу, но и другим национальным меньшинствам, мирно уживавшимся до 1940 года в Литве, где никогда не было резни, нацистских настроений, погромов. Даже во время гитлеровской оккупации Литва была единственной из оккупированных стран, где не было легиона СС, как ни старались нацисты запачкать наши руки кровью. (Разве что отдельные выродки пошли вылизывать блюда проходимцев.) Советским поработителям больше везет: они уже ухитрились вырастить здесь свои кадры — в стане тех, кто крепко держит петлю, наброшенную на шею народа.

Но есть люди, которые любовь к Отчизне ставят выше своей жизни. Настоящими мучениками за свободу являются:

Пятрас Паулайтис, отбывающий «литовский срок» с 1947 года,

Пятрас Палтарокас — с 1950 г.,

Клеменсас Ширвис — с 1952 г.,

Людвикас Симутис — с 1955 г.

Биография каждого из них могла бы стать предметом литературного, нравственного или политического анализа. К примеру, *Симутис Людвикас*, 1935 г. рожд., участник национального подполья, мальчишкой был связным у «лесных братьев». Прикованный к постели тяжелой болезнью (туберкулез позвоночника), попадает в больницу, где его арестовывают, проводят следствие и суд. Особое совещание приговаривает его к смертной казни, потом расстрел заменяют 25-летним сроком заключения в лагерь. Уже в 1958 г. медкомиссия в лагере выносит заключение о неизлечимости его болезни и предлагает освободить его досрочно. Однако он сидит по

сей день. До конца срока осталось ему сидеть 6 лет, он — инвалид, но тем не менее администрация вынуждает его работать.

Паулайтис Пятрас, 1904 г. рожд. Получил в Италии философское образование, работал в Германии, Португалии (до 1938 г.). Потом в Литве преподавал латынь. В 1940 г., с приходом красных, уехал в Германию. В 1941 г. возвратился в оккупированную немцами Литву и включился в антинацистское подпольное движение. Участвовал в редактировании нелегальной газеты «За свободу», писал статьи против преступлений фашистской администрации. За это был арестован гестапо, при перевозке в концлагерь бежал и скрывался. После 1944 г., когда Литва переходит в руки советской администрации, Паулайтис остается в национальном подполье — редактирует газету «Колокол Свободы». В 1947 году попадает в руки Чека, 9 месяцев продолжается следствие, основной аргумент следователя подполковника Захарова — пытки. Следует традиционный приговор — 25 лет. После короткого перерыва, в 1957 г., когда его освободили по сокращению срока, его вновь приговаривают к 25 годам заключения, посылают на 11-й лагпункт строгого режима. Вместо 6 месяцев Паулайтиса держали в каменном мешке 12 лет (!). И только сейчас перевели обратно в 19-ю зону на строгий режим. В 1963 г. некий майор МВД Святкин предложил Паулайтису написать в газету статью — «Отпор клеветникам с Запада», обещав за это облегчить его судьбу. На отказ Паулайтиса Святкин заявил: «Вы здесь сгниете. Вы никогда не выйдете на свободу, можете мне поверить». Заключенному сейчас 70 лет, сидеть

осталось 9 лет. Пожалуй, майору Святкину можно верить.

По последним статистическим данным, сейчас в Литве проживает 3.300.000 жителей.

Если бы не проводилась практика геноцида, то уже в 1959 году было бы 5.500.000 литовцев (включая прирост населения).

Литовский народ стал почти в два раза меньше в результате геноцида.

За 20-летний период Литва лишилась 1.239.000 человек, и только за период советской оккупации 1941—1959 гг. — 1.090.000. Из них:

1941 г. — депортированы в СССР — 35.000.

1941 г. — эвакуированы в СССР — 5.000.

1941 г. — убиты советскими властями — 1.200.

1942-45 гг. — жертвы войны — 25.000.

1945-58 гг. — депортированы — 260.000.

1944-53 гг. — партизаны, погибшие в борьбе с советской властью — 30—40.000.

1945-59 гг. — переселены в другие республики — 30.000.

Всего вывезено в Россию за период 1948-49 гг. 400.000 литовцев. В Германии, проигравшей войну, прирост населения за 1939-59 гг. повысился на 4,3%, Голландии — на 29,9%, СССР — на 10,1%. В Литве не только не повысился, но упал на 13,7%!

Немало крови пролито, немало жизней сложено и слагается за негаснущую идею свободы. Моя родина не питает надежды на помощь извне, или хотя бы элементарное внимание, сочувствие внешнего мира. Наша надежда — в молодежи, в зреющем духе свободы, в единстве всех поработанных народов, в том числе и русского.

После долгих лет удушливой тишины и, каза-

лось бы, позорной покорности, тлевшее в душе народа пламя вспыхнуло с неожиданной силой. В темной ночи отчаяния вспыхнул живой факел Ромаса Каланты. Он сжег себя, свою 19-летнюю жизнь, чтоб осветить путь своим молодым современникам, рожденным уже в условиях неволи. Тысячные толпы молодых демонстрантов весной 1972 года, окруженные солдатами, избивавшими их нагайками, пронесли лозунги «СВОБОДА ЛИТВЕ!»

70-е годы знаменуют новую эпоху литовского сопротивления. Знамя ее — достоинство и вера.

В 1971 г. речь на суде, произнесенная моряком Симасом Кудиркой, передавалась из уст в уста, как ошеломляющее прозрение: в своей речи, ставшей обвинительным актом режиму, Кудирка отверг обвинение в измене родине, ибо его родина — Литва... Судьба этого смелого человека стала известна во всем мире.

В 1973 г. органы КГБ провели широкую акцию против литовского Общества Краеведов, по своим масштабам равную гонениям на «Хронику ЛКЦ», 27 марта 1973 г. в 8 часов утра в трех городах — Вильнюсе, Каунасе и Риге — было арестовано свыше 100 человек, членов Общества Краеведов. После следствия, длившегося 11 месяцев, в результате которого было уничтожено это Общество, — были осуждены 5 человек:

Ш. Жукаускас, р. 1950 г., студент 6-го курса медицинского факультета, — на 6 лет лагерей строгого режима,

А. Сакалаускас, р. 1938 г., преподаватель Политехнического института — 5 лет,

В. Повилонис, р. 1947 г., инженер-технолог, — 2 года строгого режима,

А. Мацкевичюс, р. 1949 г., студент КПИ — 2 года лагерей,

И. Рудайтис, р. 1911 г., врач (участник подпольного антинацистского движения, спас сотни еврейских детей в своей клинике во время немецкой оккупации, оказывал медицинскую помощь советским воинам) — 3 года строгого режима.

Место отбытия наказания — Пермская обл., Соликамск.

На суде Жукаускас тоже произнес речь, подобную речи С. Кудирки. Он осветил историю и истоки колонизации Литвы, сказал, что Россия до сих пор остается тюрьмой народов. Жукаускас сказал, что все народы борются за свою свободу, все прогрессивные силы мира их поддерживают. Чем мы, литовцы, хуже других? Судебный процесс он назвал фарсом и расправой и закончил словами поэта: «Враг нас сжимает железными руками, но нет дороже слова, чем свобода!»

По имеющимся неофициальным сведениям, вместе с Ромасом Калантой 14 мая 1972 года в Каунасе хотели покончить жизнь самосожжением один латыш и один эстонец, но они были сняты с поезда по пути в Каунас.

Летом 1972 года вслед за Р. Калантой самосожглись еще 10 литовцев разного возраста. Цель этой жертвы — обратить внимание мировой общественности на преследования литовского народа (сведения неофициальные, тщательно скрываются, но мне их подтвердил работник ЦК ЛССР, занимавшийся расследованием дела о волне самосожжений. Во всех этих случаях применялась трафаретная трактовка — «психическое заболевание», похороны были строго засекреченные.)

Осенью 1972 года в Литву прибывает Московская идеологическая комиссия. Она требует усилить идеологическую работу, заменить руководителей, занимающих важные посты в области культуры, идеологии. Среди прочих был снят и я с должности главного режиссера Каунасского драматического театра без права работать в каком-либо советском учреждении в области культуры. Формальным поводом к этому послужило мое письмо протеста, которое вскоре было распространено в Самиздате.

В 1972 году, 19 марта, появился первый номер литовского самиздатского журнала — «Хроника Литовской Католической Церкви». Но не бездействовали и враги литовского народа. Открывается крупнейшее по своему размаху ДЕЛО № 345. Уже состоялись четыре судебных процесса:

в марте 1974 г. — осуждены пять человек,

в мае 1974 г. — осуждены двое,

в декабре 1974 г. — осуждены четверо,

в марте 1975 г. — суд над Гражисом.

В тюрьме содержится Ниёле Садунайте, готовится дело Ковалева, Твердохлебова.

В психиатрической больнице в Черняховске с 1973 года терзают студента Вильнюсского государственного университета Пятраса Сидзикаса. Бывший политзаключенный Б. Гаяускас подтверждает, что П. Сидзикас одно время принудительно содержался там вместе с генералом Григоренко. Здоровье его находится в опасности.

Мы, представители той части литовского народа, которую оккупанты ни кнутом, ни пряником не склонили к сотрудничеству с врагом, выражаем глубокую благодарность и призна-

тельность передовым сынам и дочерям русского народа, которые через паутину лжи, коварства и ненависти, через прутья насилия и неволи сегодня протягивают нам руки помощи. Это руки истинно великих духом людей. Эти руки дали своей нации славу, силу. Сегодня они возвращают Отчизне достоинство. Но сторожевые псы тоталитарного режима спущены на тех, в ком мы видим символ нашей надежды, свободы и справедливости.

Литовцы присоединяют свой не всегда громкий, но искренне звучащий голос ко всем людям доброй воли на земле, ко всем, кому не безразлично Добро, Справедливость, Свобода, — вступитесь всеми доступными вам средствами за Сергея Ковалева, за Андрея Твердохлебова! Сделав это, вы заступитесь за нас, поработанных, и, может быть, за себя. Ибо страшный призрак, пущенный в мир чей-то безответственной рукой столетие назад, и ставший коварным соблазном для легковверных душ, — **ВСЕ ЕЩЕ БРОДИТ ПО ЕВРОПЕ!...**

ЮРАШАС Ионас, род. в 1936 году, режиссер. В 1967-72 гг. работал главным режиссером в Каунасском драматическом театре, ставил спектакли в разных городах СССР. После каунасских событий 1972 года был уволен из театра, 2 года не мог устроиться ни на какую работу.

В декабре 1974 года эмигрировал с семьей на Запад.

Андрей Зварун

Преследование украинской национальной культуры

Цель данного выступления — показать истинное лицо советского «интернационализма», стремящегося к ликвидации любого проявления национальной жизни украинского народа. Систематическое проведение подобной национальной политики, еще более усилившееся после XXIV съезда КПСС в 1971 году, имеет па-

губные последствия для нерусских народов в Советском Союзе.

В ноябре 1971 года среди партийных работников было распространено анонимное письмо. В нем говорилось, что употребление украинского языка в правительственных учреждениях, учебных заведениях и на промышленных предприятиях должно рассматриваться как проявление украинского «буржуазного национализма». Такие внутрипартийные постановления не публикуются в советской прессе, поскольку они не конституционны, но они проводятся в жизнь

на практике, что приводит к насильственному искоренению украинского языка.

Недавно несколько министерств автономных республик были превращены в общесоюзные министерства, а это означает, что вся документация в них теперь должна вестись исключительно на русском языке. К таким же уловкам прибегают и в других областях. Например, в 1973 году Политбюро Украинской коммунистической партии приняло решение о том, что большинство научных журналов следует издавать на русском языке. Докторские диссертации украинцев должны представляться на утверждение комитета в Москве, что тоже означает необходимость писать на русском языке. Студенты или инструкторы, пользующиеся в своих работах украинским языком, зачастую оказываются объектами слежки или увольняются. Так, профессор Воитко читал свои лекции на философском факультете Киевского политехнического института по-украински. Через год его оттуда уволили. В Днепропетровском университете даже лекции по украинской литературе читаются по-русски.

Результаты такой практики видны из следующего: в 1971 г. в государственном институте Западной Украины, — в районе, менее других подверженном русскому влиянию, — только 25% лекций читались по-украински. К 1974 г. эта цифра сократилась до 15%. Процент для всей страны еще ниже.

Развитие современной украинской культуры умышленно задерживается административными мероприятиями. Об этом наглядно свидетельствует тот факт, что любые попытки оживить украинскую литературу, любые тенденции к ее

развитию наталкиваются на репрессии со стороны властей.

Большая часть украинской литературы в 1960-х годах в библиотечной классификации отмечалась как «не рекомендуемая». Такая классификация фактически устраняет эти книги из общего пользования. Союз украинских писателей занес в «черный список» некоторых писателей, не разрешая ни печатать их произведения, ни ссылаться на них в библиографических материалах. Многие из этих писателей теперь находятся в тюрьме.

Весной 1973 года академик Бабий уведомил украинских коммунистов о том, что все научные рукописи, имеющие общественное значение, должны просматриваться партийными органами. Был возвращен из издательства третий том «Археологии Украинской ССР» — из-за того, что в нем содержались ссылки на М. Брайчевского, известного археолога, оказавшегося в «черном списке». Бабий также критиковал журнал «Этническое творчество и этнография» за содержащиеся в нем упоминания украинских народных песен, басен и пословиц.

За последние пять лет были выгнаны из учреждений или арестованы многие научные работники, преподаватели и студенты. Некоторым вменялось в вину даже воздание почестей Тарасу Шевченко — прославленному поэту Украины. 22 мая 1972 года четверо ученых (Колотило, Минайло, Носорий и Скариченко) из Института химии стояли около памятника Шевченко. Они были сфотографированы КГБ и вслед за этим уволены из института. В марте 1973 года устроенный по инициативе студентов Львовского университета «Вечер Шевченко» был отменен. Не-

смотря на это, некоторые из студентов были арестованы, а некоторых избили. Многие студенты были исключены из университета... Один студент, Владимир Удовиченко, был арестован за отказ стать осведомителем КГБ. В марте 1974 года студенческие руководители были приглашены на «Вечер Шевченко», устроенный с одобрения партии; однако вставать при пении шевченковского «Завета» запрещалось. Большую часть вечера пелись партийные и комсомольские песни, и очень мало упоминалось о Шевченко. То же самое было и в Киевском университете.

Советские власти делают особый упор на систематическое уничтожение всех следов украинского наследия.

Музеи и вековой древности церкви, такие, как Св. Параскевы в деревне Космач, заброшены и пришли в упадок. Фонды для поддержания и реставрации их редко выделяются правительством. Музей имени Ивана Франко в Криворивне был реставрирован только после того, как обвалился весь второй этаж. В 1972 году украинский музей имени И. Гончара в Киеве был закрыт по приказу КГБ.

Кладбища в Ивано-Франковске, Тернополе, Золочеве, Городке и других городах, были осквернены. Кресты на Янивском кладбище во Львове, где похоронены украинские солдаты, были уничтожены.

Нередко старые украинские архивы уничтожались в результате подозрительно вспыхивающих пожаров, многие из которых были просто поджогами. В ноябре 1969 года трое неизвестных, одетых в полицейскую форму, сожгли редкие

древние книги во дворе Успенского собора во Львове.

Старые украинские песни на исторические темы запрещены. На концертах и по радио можно исполнять только песни на современные темы. Некоторые из них можно петь и по-украински, но при этом большая часть репертуара обязательно должна быть на русском языке.

На украинских археологических и исторических выставках, устраиваемых за границей, редко встретишь верные обозначения. Недавняя советская выставка скифского искусства, устроенная в нью-йоркском музее «Метрополитан», — может служить примером этого. Так, о скифских предметах, найденных в Центральной Украине, было сказано, что они находились на территории Южной России.

Многосторонне проводятся на Украине и религиозные преследования. Уничтожение церквей и сокровищ религиозного искусства дополняет партийную кампанию ликвидации украинского культурного наследия. Постройка новых церквей законом строго запрещается, а существующие церкви просто уничтожаются. Так, в 1971 году церковь на улице Артема во Львове была разрушена танком. Прихожан, пытавшихся помешать этому, разогнала милиция.

В районе Львова к концу войны было более 1200 церквей. После войны здесь была установлена советская власть, и к 1961 году осталось только 528 церквей. Все кресты на перекрестках дорог у деревень Бабухив, Вербилевцы и Залужья (некоторые из них были поставлены более столетия тому назад в память отмены крепостного права) были снесены в ночь на 19 декабря 1973 г.

Преследование духовенства и верующих проводится с целью уничтожения культурных традиций народа. Отец Савва, священник Киевской церкви св. Владимира, был смещен экзархом Московского Патриархата Филаретом за проповедь на украинском языке. Учителя получают инструкции отучать своих учеников от пения рождественских «колядок» и от выполнения других народно-религиозных обычаев. Под угрозой увольнения водители автобусов не должны впускать пассажиров с пасхальными корзинками. Зачастую возле церквей находятся милиционеры, не допускающие в церковь родителей с детьми. Незадолго до Рождества 1973 года все руководители школ Львовского района получили предупреждение, что они будут уволены, если кто-либо из их учеников примет участие в религиозных торжествах. Та же политика проводится и по отношению к членам партии, учителям, ответственным работникам, работникам умственного труда и т. п.

Частью политики, скрыто проводимой компартией СССР, является разжигание антагонизма между украинским и еврейским населением. Например, во время кампании за изгнание Петра Шелеста его конкурент — В. Щербицкий — обвинял Шелеста в антисемитизме. Организованный КГБ погром в Киеве был использован с целью провокации населения. Среди евреев распространялись слухи, что зачинщиком погромов был Шелест, а украинцам в то же время внушали, что евреи требуют учреждения на Украине своей автономной республики.

Другой пример той же политики — публикация книги Трофима Кичко «Иудаизм без прикрас».

Этот сугубо антисемитский памфлет был опубликован во Львове Украинской Академией наук в 1963 году. Важно отметить, что именно в 1963 году Украинская Академия наук прекратила свое независимое существование, перейдя в подчинение Академии наук СССР в Москве. Эта книга была повсеместно осуждена — как на Западе, так и в СССР.

Провокационный характер этой публикации стал очевиден из следующего факта: московская «Литературная газета» выступила с обвинениями в адрес автора книги, назвав его «подлым коллаборантом с нацистами». Тем не менее советские власти ничего не сделали для приостановки публикации книги, и Кичко не понес никакого наказания. Почему же Кичко, коллаборант с нацистами, согласно официальным газетам, мог продолжать спокойно жить и писать другие антисемитские памфлеты, когда все советские граждане, хотя бы просто подозреваемые в коллаборационизме с нацистами, или были казнены или находились в заключении? Почему Кичко остается на свободе после открытого нарушения закона, официально запрещающего антисемитизм?

Книга Кичко была издана во Львове — типично украинском городе, чтобы из этого можно было сделать вывод о связи всего подлинно украинского с духом антисемитизма. «Литературная газета» открыто осудила эту книгу с целью отмежевать Кремль от официального антисемитизма и создать видимость того, что Украина, имея известную степень автономии, пользуется ею, несмотря на неодобрение Кремля, для проявления своей ненависти к евреям.

Становится ясен смысл недавнего заявления

Леонида Брежнева: «...что вопрос национальности... был разрешен полностью и окончательно». Для Украины это означает уничтожение всего украинского, включая язык, историю, литературу, образование, традиции, религию, искусство и даже мышление. При Сталине эти цели достигались политикой геноцида. При Брежневе это стало политикой этноцида — скрытого разложения духа Украины. В Советском Союзе этноцид — это не русский шовинизм, а скорее — интернационализм. В этих целях советские власти готовы уничтожить цивилизацию, культуру, а если нужно, то и физически ликвидировать более сорока миллионов украинцев.

ЗВАРУН Андрей, род. в 1943 году в Пидволошиска на Украине и провел ранние годы своего детства в немецком лагере для беженцев. В 1950 г. эмигрировал в США, где и получил образование. В 1970 г. он получил звание доктора философии в области микробиологии и химии Университета в Кентукки. Работает в области исследований в микробиологии.

Эдуард Оганесян

Нарушение национальных прав армянского народа

Уважаемый господин председатель,
уважаемые члены жюри!

Прежде чем приступить к своим показаниям, я хочу сделать одно заявление. Речь идет о числе политических заключенных в сегодняшнем Советском Союзе. Эти цифры, как вы слышали, вызвали здесь много споров. Я заявляю, что категорически отказываюсь принимать число политзаключенных за фактор, характеризующий режим. Почему? Потому что в Советском Союзе ровно столько политзаключенных, сколько имеется активных инакомыслящих. Число политических заключенных не характеризует режим, а характеризует одно — насколько Россия проснулась. Проснется она завтра вся — и вся она будет в тюрьме!

В своих показаниях мне очень трудно ограничиться событиями только последних десяти

лет, потому что нарушения национальных прав моего народа начались еще в двадцатых годах, и сегодняшние нарушения — лишь продолжение тех. Поэтому я буду говорить о правах армянского народа, которые не были восстановлены за последние 10 лет. А началось нарушение этих прав с насильственного установления советского режима в Армении. Была ликвидирована независимая демократическая республика, те из ее руководителей, кому не удалось бежать, были зарублены топорами в ереванской тюрьме. В качестве свидетельства представляю фотографию этих зверств.

Начиная с 1934 года, в подвалах ЧК систематически уничтожались лучшие люди нации — крупные военачальники, ученые, поэты и писатели, политические деятели и работники искусства. В результате этого геноцида нация осталась без мыслящей элиты, и во всех сферах национальной жизни были допущены непоправимые просчеты.

По сей день нарушены права армянского народа в вопросе суверенитета страны. Возьмем Конституцию Армянской республики. В ней 123 статьи. Я берусь доказать, что из них 120 не выполняются. За неимением времени скажу лишь о некоторых. Например, статья 15а — «республика имеет право вступать непосредственно в торговые, политические и другие связи с другими иностранными государствами», т. е. иметь за рубежом посольства, торговых атташе и т. д. и т. п. Все это звучит просто смешно: ведь даже ни одна армянская газета не вправе иметь своих корреспондентов за рубежом, несмотря на то, что там живет два с половиной миллиона

армян, т. е. столько же, сколько и в советской Армении. Так о каких же посольствах и торговых атташе может идти речь?! Статья 17 — государственный бюджет Армении утверждается Советом Министров Армении. Неправда — утверждается московским Госпланом. «Республика имеет право иметь собственное войско». Неправда — никакого собственного войска у нас нет. «Государственный язык Армении — армянский». Неправда: государственный язык — русский. И так далее... Из 123 статей выполняются только три: статья, где описывается государственный герб — правильно описывается; статья, где описывается государственный флаг — правильно описывается; и, наконец, что столицей Армении является Ереван, — да, это тоже верно.

В Армении полностью отсутствует национальная экономика, т. е. такая экономика, от которой зависит экономическое благосостояние нации. Жизненный уровень народа ни в коей степени не зависит ни от того, как работают армянские предприятия, ни от того, какими природными ресурсами располагает республика. Кроме того, происходит безжалостная эксплуатация природных ресурсов Армении. В Армении на душу населения земли приходится в четыре раза меньше, чем в среднем по Советскому Союзу, и тем не менее в ней построены Химический комбинат, Алюминиевый комбинат, Каджаранский, Кафанский, Алавердский и ряд других мощных комбинатов, только загрязняющих страну, не принося ей при этом никакой пользы.

В стране нарушается право людей на национальное мышление. Приведу только два примера.

Первый пример. 1965 год, пятидесятилетие геноцида армян со стороны турок. Эта дата отмечается официально, об этом даже в «Правде» и в «Известиях» писали, то есть ничего антисоветского в этом нет. Но народ решил свой протест выразить несколько более бурно: люди вышли на мирную демонстрацию, с лозунгом — осудить турецких палачей! Это не было предусмотрено властями, и милиция пожарными брандспойтами разогнала толпу, арестовала 200 человек, семерых из них приговорили к 5 годам тюремного заключения...

В числе задержанных милицией на этой демонстрации был и я... Всё как будто бы говорило, что я человек лояльный к власти: член КПСС, доктор технических наук, директор одного из институтов Академии наук Армянской ССР, депутат городского совета, председатель Комитета кибернетики Армении. Не говорю уже о высоком окладе, персональной и личной машине, великолепной квартире... Но на другой чаше весов — оказалось мое национальное мышление, причем даже не идущее вразрез с тем, что официально высказывалось и в «Правде». Однако мыслить национальными категориями, осуждать турок за геноцид 1915 года, я права не имел — а потому попал в «черный список». Правда, меня не арестовали, но запретили выезжать за границу. Для ученого-кибернетика это, вообще-то, очень тяжело: после этого в течение семи лет я не был ни на одной конференции. Но тут надо отдать должное проницательности КГБ — со своей точки зрения, они поступали правильно, потому что как только мне разрешили поехать за границу, я уже назад не вернулся.

Второй пример. Группа молодых людей, сделав очень детальные подсчеты, выяснила, что Армении экономически невыгодно быть в составе СССР. И тогда, на основе армянской Конституции, ст. 14, где записано, что «каждая республика имеет право свободного выхода из состава СССР», они начали пропагандировать эту идею. Ведь если в Конституции предусмотрено такое право, то естественно, что люди вправе о нем и говорить... Но этих молодых людей — П. Айрикяна, Б. Шахвердяна, А. Товмасяна, А. Навасардяна, А. Мартиросян, К. Аракеляна, Л. Бадаляна, А. Аракеляна, Р. Маркосяна, С. Мартиросяна, Н. Мартиросяна, Г. Аракеляна, К. Карапетяна и Р. Зограбяна — арестовали и, в нарушение собственной Конституции, Верховный суд Армянской ССР в 1974 году приговорил их к различным годам тюремного заключения: от 2 до 7 лет, с последующей трехгодичной ссылкой.

Очень остро ощущается в Армении отсутствие свободы информации и свободы перемещения. Как я уже говорил, за рубежом проживает два с половиной миллиона армян, они хотят встречаться со своими родственниками, а зачастую желают и воссоединять семьи. На пути к этому строятся всевозможные препятствия. Например, у меня в Ереване осталась жена, трое детей, мать, отец и две сестры. Нормальная связь с ними прервана. Письма не доходят, а посылаемые через туристов вещи отбираются на границе. Приглашение приехать ко мне, которое я послал жене через Красный Крест вот уже больше года тому назад, она до сих пор еще не получила...

Последовательно проводя политику отождест-

вления «русского» и «советского», власти создали в Армении такие условия, при которых на первом месте в стране стоит русский язык, русская школа, русская культура и т. д. Такая политика вызывает у армян неприязнь к русским, что, на мой взгляд, просто преступно, ибо армяне всегда испытывали большую симпатию к русскому народу, исторически всегда бывшему защитником христианских интересов в Оттоманской империи.

И тут, наконец, раз мы сегодня обсуждаем национальную проблему, я хочу сказать о нарушении прав еще одной нации. Эта нация — русский народ. Почему-то получается так, что за этот народ на таких форумах некому бывает заступиться, вот я и хочу это сделать.

От отождествления «русского» и «советского» гибнет русская национальная культура — это можно доказать тысячами фактов, русская культура находится сегодня под страшной угрозой. Приведу и несколько формальных моментов. Все республики имеют свои столицы. Русский же народ своей столицы не имеет, ибо Москва — это столица СССР. Все республики имеют свои Академии наук. Русские своей Академии наук не имеют, нет Русской Академии наук. Все республики имеют свои коммунистические партии. Русской коммунистической партии — нет (и слава Богу!). И таких примеров можно привести множество... Например, человек хочет познакомиться с русской культурой... у Пушкина он прочел: «Здесь русский дух, здесь Русью пахнет»... он приезжает в Москву, хочет «понюхать» этот «русский дух», заходит в русский музей. И чего там только нет! — и армяне, и гру-

зины, и азербайджанцы... и бедные русские в этом музее уже так перемешаны со всеми этими другими нациями, что никаким «русским духом» там и не пахнет...

ОГАНЕСЯН Эдуард, род. в 1932 году в Ереване, в семье инженера. Отца в 1937 г. исключили из партии. Мать, дочь известного дашнака, окончила Ереванский университет, но почти не работала.

В 1950 г. Э. Оганесян окончил среднюю школу (русскую). В 1956 г. окончил Московский станкостроительный институт и получил диплом инженера. В 1962 г. окончил аспирантуру Ленинградского электротехнического института и стал кандидатом технических наук. В 1967 г. в Ленинграде защитил докторскую диссертацию по специальности «техническая кибернетика». Работал в системе Академии наук Армении, в последние годы был директором «Лаборатории адаптивных систем». С 1959 года был членом КПСС. Был депутатом городского Совета, председателем Комитета кибернетики Армении. В 1972 г., выехав в качестве туриста на Запад, на родину не вернулся. В СССР в различных журналах опубликовано свыше ста научных трудов Э. Оганесяна.

Давид Классен

Преследование немецкого народа в СССР

Дорогие друзья и уважаемые господа!

Прежде всего хочу извиниться за неподготовленность своего выступления. Дело в том, что по этому вопросу должен был выступить другой свидетель, мой близкий друг, товарищ по тюрьме, но — по уважительным причинам — он не смог приехать.

Я выступаю как свидетель со стороны немцев — не только немцев Поволжья; многие неправильно считают, что немцы жили только на Волге, на самом деле немцы в России жили в разных местах страны. Первая колония немцев была основана в Запорожской области в Хортице, потом — в Херсоне и в Запорожье Мелитопольского района, в Оренбурге, в Поволжье, на Кавказе, на Алтае, т. е. в Западной Сибири...

Выступавшие здесь свидетели говорили о тяжелом положении, в котором находятся их народы, но они могли хотя бы сказать, что у них существует Конституция. Немецкий народ этого сказать не может, потому что немцы после войны оказались рассеянными по всему лицу России, от юга до севера и от запада до востока. Культура немецкого народа фактически оказалась задушенной. У меня есть письма, обращенные к ООН, в которых говорится о дискриминации

в отношении немецкого народа. Я располагаю совершенно свежим документом, отправленным во все инстанции Советского Союза (к нам он попал нелегально, легальным путем передать его, конечно, было бы невозможно), его подписали 430 человек, живущие сейчас в СССР...

То, что немецкий народ подвергается репрессиям, вам очень трудно понять, а нам трудно вам объяснить. Потому что самый безграмотный советский колхозник лучше разбирается в советских законах, чем квалифицированнейшие юристы Запада. Самый простой человек в СССР, пусть он даже всю жизнь занимался только тем, что вилами навоз из-под свиней выбрасывал, если спросить его: «Как ты понимаешь советские законы?» — скажет: «Закон — как дышло, куда повернул, так и вышло». Потому что он знает: дышло служит для того, чтобы поворачиваться вправо или влево, и законы советские так изданы, что их можно тоже поворачивать и так и сяк. Они гласят одно, но их можно перетолковать и по-другому. Поэтому очень трудно в них ориентироваться.

Немецкий народ сейчас рассеян по всей России и подвергается двойному преследованию: и как верующие, и как нация — доказательств тому много. Но я хотел бы сказать, что те, кто нас притесняет, невиновны. Виновны не они, а те, кто их подстрекает. На суде 10 августа 1966 года в защитительной речи я привел пример того, как японцы во время второй мировой войны уничтожали советские танки. Японцы под своими танками привязывали мясо и изо дня в день кормили своих собак только так — под танками.

И когда советские танки двинулись на японцев, собакам привязали гранаты и выпустили их против советских танков. И японские собаки, сами того не сознавая, несли смерть и себе и советским танкам. И сегодня так же — через радио, кино, телевидение, газеты — натравляют людей друг на друга, чтобы они друг друга терзали. Так, например, командир украинской армии, брошенной на подавление восстания в Новочеркасске, не смог этого делать и покончил жизнь самоубийством... И туда были направлены десантные войска, состоящие из кавказцев, — для подавления восстания власти использовали людей другой национальности. Вот для этого в СССР и натравляют одну нацию на другую. Простой пример. Я был пресвитером в русской церкви. Я немец. Моего брата по вере, русского, вызвали в органы КГБ и сказали: «Дай показания против твоего пресвитера, или мы тебя уволим с работы». Он ответил: «Можете поступать со мной, как хотите, но я этого сделать не могу». — «Почему это в русской церкви пресвитером — немец?» Он сказал: «Да пусть был бы хоть негр, лишь бы сердце у него было чистое». Так КГБ старается везде — и в церковной, и в политической жизни — натравлять нацию против нации...

У меня есть списки немцев, желающих уехать из СССР, они хотят уехать только потому, что хотят быть свободными, а в СССР свободы им не дают. Но я хотел бы, чтобы свободным был не только немецкий народ; свобода, как говорит А. Д. Сахаров, нужна каждому человеку. Я хотел бы, чтобы она была у всех народов, и у русского народа тоже.

Вопросы членов жюри и ответы
свидетелей Д. Классена, А. Зваруна,
И. Юрашаса

Вопрос Д. Классену. Сколько человек покинуло СССР в результате соглашения между СССР и ФРГ?

Ответ. У меня нет точных сведений о том, сколько человек выехало по этому соглашению. Но я лично выехал только в связи с ним. Я не хотел уезжать из России; когда мне это предлагали, я отказывался. Моя жена, дети, близкие родственники хотели уехать и просили меня согласиться на выезд, но я хотел страдать вместе с русским народом, и для меня покинуть Россию было очень тяжело. Но все-таки мне пришлось уехать: ведь меня четыре раза арестовывали, затем я находился под надзором, т. е. фактически не был свободным человеком. Я должен был отмечаться в милиции, милиция меня проверяла, они приходили ко мне на квартиру; в МУРе меня ославили как особо опасного рецидивиста, у них лежала моя фотография в анфас и в профиль, был записан цвет моих глаз, меня заставляли ходить по кабинету начальника уголовного розыска, чтобы они изучали мою походку, и даже бородавки или какие-нибудь особые приметы мои были записаны в их бумаги. Я чувствовал, что больше смогу помочь России, если буду находиться на Западе, только потому я

ее и оставил. По духу своему я русский, хотя по национальности — немец.

Вопрос А. Зваруну. Могут ли украинцы развивать свою национальную культуру?

Ответ. Да, по Конституции могут, но на практике это не так...

Вопрос И. Юрашасу. Из Литвы было депортировано 400 тыс. человек. У меня есть родственники в Литве, и я знаю, что в это же время очень много русских переехало жить в Литву. Что это — процесс переселения: этих — туда, а тех — сюда? Можете ли вы сказать, сколько человек было переселено в Литву?

Ответ. Точных сведений, сколько вывезено из Литвы людей и сколько ввезено на их место людей из других республик, у меня нет; сведения, приведенные в моем докладе, основаны на данных только 1959 г. Обратный процесс — вселение людей из других республик в Литву — проводится с целью ассимиляции литовского народа. Строятся экономически неоправданные по природным ресурсам заводы, крупные предприятия (это относится как к Литве, так и к Эстонии и Латвии), для работы на которых требуется рабочая сила, поставляемая из других республик, в основном из России. Таким образом фактически проводится скрытый процесс ассимиляции. Процент русских в разных городах сильно колеблется: в Вильнюсе, столице, примерно 30%, в других городах поменьше, а в селах еще меньше, но все же русские составляют около 30% жителей сегодняшней Литвы.

Вопрос И. Юрашасу. Верно ли, что процесс вселения происходит в Латвии и Эстонии в еще больших масштабах, чем в Литве?

Ответ. Да, верно. В Латвии он происходит еще быстрее. Крупнейший прибалтийский город Рига больше всего уже ассимилирован, примерно на 50%. Эстонцы ощущают этот процесс еще болезненней, так как эстонцев меньше, их только полтора миллиона, и там, именно за счет постройки новых крупных промышленных объектов, ввезено очень много русских.

Вопрос А. Зваруну. Происходит ли такой процесс на Украине? По ту сторону Днепра большинство городов, насколько я знаю, заселено русскими. Так ли это?

Ответ. Посмотрим, как получают статистические данные о населении в СССР. Приходит, например, в квартиру военный и спрашивает, какой язык вы считаете своим родным (именно — не какой язык ваш родной, а — какой считаете родным!). Кое-кто может испугаться и сказать — русский. Поэтому очень трудно знать точные сведения о населении... Как указал г-н Юрашас, население наших стран уменьшается... Любой украинец, который хочет продвинуться по службе, изучает русский язык. Тем, кто этого не делает, остается лишь неквалифицированная работа.

Вопрос Д. Классену. Мне сказали, что в Западную Германию смогли уехать 10 тысяч советских немцев. Что вы знаете об этом?

Ответ. В Германию переселилось примерно 7 тысяч, кроме того, некоторые люди переселились и в другие страны. В 1972 году выехали 2 тысячи человек, в 1973 — 4 тысячи, в 1974 — 6 тысяч, т. е. всего — 12 тысяч. Но хочу добавить, что очень многим, желающим выехать, чинятся большие препятствия. Так, моя родная

сестра 10 раз получала отказ на свое ходатайство о выезде... Люди хотят уехать потому, что ущемляются их свободы, в частности и свобода вероисповедания. Например, с тридцатых годов — вот уже 40 лет! — не издана ни одна Библия на немецком языке. Только теперь, когда стали печатать духовную литературу в подпольной типографии (конфискована 24 октября 1974 года), власти издали Библию — для отвода глаз. Но и сейчас люди просят Священное Писание у иностранных туристов — хотя с туристами общаться запрещается. Меня лично обвиняли на судебном процессе, что мы получаем Священное Писание из-за границы. Но я ответил так: если вы обвиняете нас в том, что мы просим дать нам пищу духовную, то как же вы, коммунисты, покупаете хлеб у Канады? В таком случае и вы не должны этого делать.

Вопрос И. Юрашасу. Как сейчас здоровье Яугелиса? Я слышал, что его избили после суда?

Ответ. Да, его действительно после суда избили. Его поместили вместе с уголовными преступниками, они его искалечили, состояние его здоровья долго было очень плохим. В последнем номере «Хроники» сообщено, что 20 июня этого года ему сделана онкологическая операция (хотя он отказывался делать операцию в условиях этой больницы, не доверяя врачам) и неизвестно, выживает ли он... КГБ с 1973 года развернуло очень широкую охоту на «Хронику Литовской Католической Церкви» и создало дело № 345, по которому за один только год с марта 74 по июнь 75 года состоялось уже 5 судебных процессов... По этому же делу был привлечен и допрашивался в литовском изоляторе КГБ Вильнюса и

ученый Сергей Ковалев. Я уже говорил о выступлении «Хроники» по этому поводу, а сегодня нам стало известно, что Ковалева присудили к семи годам... Я хотел бы призвать теперь «Слушание Сахарова» выступить с петицией в защиту Сергея Ковалева, так как его личное участие в передаче «Хроники» на Запад ничем не доказано; после его ареста в 1974 году на Западе уже появились еще 4 номера «Хроники». Последний номер «Хроники» выпущен в августе этого года и попал на Запад в начале сентября, так что причастность Ковалева к выпуску «Хроники» не доказана. Я от лица всех литовцев, всех диссидентов, всех людей доброй воли, ручаюсь, что если бы люди могли, не рискуя быть задавленными танками, собраты на какой-нибудь площади, собрались бы тысячи и тысячи людей, желающих защитить Сергея Ковалева. Наш долг, наша обязанность сегодня выступить в защиту этого человека.

Рейза Палатник

Об уничтожении еврейской культуры в СССР

Антисемитизм в России имеет длинную историю, которой пока не видно конца. Во все времена все правительства используют евреев как отдушину для выхода народного гнева, возникающего из-за творящихся в стране неурядиц.

Не составляет исключения из этого правила и советский строй.

Наоборот, если мы можем говорить о погромах, о дискриминации, о черте оседлости для евреев при царском правительстве, то одновременно можно говорить и о том, что еврейская культура на территории России все время развивалась, и только при советском строе за 30 лет еврейская культура была полностью уничтожена.

После всех погромов, ограничений и ущемлений в правах, которым евреи подвергались во времена царизма, они с радостью приветствовали Октябрьскую революцию, провозгласившую равенство всех национальностей.

О положении в области еврейского образования и культуры до революции дает сведения Большая Советская Энциклопедия (I-е изд., т. 24).

По грамотности еврейское население занимало, по переписи 1926 г., первое место среди всех народностей СССР, показав для женщин 69 процентов грамотных, а для мужчин — 76%.

В 1928 г. в СССР имелось 1075 еврейских школ, в которых занималось 160.000 детей. 7/10 всего еврейского населения считало идиш родным языком.

В связи с бурным подъемом культурной революции в 1930-31 гг. количество еврейских культурных учреждений сильно возросло.

В это время выходят три ежедневные газеты на идиш — «Дер Эмес» (в Москве), «Октябрь» (в Минске) и «Штерн» (в Харькове), — а также ежемесячные журналы: «Ройте-Вельт», «Пролит» (в Харькове), «Штерн» (в Минске).

Издается много местных газет в Одессе, Киеве, Бердичеве и других городах.

В Харькове издается также детский журнал «Зай герейт» («Будь готов»).

Наконец, огромное количество стенгазет на еврейском языке издается почти на всех фабриках и заводах, где работают еврейские рабочие, в клубах, читальнях, в колхозах.

Изд. книг, журналов и газет на еврейском языке

год	кол-во названий	тираж
1923	11	155.000
1924	83	320.000
1925	211	798.000
1926	213	781.000
1927	298	1.136.000

При Белорусской Академии наук организована еврейская секция, задачей которой — сбор материалов и исследование вопросов истории евреев, участия евреев в революции, научное изучение еврейского языка, литературы и фольклора, всё, что входит в круг вопросов изучения еврейской культуры.

Кафедра еврейского языка и литературы, организованная вначале при Академии наук Украины, преобразована в 1929 году в Институт еврейской культуры.

В некоторых педагогических вузах (в Москве) созданы особые еврейские отделения, готовящие квалифицированных работников для еврейской школы и других просветительных учреждений.

Еврейская литература представлена следующими именами:

Поэты: Харик, Гофштейн, П. Маркиш, Л. Квитко, Л. Резник, М. Кульбак, С. Галкин, Н. Ойслендер и др.

Прозаики: Э. Гордон, Ноях Лурье, Нотэ Лурье, Ицик Кипнис, Бергельсон, Годинер, Даниель, М. Тейч и др.

Критики: Нусинов, Добрушин, Гурштейн, М. Литваков, Виннер и др.

Завершается «великая и нерушимая дружба народов» созданием в 1934 г. в Хабаровском крае Еврейской автономной области с центром в Биробиджане (площадью в 35.800 кв. км.). Здесь издавались две газеты: одна — на русском языке, вторая — на идиш.

В 1959 г. население Биробиджана составляло 163 тыс. человек, из них евреев 14.200, т. е. 8,8 процента, русских — 78,2 процента, украинцев — 8,9%.

Уже в предвоенные годы начался резкий поворот официальной политики к насильственной русификации, антисемитизму и непосредственно к террору.

В 1936-39 гг. было ликвидировано подавляющее большинство средних школ, технических и профсоюзных училищ, высших учебных заведений на языке идиш.

Были закрыты все еврейские газеты, за исключением «Биробиджанер штерн».

Из 11 еврейских театров остались только 4 (в Москве, Киеве, Минске, Биробиджане).

В 1937-39 гг. были арестованы и погибли в лагерях видные еврейские писатели: Изи Харик, Зелик Аксельрод, Моше Кульбак, Макс Эрик, Хаим Гильдин, Моше Литваков и многие другие литераторы и деятели еврейской культуры.

Но вспыхнула война, и этот процесс был приостановлен. Был создан Еврейский антифашистский комитет (кстати, в настоящее время ни одно советское издание не упоминает об этом), была допущена видимость оживления культурной деятельности евреев, наступило какое-то улучшение условий религиозной жизни, делались попытки установить связь с мировым еврейством. Для этой цели в 1943 году Михозлс и Ицик Фефер были посланы в США. Они установили связь с еврейскими общинами Америки и добились от них значительной материальной помощи для военного потенциала СССР.

Евреи, вместе с другими народами СССР, вступили в смертельную схватку с фашизмом. Однако уже в 1943 году вновь начинается разгул антисемитизма в размерах, которых не знала даже царская Россия. Антисемитизм распростра-

няется из оккупированных районов в ряды партизанского движения, Красную Армию и тыл.

Все сильнее ощущается дискриминация по отношению к евреям в армии. Тысячи евреев, совершивших геройские подвиги во время войны, не были награждены только из-за национальности. В то же время упорно распространяются слухи о том, что евреи вообще не воюют, а отсиживаются в тылу.

Совершенно замалчивается катастрофа уничтожения еврейства Европы нацистами. За все годы войны Сталин всего один раз упомянул о нацистской политике уничтожения евреев.

Окончание войны привело к усилению антисемитского настроения среди населения. В это время для евреев была почти полностью закрыта дорога к постам политического и военного значения в партийном и правительственном аппарате.

После войны были закрыты те несколько еврейских школ, которые еще продолжали существовать. Последние школы на территории Буковины были закрыты в 1948 году.

В 1946 году возобновилась активная кампания против национализма. Очень скоро выяснилось, что эта кампания направлена против крупнейших деятелей еврейской культуры и искусства. Вначале их обвиняли в национализме, аполитичности, а позднее — в сионизме и во враждебном отношении к советскому строю и советскому народу.

В 1947-48 гг. рамки кампании значительно расширились. Без конца на страницах печати, по радио в сопровождении слов «безродные космополиты», «антипатриоты», «гнилые космополи-

ты» и др. упоминаются имена Нусинова, Юзовского, А. Гурвича, Бояджиева, Галкина, Суцкелера, П. Маркиша, Кипниса и многих других. Круг обвиняемых и обвинений расширяется.

Обвинения, например, следующие:

1. Еврейские писатели и поэты слишком часто употребляют в своем творчестве слово «еврей».

2. Они преувеличенно и без всякой нужды используют слова, заимствованные из иврита.

3. В их произведениях слишком много национально-исторических и библейско-легендарных мотивов.

4. Особо опасной является тема катастрофы еврейского народа во время войны.

5. Национализм и сионизм нашли свое крайнее выражение в творчестве Ицика Кипниса.

Вполне понятно, что такие обвинения преследовали далеко идущую цель. И эта цель была достигнута. Сейчас, после почти тридцатилетнего периода, мы можем с полным правом утверждать: целью кампании против «безродных космополитов», начавшейся в 1946 году, было уничтожение еврейской культуры в СССР и лучших ее представителей.

Но это была только первая часть программы.

13 января 1948 г. был зверски убит председатель Еврейского антифашистского комитета, художественный руководитель Еврейского театра в Москве Соломон Михозлс, а через два месяца после этого была отменена финансовая поддержка еврейским театрам. К этому времени их было уже всего 4, все они получили указание от властей выступать с гастрольями вне места своей постоянной работы. Были приняты все меры для дезорганизации работы этих театров, еврей-

скому населению было предложено воздержаться от посещения спектаклей. Все эти меры привели к сокращению числа зрителей, что позволило властям говорить о нерентабельности театров. К концу 1948 г. почти все театры и творческие группы были распущены.

20 ноября 1948 г. было объявлено о закрытии Еврейского антифашистского комитета, его центрального органа «Эйникайт», издательства «Дер Эмес» и литературно-политических альманахов на идиш.

В декабре началась волна арестов среди ведущих деятелей еврейской культуры. Были арестованы Давид Бергельсон, Давид Гофштейн, Лейб Квитко, Перец Маркиш, Ицик Фефер, Вениамин Зускин, Шмуэль Персов, Нусинов, Добрушин, Галкин и многие другие.

Но и после первых арестов антиеврейская кампания продолжалась. Термин «безродный космополит» прочно утверждается на страницах советской печати, причем часто цитируется определение космополитизма, данное русским критиком XIX века Белинским: «Космополит есть что-то ложное, бессмысленное, странное и непонятное явление, какой-то бледный, туманный призрак, существо безнравственное, бездушное, недостойное называться священным именем человека».

В начале 1949 г. началась массовая, шумная и детально подготовленная кампания, в которой использовались все средства массовой информации: печать, радио, кино, лекции, и в первую очередь — бесконечное число собраний, на которых всячески осуждались и занимались самокритикой евреи, обвиненные в космополитизме.

Подчеркивались еврейские фамилии, а если

этого было недостаточно, добавляли имя и отчество. Началось раскрытие псевдонимов.

Космополиты обвинялись в ненависти к советскому народу.

Каковы же были результаты этой кампании?

1. Наиболее легким наказанием для обвиненных в космополитизме был выговор или строгий выговор.

2. Более суровой санкцией было увольнение с работы, исключение из творческого Союза.

3. Самым тяжелым наказанием было исключение из партии, за которым часто следовали арест и суд.

Однако следует отметить, что в отличие от массовых арестов среди еврейских писателей, писавших на идиш, и актеров, выступавших на этом языке, среди обвиненных в космополитизме не было массовых арестов. Это дополнительно доказывает то, что главной задачей в осуществлении антиеврейской политики Сталина на первом этапе было уничтожение еврейской культуры и ее лучших представителей.

В конце 1949 — начале 1950 г. началась вторая волна арестов среди евреев. Обвинением служили национализм и сионистская деятельность. Большинство арестованных были осуждены на 10 и больше лет заключения в советских концлагерях. Главный судебный процесс против крупнейших деятелей еврейской культуры был проведен втайне в июле 1952 г.

Обвиняемым было приписано следующее:

1. Подготовка вооруженного восстания, направленного на отторжение Крыма от СССР и создание на его территории буржуазно-сионистской республики.

2. Шпионаж в пользу иностранных государств.
3. Буржуазно-националистическая деятельность и антисоветская пропаганда.
4. Организационные мероприятия и деятельность, запрещенные законом.

23 из 24 обвиняемых были приговорены к смертной казни и казнены 12 августа 1952 года. Хотя после смерти Сталина все казненные были полностью реабилитированы, власти до сих пор отказываются сообщить место их захоронения.

Наиболее тяжелый для евреев период начинается 13 января 1953 г., после опубликования сообщения о заговоре врачей, об «убийцах в белых халатах». Эта провокация была задумана для того, чтобы, по примеру Гитлера, окончательно решить «еврейский вопрос» в СССР: «врачей-убийц» повесить на Красной площади, вызвать волну еврейских погромов и затем, спасая евреев от «народного гнева», часть из них бросить в лагеря и тюрьмы, а остальных выселить из западных районов СССР в Сибирь и на Дальний Восток.

Газета «Известия» 13 января 1953 г. в статье «Шпионы и убийцы под личиной ученых-врачей» писала: «Сегодня публикуется хроника ТАСС о раскрытии и аресте органами государственной безопасности террористической группы врачей, ставивших своей целью путем вредительского лечения сократить жизнь активным деятелям Советского Союза».

В числе участников этой «подлой банды убийц» — профессора-врачи Вовси, Виноградов, Коган М., Коган Б., Егоров, Фельдман, Этингер, Гринштейн, врач Майоров.

Большинство участников террористической груп-

пы — Вовси, Б. Коган, Фельдман, Гринштейн, Этингер и др. — «запродали свою душу и тело филиалу американской разведки — международной еврейской буржуазно-националистической организации «Джойнт». Многочисленными неопровержимыми фактами, писалось в «Известиях», полностью разоблачено отвратительное лицо этой, прикрывающейся маской благотворительности, грязной шпионской сионистской организации. Именно от этой организации, созданной американской разведкой, получил изверг Вовси директиву «об истреблении руководящих кадров СССР» через врача в Москве Шимелиовича и известного еврейского буржуазного националиста Михоэлса.

Не отстают от «Известий» и другие периодические издания. Журнал «Новое время» помещает статью «Сионистская агентура американской разведки», газета «Труд» — статью «Сионистская агентура доллара», журнал «Знамя» — статью «Бдительность — острейшее оружие советских людей».

Атмосфера в стране была накалена до предела. Вспыхивали стихийные скандалы, драки на улицах, в квартирах, в общественных местах, в учебных заведениях. Люди отказывались идти на прием к врачам-евреям. Вся страна была заражена шпиноманией, каждый еврей считался потенциальным шпионом, убийцей, отравителем. Посыпались доносы, многим захотелось получить орден Ленина, как получила его врач Л. Ф. Тимашук, которая «разоблачила» группу кремлевских врачей.

Неожиданная смерть Сталина, главного дирижера этой антисемитской кампании, спасла еврейство СССР от полного уничтожения.

Уже 4 апреля было опубликовано Постановление Президиума Верховного Совета СССР, в котором говорится:

«Министерство внутренних дел СССР провело тщательную проверку всех материалов предварительного следствия и других данных по делу врачей, обвинявшихся во вредительстве, шпионаже и террористических действиях в отношении активных деятелей Советского государства.

Проверка показала, что обвинения, выдвинутые против группы врачей, являются ложными, а документальные данные, на которые опирались работники следствия, несостоятельными. Установлено, что показания арестованных, якобы подтверждающие выдвинутые против них обвинения, получены работниками следственной части бывшего Министерства государственной безопасности *путем применения недопустимых и строжайше запрещенных советскими законами приемов следствия.*

На основании заключения следственной комиссии, специально выделенной Министерством внутренних дел СССР для проверки этого дела, арестованные... полностью реабилитированы в предъявленных им обвинениях... и из-под стражи освобождены.

Лица, виновные в неправильном ведении следствия, арестованы и привлечены к уголовной ответственности».

В тот же день, 4 апреля, было опубликовано Сообщение Министерства внутренних дел СССР об отмене Указа от 20 января 1953 г. о награждении орденом Ленина врача Тимашук Л. Ф., как неправильного.

Газета «Правда» 6.4.1953 года поместила ста-

тью «Советская социалистическая законность неприкосновенна», в которой, в частности, говорится:

«Только люди, потерявшие советский облик и человеческое достоинство, могли прийти до незаконных арестов советских граждан, выдающихся деятелей советской медицины, до прямой фальсификации следствия, до преступного нарушения своего гражданского долга...

В Конституции СССР записаны великие права граждан Советского социалистического государства. Статья 127-я Конституции СССР обеспечивает гражданам СССР неприкосновенность личности.

Гражданин великого Советского государства может быть уверен в том, что его права, гарантированные Конституцией СССР, будут свято соблюдаться и охраняться Советским правительством».

Насколько это соответствует действительности, мы слышим на этом Конгрессе. Психушки, тюрьмы и убийства вместо свобод, увольнение с работы и бесконечные преследования за одно неосторожно сказанное слово. Это и есть те гарантии, которые обеспечивает советское правительство всем своим гражданам.

Казалось бы, что при таких декларациях можно бы ожидать восстановления равноправия еврейского народа и возрождения его духовной и культурной жизни.

Но до сегодняшнего дня положение еврейства в России таково:

1. В отличие от всех других верующих, у евреев России нет единого духовного центра.
2. Нет ни одной школы с преподаванием на

еврейском языке, нет никаких еврейских духовных заведений.

3. Ликвидирован последний передвижной «Театральный ансамбль» под руководством Шварцера. Официальная причина закрытия: все актеры преклонного возраста, кроме того, они не подготовили себе молодую смену.

4. При приеме в высшие и средние специальные учебные заведения установлена процентная норма для евреев. Она колеблется от 2 до 5%. В институты, готовящие кадры для оборонной промышленности, евреев вообще не принимают, их даже не допускают к конкурсным экзаменам.

5. Процентная норма установлена и при приеме на работу во многие государственные и учебные заведения.

6. Используется малейший предлог для увольнения с работы, особенно по отношению к лицам, попросившим характеристику для выезда в Израиль. При сокращении штатов в первую очередь увольняются евреи. Лишаются воинских званий, наград и пенсии инвалиды войны, изъявившие желание выехать в Израиль (Давидович и Кипнис в Минске).

7. Издается всего одна газета на идиш в Биробиджане и один ежемесячник в Москве.

8. Синагоги существуют только в больших городах, да и то не везде, причем посещение синагоги молодежью влечет за собой исключение из института, увольнение с работы и другие наказания.

9. Все время усиленно распространяются слухи о том, что Биробиджан нужно заселить, и если евреи не поедут туда добровольно, их будут выселять в принудительном порядке.

10. Ученые-евреи, изъявившие желание покинуть СССР, лишаются возможности заниматься профессиональной деятельностью. Проводить семинары им запрещено. Широко известны попытки проведения семинаров профессорами Воронелем, Зандом, Брановером.

11. Евреи — единственная нация в СССР, не имеющая своего современного национального искусства, культуры, литературы. Всякие попытки создания произведений любого жанра на еврейские темы немедленно пресекаются.

12. На местах массовых расстрелов евреев нацистами до сих пор нет памятников. Широко известны истории Румбульского кладбища в Риге и Бабьего Яра в Киеве. Мало того, проводится систематическое осквернение еврейских кладбищ, разрушение памятников и могил (например, в Одессе), причем никто никогда не был за это наказан.

13. Официально запрещены еврейские религиозные обряды: брит мила, бар мицва, хупа и др.

14. И, как вершина всего, поощрение ассимиляции. Дети от смешанных браков, как правило, не бывают евреями. Такой пример приводит в своих «Дневниках» Эдуард Кузнецов. Несмотря на все его требования считать его евреем — по национальности отца — его усиленно представляют как русского.

15. После Шестидневной войны в Израиле в СССР поднялась волна национального возрождения среди евреев. Появился повышенный интерес к истории, культуре, искусству и духовной жизни евреев. Так как удовлетворить эти запросы в Советском Союзе невозможно из-за полного отсутствия литературы и правдивой информации

по еврейскому вопросу и о государстве Израиль, то довольно широкое распространение получил еврейский Самиздат.

Начали создаваться кружки по изучению языка иврит, многие евреи выразили желание переселиться в Израиль.

Ответом властей на пробуждение национального еврейского самосознания были массовые репрессии: отказы в выездных визах, увольнения с работы, лишение средств к существованию, аресты, провокации в тех случаях, когда не к чему было придаться, и опять аресты и осуждение активистов движения за выезд в Израиль по обвинению в хулиганстве, тунеядстве, сопротивлению милиции, спекуляции и т. д.

На первом Ленинградском процессе была осуждена группа евреев за желание нелегально покинуть Советский Союз, причем до этого они неоднократно обращались в ОВИР за разрешением на выезд и им неоднократно отказывали. Все были осуждены на максимальные сроки заключения, а двое — Кузнецов и Дымшиц — приговорены к расстрелу. И только поднявшаяся в мире волна возмущения жестокими и бессмысленными приговорами спасла жизнь этим людям.

На втором Ленинградском процессе осуждена большая группа евреев за изучение языка иврит, за проявление интереса к Израилю и желание покинуть Советский Союз. Аналогичные процессы прошли в Риге, Кишиневе, Одессе, Свердловске и других городах.

По приказу КГБ были организованы провокации против Фельдмана в Киеве (осужден на 3,5 года по обвинению в хулиганстве), против Пинхасова в Дербенте (осужден на 5 лет по обвине-

нию в спекуляции), в настоящее время фабрикуется дело по обвинению Льва Ройтбурта из Одессы в сопротивлении милиции.

7 лет лагерей строгого режима получил Исаак Школьник по обвинению в шпионаже, хотя ни по роду своей деятельности, ни по уровню развития не мог выполнять такой работы. Причем вначале его обвиняли в шпионаже в пользу Англии, и только когда Англия заявила решительный протест, обвинение было изменено: в пользу Израиля, — а его адвокат отказался составлять кассационную жалобу под предлогом того, что все равно ничто не поможет.

Вот чем отвечают власти «самого демократического государства в мире» на духовные запросы своих граждан.

Ни для кого не секрет, что в настоящее время евреи Советского Союза являются предметом торговли, за определенные уступки западных стран часть евреев получает возможность покинуть пределы Союза. Но это еще не все. При отъезде им часто приходится слышать от официальных чиновников угрозы: «Мы вас и в Израиле добьем». И это не просто угрозы. Политика, проводимая Советским Союзом на Ближнем Востоке, направлена против существования государства Израиль, и они с удовольствием предоставляют оружие арабским странам и террористическим организациям для убийства евреев. Мало того, они приглашают в Москву Арафата — в качестве символа освободительного движения. Что ж, цели у Арафата и у кремлевских правителей одни и те же: уничтожение еврейского народа. И если учесть богатый опыт в этой области, который уже имеется у советских руко-

водителей, то я думаю, им есть чем поделиться с мистером Арафатом.

Теперь расскажу о себе.

Вчера мы заслушали показания г-жи Маркиш, которая рассказала, как она стала жертвой бесчеловечного эксперимента. Точно так же и я считаю, что я стала — совершенно случайно — жертвой противозаконных и преступных действий КГБ и советского правосудия.

Я никогда не была воинствующей сионисткой. Я ей стала в силу обстоятельств, меня ей сделали. Я происхожу из нерелигиозной семьи, очень простой и скромной, в которой не было никаких выдающихся политических деятелей. Я закончила среднюю школу, затем — библиотечный институт, потом работала в библиотеке...

Со временем у меня, естественно, возник вопрос: а кто я такая? что я знаю о еврейском народе?.. Я стала интересоваться Израилем: кто там живет и как? как туда можно попасть? Ко мне начали поступать материалы Самиздата — русского, еврейского, литовского, украинского, — самые разные материалы. Я стала читать их. Может быть, я иногда с кем-нибудь и делилась прочитанным, но этим и ограничивалась моя «деятельность». Однако в октябре 1970 года, совершенно неожиданно, ко мне явились пятеро работников милиции и предъявили мне ордер на арест. У меня произвели обыск — с целью изъятия денег, пишущей машинки и документов, украденных в средней школе, находившейся неподалеку от моего дома. Таким образом, с первых же дней следствия меня записали в уголовные преступницы.

После ареста шесть месяцев я находилась в полной изоляции, без всякой юридической помощи. Я требовала, чтобы мне дали учебники по юриспруденции, дали хотя бы Уголовный кодекс. Я получила отказ. Тогда я написала просьбу генеральному прокурору Руденко и получила такой же официальный отказ, мотивированный тем, что это не предусмотрено советским законом. Я не знала, что делать, следствие шло своим чередом, и в процессе его я решила: доказательств моей вины нет, мне ясно, что меня арестовали лишь потому, что я еврейка — работники КГБ хотели сфабриковать «дело» о наличии единой подрывной организации в Ленинграде, Риге, Кишиневе и Одессе. А раз меня посадили только за то, что я еврейка, то я заявила, что считаю своим долгом — долгом перед своим народом — говорить только на еврейском языке, и потребовала переводчика. По советским законам я имела на это право. Три месяца шел торг, переводчика я не получила. Я не отвечала ни на какие вопросы, не читала протоколы и, естественно, не подписывала их, но это никого не смущало.

Рассказывать о моем пребывании в тюрьме, о тех унижениях, которым меня подвергали, можно было бы очень долго. Приведу лишь один пример. Однажды меня вызвали на очередной допрос в КГБ. Меня — как особо важного государственного преступника — возили из тюрьмы в КГБ в отдельной машине. И хотя в машине находились только конвоир и я, мне велели зайти в бокс (бокс — это маленькое отделение, которое создано для того, чтобы изолировать одних заключенных от других, если их в машине не-

сколько). Я забралась в это крошечное отделение с большим трудом, мне пришлось «сложиться» почти вдвое, чтобы можно было закрыть дверь. Когда меня довели до КГБ, я была в полуобморочном состоянии, так что даже допрос пришлось начать гораздо позже, чем было намечено... И после окончания допроса, когда мы вышли, я обратилась к конвоиру, сказала, что плохо себя чувствую и так как в машине больше никого нет, я разговаривать ни с кем не могу, — прошу не сажать меня в бокс. В ответ я услышала: «Шевелись! Живее залазь!» Тогда я сказала, что вообще в машину не сяду и села на землю, на асфальт во дворе КГБ. Конвоир повернулся, через две минуты вышел с железными наручниками и защелкнул их у меня на руках, причем защелкнул так, что они моментально врезались в кожу. От боли я взывала — в полном смысле этого слова — и, вскочив с земли, в наручниках, бросилась на конвоира. Я хотела его убить, я не отдавала ни в чем себе отчета — от этой жуткой боли. Он отскочил в сторону; услышав мои крики, выбежали человек двадцать сотрудников КГБ. Они все стояли вокруг, сочувственно кивая головами, все возмущались: как это так — недели женщине наручники, что вы сделали, немедленно снимите, — но почему-то в течение десяти минут не могли найти ключ от этих наручников. Когда их сняли, руки у меня уже не действовали. Приехав в тюрьму, я потребовала врача, чтобы он зафиксировал у меня побои. Долго мне пришлось настаивать на этом, почти два дня, но даже и тогда было не поздно — у меня следы на руках были ровно месяц. Это — к вопросу о том, что сейчас очень вежливо разговаривают в тюрьмах,

очень вежливо вас принимают и вежливо издеваются.

Такого садизма, который применяется сейчас, при советском следствии, вы нигде не найдете. Вам могут преспокойно на следствии преподнести такой комплимент: «Вы знаете, вы очень хорошо выглядите, вам, наверно, хорошо в тюрьме. Как вы себя чувствуете?» — «Ничего...» — «Так вот, я вчера должен был вызвать вашу мать на допрос, а мне сообщили, что она серьезно заболела, и я пошел ей навстречу, решил отложить допрос»... Как бы вы себя чувствовали, если бы вам такое преподнесли после пяти месяцев изоляции? Я реагировала соответственно: я тут же объявила голодовку — пока мне не дадут свидания с родителями. Голодать мне пришлось пять дней, и то только потому, что я сообщила об этой голодовке на Запад, информация была передана очень оперативно, поднялась волна протеста, власти моментально сдались: мне было дано свидание. Причем родители не были предупреждены, и эти «милые, очень культурные, очень воспитанные» советские чекисты искали их по всей Одессе, нашли их на какой-то улице, где они прогуливались, и привезли в КГБ. Они подумали, что их арестовали. И так тоже бывает.

Наконец подошел суд. Появился адвокат. Консультироваться мне с ним было не о чем, мы четыре дня читали документы и все «дела», которые мне предъявили. И даже я, которая была уверена в том, что нет никаких доказательств моей вины, я была удивлена, насколько все это было скудно, насколько все это было прозрачно, насколько все это было придумано от

начала и до конца. Достаточно вам сказать, что обвинение вызвало в суд 13 свидетелей, из них в обвинительном заключении остался один. Значит фактически на основании показаний одного свидетеля меня присудили к двум годам советских лагерей. Причем приведу только одно показание этой свидетельницы: она утверждала, что в мае 1970 года она у меня на квартире в Одессе, (улица Якира, 23, кв. 1) получила 15 документов Самиздата. После этого, в конце мая, она уехала за границу, к своей дочери, которая жила на Кубе, и вернулась только через два месяца. Значит в это время она меня никак не могла посетить. Но квартиру эту я получила только в августе 1970 года; это был новый дом, и только в августе 1970 года его сдали в эксплуатацию. Вот цена тех свидетельских показаний, на основании которых меня осудили.

И еще одно: меня судили в день рождения. Сначала суд был назначен на 17 июня, потом они сообразили, что у меня через неделю день рождения, и перенесли суд на 22 июня.

Расскажу о том, с кем я столкнулась в лагере. Я сидела не в политическом, а в уголовном лагере, причем меня послали в венерическую зону. На Украине существует пять женских лагерей. *Только женских*: два строгого режима и три общего, в каждом — от полутора до двух тысяч женщин. Одна зона из них — венерическая. Нашли, что она для меня подходит... Этого мало: там были люди с открытым туберкулезным процессом, они жили в той же комнате, что и я. А жили мы по 60-70 человек вместе, в одной комнате. Работали на фабрике. Работа была двенадцатичасовая, хотя законом предусмотрен

восьмичасовой рабочий день; фабрика работала не переставая, в две смены: с трех до трех и с трех до трех. Я отказалась так работать — меня попытались избить: была устроена провокация на третий день после моего приезда в лагерь.

«Воспитывают» там людей голодом, карцером, непосильным трудом и натравливанием одних заключенных на других. Меня посадили в карцер на 7 суток. За что? Я не вышла на ленинский субботник. Я отказалась носить бирку, на которой было бы написано мое имя, фамилия и отчество. Я «оскорбляла активистов», называла их фашистскими овчарками. (Активисты — это уголовники, которым было поручено меня терроризировать, и они это с большим удовольствием делали.)

Я хочу кратко осветить еще одну проблему, о которой здесь не говорили. Со времен Хрущева для отбытия наказания введено такое понятие как «химия». То есть заключенные, которые получили срок до трех лет по уголовным статьям, могут этот срок отработать на стройках народного хозяйства по направлению суда. Их направляют на место работы, им дают работу, и они не вправе от нее отказываться. За это им возвращают паспорт, они живут в общежитиях под надзором милиции (но имеют право уехать в отпуск один раз в год) и обязаны беспрекословно выполнять все приказы начальства. Что получается? Людей отправляют на эту «химию». Проходит какое-то время, человек в чем-то провинился: не вышел на работу, запил, подрался с кем-то или что-нибудь в этом роде. Его возвращают в лагерь, и то время, которое он работал на стройке, ему не засчитывается. Он начинает

отбывать срок наказания с первого дня. Причем практикуется также отправка людей из лагеря «на химию» перед амнистией. Так было, например, в 1972 году, когда знали, что будет амнистия к пятидесятилетию образования Советского Союза — за два месяца до этого тех людей, которые могли попасть под амнистию, отправили на «стройки народного хозяйства». Когда объявили амнистию, амнистировать было некого. По этой амнистии освободилось около 20 человек из числа инвалидов, которые не могли работать. И всё. Это — из тысячи пятисот. Зато те же женщины, которые ушли на стройку, через три месяца начали возвращаться в лагерь. По тем же причинам: подралась, пропьянствовала где-то, не вышла на работу и т. д.

В нашей бригаде была молодая девушка, которой из трех с половиной лет оставалось шесть дней до конца срока. Она подралась со своей подружкой, которая у нее украла вещи. Ее вернули в лагерь, и она все три с половиной года отработала еще раз. Вот цена советского правосудия.

Вопросы членов жюри и ответы свидетельницы Рейзы Палатник

Вопрос. В среду на прошлой неделе, когда было «противослушание» со стороны советской делегации, говорилось, что 98% всех евреев, желающих выехать из СССР, получают разрешение, но что фактически очень немногие хотят эмигрировать. Есть ли у вас точные сведения об этом?

Ответ. Выезжают из СССР только по вызову. Количество посланных из Израиля вызовов подходит к 140 тысячам. В месяц Советский Союз выпускает сейчас 600, 700, иногда 900 человек. Если это — 98%, то я не знаю арифметики.

Вопрос. За что сидели люди в лагере общего режима, где сидели вы?

Ответ. Половину или даже больше заключенных составляли женщины и девушки до 25 лет, осужденные, в основном, за мелкое воровство. Вторая категория — женщины более старшего поколения, осужденные за хищения у государства. Третья категория — сидящие за различного рода ограбления, бандитизм и т. д. Еще была одна категория: женщины-убийцы. И небольшая прослойка была из «тунеядцев» — тех, кто, по советским понятиям, уклоняется от общественно-полезного труда. Причем среди людей этой категории было очень много психически ненормальных людей. Очевидно именно поэтому они и не могли трудиться, что, однако, не помешало посадить их в лагерь. Кстати, они и в лагере не работали. И кроме того, было человек 6-7, которых я знала, осужденных за религиозные убеждения.

Вопрос. Были ли там люди, осужденные по ст. 190?

Ответ. Была еще одна женщина — Лидия Михайловна Винс, осужденная за письма протеста, которые она написала в защиту своего сына. Кстати, я забыла упомянуть, что в обвинительном заключении по моему делу фигурировали — как доказательство моей виновности, письма, которые я писала, протестуя против незаконных следствия и положения в тюрьме.

Вопрос. Кроме евреев, есть еще другая нация, рассеянная по всему Советскому Союзу, это — поляки. По советской статистике, там их больше миллиона, по польской статистике — почти два миллиона. Встречали ли вы, когда были в тюрьме, поляков?

Ответ. Нет, не встречала.

Вопрос. Мог ли ваш адвокат эффективно отстаивать ваши интересы?

Ответ. Адвокат у меня появился лишь за две недели до окончания следствия, отчего я так настойчиво требовала, чтобы мне дали изучать юридические документы. Приводила в пример Анджелу Дэвис, в защиту которой в СССР тогда велась очень широкая кампания: с ней адвокат встречался три раза в день, и она имела все условия для подготовки к процессу. Но это в капиталистической стране, на «загнивающем Западе». В «самой демократической» — всё иначе. Адвоката наняли мои родственники. Я с ним познакомилась уже в процессе окончания следствия. Я его не знала. Что из этого получилось? Адвокат, вразрез с моим утверждением, что я себя виновной не признаю и никогда не признаю, — признал меня виновной, что даже по советскому законодательству служит причиной для пересмотра дела новым судом. Однако эта причина не была принята во внимание. Поэтому когда мое дело разбиралось в кассационном суде, у меня был другой адвокат. (Прежнему адвокату я, естественно, дала отвод, поскольку он не защищал мои интересы: он даже не сказал мне, что я имею право познакомиться с протоколами суда, и мне пришлось затребовать протокол суда, когда он уже был в кассационном суде.

Протокол вернули, я написала свои замечания и только через три месяца разбирали мою кассационную жалобу.) Этот другой адвокат, как мне говорили (я не присутствовала на суде, но там были мои друзья, в том числе и юристы), очень аргументированно и веско доказал полную необоснованность приговора по моему делу. И приговор был оставлен в силе.

Леонид Забелышенский

Нарушение права на выезд

Уважаемые члены следственно-судебного заседания!

Среди многочисленных нарушений прав человека в СССР сегодня одним из самых вопиющих является нарушение права на выезд. Об этом я хочу рассказать в своих свидетельских показаниях.

Мои свидетельские показания основаны на фактах моей собственной жизни и свидетельствах других людей, передавших мне свои показания для приобщения к материалам настоящего «Слушания».

С 1971 года, я, проживавший в то время в СССР, в г. Свердловске, после своего обращения к советским властям с просьбой о разрешении на выезд в Израиль (середина октября 1971 года) столкнулся с многочисленными случаями нарушения прав человека и советского законодательства. Город Свердловск — это закрытый для иностранцев город на Среднем Урале, между Москвой и Новосибирском, с населением более

миллиона человек, из которых примерно 14.000 составляют евреи.

В СССР от каждого, кто обращается с просьбой о разрешении на выезд за границу на постоянное жительство, требуют представить так называемый «вызов» от родственников, проживающих в стране, куда подающий заявление намеревается выехать. Мне лично было заявлено, что без такого «вызова» у меня даже не будет принято заявление с просьбой о разрешении выехать. Я хочу обратить внимание на то, что требование о представлении такого «вызова» является фактически нарушением ст. 13, п. 2, Всеобщей декларации прав человека и ст. 12, п. 2, Международного пакта о гражданских и политических правах, так как право покинуть страну тем самым ограничивается и сохраняется только для лиц, имеющих родственников за границей данной страны. Понимая, что заставить советские власти уважать права человека в полном объеме невозможно, я стал ждать получения по почте приглашения от родственников (так называемый «вызов») из Израиля. Но проходили недели, а отправленное по почте из Израиля приглашение ко мне не поступало. Дело в том, что, в нарушение Международных почтовых правил, ст. 12 Декларация прав человека (о праве на тайну личной корреспонденции) и советских законов (о запрещении задержки корреспонденции без санкции прокурора), по указанию органов Комитета государственной безопасности СССР присланный по почте на мое имя «вызов» задерживался властями. В результате я не имел возможности даже подать заявление о желании выехать. В то же время мне было сообщено,

что потребуется также характеристика с места моей работы.

Требование представить характеристику незаконно. Незаконны и требования представить письменное согласие ближайших родственников (родителей, детей, разведенных супругов), проживающих в СССР, на выезд из СССР лица, подающего заявление. Все эти незаконные действия предпринимаются для того, чтобы создавать препятствия к выезду и обеспечивать возможность всяческих репрессий по отношению к желающим выехать.

В то время как я напрасно ожидал получения «вызова», я подвергся первой репрессии — был уволен с работы в Уральском политехническом институте, где я работал ассистентом на кафедре вычислительной техники. Мои попытки найти работу по специальности (радиоинженер) были безрезультатны, т. к. органы КГБ дали указание не принимать меня на работу. Моя жена была вынуждена уволиться с работы, поскольку ей дали понять, что ее уволят с теми же последствиями, что и меня, если она сама не оставит работу. Таким образом мы оба оказались безработными в СССР, где нет пособия по безработице. Приходилось существовать на случайные заработки (иногда ненадолго удавалось устроиться работать грузчиком, пока власти не обнаруживали место моей работы и не увольняли вновь).

Мои многочисленные протесты по поводу задержания «вызова» органами КГБ закончились тем, что через 2,5 месяца я наконец получил «вызов» на руки, и у меня приняли заявление и другие документы для выезда. Я думал, что теперь

нужно только дождаться ответа, т. е. получения разрешения на выезд. Я был уверен, что ждать придется недолго (согласно Указу Президиума Верховного Совета СССР — не более месяца) и что нет никаких причин в отказе в выдаче выездных виз моей семье. В действительности оказалось что репрессии, которым я подвергся после того, как заявил о своем желании выехать из СССР, были только началом, что впереди меня ждут еще более тяжелые испытания.

Прежде чем перейти к последующим событиям, я хочу довести до сведения «Слушания», что многие лица в СССР, обращающиеся к властям с просьбой о выезде, месяцами и даже годами не получают на руки «вызов», подвергаются увольнению с работы, публичному осуждению на собраниях, лишению средств существования путем отказов в приеме на работу где бы то ни было. Примеров тому можно привести сотни, назову здесь фамилии ныне осужденных А. Фельдмана из Киева, близнецов-виолончелистов Л. и А. Вайнман из Харькова, а также Д. Хавкина, А. Рубина, И. Шнайдера и присутствующего здесь А. Шифрина. Время от времени в разных городах «вызовы» не доставляются практически никому (так было в Киеве в начале 1971 г., а в настоящее время — в Ленинграде). КГБ оказывает давление на родственников этих людей с тем, чтобы они не давали своего согласия на выезд. Наиболее известные, нашумевшие в мире примеры этого: семья Г. и В. Пановых (Галине мать отказывала дать разрешение); семья Темкиных (разведенная жена воспрепятствовала выезду дочери с отцом); можно назвать также семью И. Гольдфарба из Киева, жена которого

не могла длительное время добиться разрешения родителей; братьев Вайнман, так и не добившихся разрешения родителей и привлеченных в конце концов к суду, и множество других.

Очень часто люди месяцами не могут получить даже характеристику с места работы, хотя давно уже уволены с этой работы по распоряжению КГБ. Таковы случаи В. Полтинниковой из Новосибирска, А. Фельдмана из Киева, В. Слепака из Москвы, А. Райхмана из Одессы и сотен других людей.

Я прошу приобщить к документам данного «Слушания» свидетельские показания нескольких человек, проживающих сейчас в Израиле, об аналогичных преступлениях и репрессиях против них в СССР, а также показания родственников тех, кто все еще находится в СССР.

Прежде чем рассказать о репрессиях, обрушившихся на меня после того, как в конце декабря 1971 года у меня приняли заявление о выезде, я хочу остановиться на том, что происходило в Свердловске начиная с декабря 1970 года. В то время 10 евреев подписали открытый протест против приговора суда в Ленинграде по известному «самолетному» делу. Последовали обыски, собрания на работе — с разносом, увольнения с работы и, наконец, арест одного из подписавших: Валерия Кукуя. Вскоре после этого в свердловских газетах появились разгромные статьи о Валерии Кукуе и других, хотя и не арестованных, но уже получивших отказы в разрешении на выезд в Израиль. В июне 1971 года состоялся «суд» над Валерием Кукуем, который приговорил его к трем годам лишения свободы, хотя все свидетели заявили на суде, что давали ложные по-

казания на следствии, подвергаясь угрозам и давлению КГБ.

Ко времени моего первого обращения к властям с просьбой о разрешении выехать из СССР в Свердловске уже было несколько евреев, получивших неоднократные отказы в выезде и подвергшихся за свое желание уехать разного рода репрессиям. После увольнения с работы я оказался также в их числе. За каждым из нас была установлена незаконная слежка со стороны органов КГБ, каждое письмо из-за границы перед вручением его нам просматривалось и с него снимались копии, денежные переводы вообще не вручались, каждый телефонный разговор с родными и друзьями за границей прослушивался и записывался. КГБ тщательно собирало в тайные досье все наши открытые протесты и обращения по поводу нашего отчаянного положения и пыталось засылать в нашу среду осведомителей.

Власти ответили на мое заявление о выезде из СССР только спустя 3,5 месяца, в апреле 1972 года. Это был отказ в выдаче выездных виз для моей семьи. Мне было сказано, что основания для отказа были следующие: во-первых, наличие у меня разрешения на работу с секретными материалами в Уральском политехническом институте; во-вторых, возражение моего отца против моего выезда, а в-третьих, отсутствие у меня в Израиле родственников (мой отец якобы утверждает, что полученный мною «вызов» — «фальшивка»). Мои возражения, что, во-первых, я никогда не работал с секретными материалами, несмотря на наличие формального разрешения (это подтвердила и администрация института, где я работал до увольнения), и что, во-вторых,

мой отец сделал свои заявления под давлением, были попросту проигнорированы. Таким образом, я остался и без возможности выехать из СССР и без средств к существованию.

Вскоре в газете «Вечерний Свердловск» появилась новая разгромная статья по нашему адресу, и мы поняли, что власти готовят новый арест. Действительно, состоялось собрание на работе у Владимира Маркмана, который уже больше года безуспешно добивался выездной визы. На собрании ему было сказано, что если он прекратит свою «деятельность», то будет повышен в должности и получит новую квартиру, в противном случае его ждет тюрьма.

В ответ на это Маркман уволился с работы, а через несколько дней был арестован. Ему было предъявлено обвинение в распространении клеветы на советскую действительность, в хулиганстве и разжигании национальной розни среди населения.

В мае 1972 года, во время так называемого «следствия» по делу Маркмана, ожидавшего своей участи в Свердловской тюрьме, я был арестован на 5 суток, в течение которых власти пытались угрозами добиться от меня нужных им показаний против Маркмана. Поскольку эта попытка провалилась, было принято решение в дальнейшем усилить репрессии против меня.

В августе 1972 года состоялся «суд» над Маркманом, приговоривший его к трем годам лагерей строгого режима. Чтобы «доказать» виновность Маркмана, власти использовали даже записи телефонных разговоров Маркмана с Израилем, сделанные при помощи подслушивающей аппаратуры, и использовали также показания

телефонистки, которая не постеснялась признать-ся на суде, что она подслушивала разговоры по указанию властей. То, что подслушивание телефонных разговоров по законам СССР является преступлением, нисколько не смущало «судей». Ведь «судили» они не КГБ, а Маркмана, который хотел выехать в Израиль, а поэтому — все средства хороши, даже преступные, ведь решение, что Маркман «виновен», было принято еще до суда. Кроме приговора Маркману, «суд» принял, в нарушение процессуального законодательства СССР, также частное определение о необходимости привлечь меня к уголовной ответственности.

Власти продолжали препятствовать моему устройству на какую-либо работу, и в то же время я получал новые отказы в получении выездных виз. Они усилили репрессии и против других евреев, желающих выехать. Так, например, жена Маркмана накануне «суда» над ее мужем была уволена с работы и осталась без средств к существованию.

В октябре 1972 года меня вызвали в милицию, где мне угрожали привлечением к уголовной ответственности за «тунеядство», а в ноябре эти угрозы были повторены еще раз, хотя не работал я по вине властей. После того как мне в конце декабря с большим трудом удалось устроиться на работу по специальности, власти начали высказывать те же угрозы жене Маркмана, обвиняя ее в «тунеядстве» и «спекуляции».

С декабря 1972 года я неоднократно получал новые отказы в выдаче мне выездных виз в Израиль, письма из-за границы и за границу властями перехватывались, была оборвана телефон-

ная связь с заграницей. Слежка за нами продолжалась.

В мае 1973 года меня снова уволили с работы за то, что я принял участие в сидячей забастовке московских евреев в приемной ЦК КПСС в Москве, требовавших освобождения всех евреев, лишенных свободы за желание выехать в Израиль. Власти поставили меня в условия полной невозможности найти какую бы то ни было работу. Обращение в МВД в Москве о пересмотре отказа выдать выездные визы привело лишь к новому отказу.

Жена Маркмана подала в МВД в Москве жалобу на действия властей в Свердловске, угрожавших ей тюрьмой. Получил отказ в выдаче выездной визы еще один еврей в Свердловске — Владимир Злотвер, недавно отслуживший в Советской армии, а потому, по мнению властей, не имевший права на выезд.

В августе 1973 года жена Маркмана неожиданно получила разрешение на выезд и выехала в Израиль. Накануне ее отъезда меня снова вызвали в милицию и снова угрожали лишением свободы за «тунеядство». После того как в сентябре провалилась попытка властей обвинить Владимира Злотвера в том, что он принимал участие в одном из грабежей в Свердловске, он получил в октябре 1973 года разрешение на выезд и выехал в Израиль. Накануне его отъезда, 23 октября 1973 года, меня вызвали в милицию и арестовали, обвинив в «тунеядстве».

В это время во многих городах СССР власти приняли решение обвинять арестованных за желание выехать из СССР евреев в совершении чисто уголовных преступлений. Так, например,

в Киеве было сфабриковано дело о «хулиганстве» Фельдмана. В Виннице и Бендерах фабриковались аналогичные обвинения. К настоящему времени, за редкими исключениями, из евреев фабрикуются «хулиганы», «тунеядцы» и т. д. почти повсюду. Но в то время, когда меня арестовали, происходил только переход к такой тактике, поэтому власти в Свердловске намеревались обвинить меня также в клевете на советскую действительность. Со дня ареста и вплоть до конца ноября меня содержали в тюрьме без допросов и предъявления каких-либо новых обвинений. В то же время меня дважды переводили в специальные камеры для арестованных по политическим мотивам, что свидетельствовало о попытке выдвинуть против меня новые, более серьезные обвинения.

На первом же допросе в конце ноября я понял, что «дело» мое уже сфабриковано, так как в нем было уже много страниц, а следователь допрашивал меня только для проформы. На третьем допросе я узнал, что на следующий день после моего ареста у меня на квартире был произведен обыск (в нарушение закона — без моего присутствия). Но ничего при обыске не было найдено такого, что позволило бы обвинить меня в более серьезных «преступлениях». Кроме того, как я узнал впоследствии, мой арест вызвал возмущение еврейской общественности за границей. Все это, по-видимому, повлияло на решение властей ограничиться уже предъявленным мне обвинением в «тунеядстве», хотя по этому обвинению меня могли лишить свободы на срок не более одного года. В конце декабря был проведен «суд». Во время судебных заседаний на

имя судьи поступали многочисленные телеграммы с протестами из-за границы. «Суд» продолжался 4 дня. Власти воспрепятствовали приглашению для моей защиты адвоката из Москвы, а также вызову свидетелей, которые могли бы дать неудобные им показания. Хотя на «суде» стало ясно, что обвинения против меня несостоятельны, приговор гласил — 6 месяцев лишения свободы в лагере общего режима. Несмотря на то, что судебное разбирательство не было закрытым, власти не допускали в зал заседания «суда» некоторых евреев, устраивали многочисленные противозаконные личные обыски моих родственников, присутствовавших в зале. Они опасались, что заседание этого «суда» будет кем-нибудь сфотографировано и записано на магнитофонную пленку. Моей жене во время «суда» и после него — вплоть до утверждения приговора Свердловским областным судом в конце января 1974 года, — неоднократно угрожали лишением свободы в связи с тем, что информация о «суде» попадала за границу.

В начале февраля 1974 года я был переведен из Свердловской тюрьмы в лагерь общего режима УЩ 349/43 в г. Свердловске. 20 марта мне было приказано выезжать с группой заключенных на строительство сооружений для очистки промышленных сточных вод. Меня заставили носить носилки с раствором цемента для заделывания швов бетонированного котлована. Мы должны были носить раствор по бетонной стене, разделявшей котлован надвое и не огражденной в соответствии с элементарными нормами техники безопасности.

За время моего пребывания в тюрьме в ре-

зультате плохого питания и отсутствия свежего воздуха я очень ослаб физически и не способен был выполнять такую тяжелую и опасную работу. Уже через 20 минут носилки выскользнули из моих рук, у меня закружилась голова, я потерял равновесие и упал на дно котлована глубиной 6 метров. С большим трудом мне удалось выбраться из него и потребовать доставить меня в лагерь, так как я чувствовал сильные боли в спине и голове. Через 4 часа меня доставили в лагерь и поместили в лазарет. Через 6 дней меня выписали из него с диагнозом «здоров, может работать», хотя у меня были сильные боли в спине. Мне было отказано в рентгеновском обследовании. В течение нескольких дней после этого я несколько раз требовал обследования, но никакой медицинской помощи не получил. А начальник лагеря решил наказать меня за то, что я уклоняюсь от работы и не выполняю нормы (меня заставляли копать в мерзлом грунте глубокую яму). Наказание — 10 суток штрафного изолятора. Условия содержания в нем во всех лагерях такого типа следующие: неотопливаемое помещение (температура наружного воздуха была в то время ниже нуля) типа «бетонный мешок» (1 м × 2 м × 3 м), никаких постельных принадлежностей и теплой одежды, горячая пища только один раз в двое суток (в остальное время — вода и кусок отворотительного хлеба), никаких прогулок на свежем воздухе. Таким образом последние 10 суток моего шестимесячного заключения оказались самыми тяжелыми. В знак протеста я объявил голодовку. На четвертый день ко мне в изолятор явился прокурор по надзору и обещал проверить правильность наложен-

ного на меня наказания. Я прекратил голодовку, но обещание прокурора так и не было выполнено.

За три дня до освобождения ко мне явился представитель свердловского КГБ майор Абрамов, потребовал, чтобы я после освобождения из лагеря в течение месяца не ездил в Москву, и предупредил, что иначе меня снова арестуют. 23 апреля 1974 года я был освобожден из лагеря и с большим трудом, еле держась на ногах, добрался до дома.

На следующий день я обратился к врачу. При рентгеновском обследовании у меня был обнаружен перелом позвоночника (компрессионно-отрывной перелом тела 5-го позвонка) и мне рекомендовали немедленно лечь в больницу. В больнице я провел три недели, после чего мне был наложен гипсовый корсет, который я должен был носить в течение трех месяцев, до полного выздоровления. Мне было запрещено сидеть и ездить на любом виде транспорта.

В июле 1974 года, после моего выхода из больницы, ко мне домой пришел работник КГБ, не назвавший своей фамилии, и сообщил, что мне будет выдано разрешение на выезд в Израиль, но мне запрещено приезжать в Москву во время проходившего тогда визита Никсона. Через два дня после визита Никсона мне сообщили, что нам выданы выездные визы со сроком действия до 25 июля 1974 года. Власти требовали немедленного выезда, желая усугубить мое физическое состояние, так как они знали, что я все еще болен и не могу пользоваться транспортом. Мне было заявлено, что по мнению врачей из больницы, где я лечился, я вполне здоров, хотя никакого

дополнительного обследования моего состояния здоровья не проводилось.

12 августа 1974 года мы прибыли в Израиль, и мне пришлось еще месяц лечиться, чтобы действительно выздороветь.

В заключение я хотел бы обратить внимание «Слушания» на то, что и по настоящий день в СССР продолжаются репрессии против лиц, желающих выехать из СССР на постоянное жительство за границу. Очень многих юношей исключают из высших учебных заведений после подачи заявления на выезд и призывают на службу в Советскую армию. Таким образом все то время, что он служит в армии, такой юноша не может выехать, и, кроме того, в дальнейшем, он получает отказы в течение многих месяцев и даже лет из-за «знакомства» с советской военной техникой. Тех, кто отказывается служить в армии, арестовывают и присуждают к длительным срокам тюремного заключения.

Только что прибыл в Израиль Г. Берман, отбывший три года заключения за подобное «преступление».

Призваны были в армию после подачи заявления на выезд Л. Спивак и Б. Миндель в Новосибирске, И. Кольчинский в Харькове. Длительное время подвергался репрессиям Ю. Тартаковский в Киеве, так как он уклонялся от получения незаконного призыва в армию (он уже вышел из призывного возраста, и к тому же был в свое время освобожден от службы в армии из-за слабого здоровья).

Часто власти используют факт службы в армии как формальный повод для отказа. Так, А. Фельдман в Киеве пять лет назад использо-

вался в армии как строительный рабочий (копал землю), но отказ ему был дан из-за «военных секретов», которыми он якобы обладал.

Многие семьи в течение многих лет продолжают получать отказы в выдаче выездных виз (например, Слепак из Москвы — 5 лет, К. Фридман из Киева — 3 года, Полтинниковы и Ройзман из Новосибирска — 4 года, там же Сойфер и Файнберг — более двух лет, Злотвер из Свердловска — более года, М. Магер из Винницы — более 4 лет. Во всех этих случаях половина семьи уже находится в Израиле).

Эти люди годами живут в условиях постоянной слежки, под угрозой тюремного заключения, изъятия личной корреспонденции, отключения домашних телефонов, без работы и без средств к существованию.

Иногда власти отказывают в выезде только потому, что один из членов данной семьи, будучи за границей, эмигрировал без разрешения советских властей (семья известного виолончелиста Виктора Юрана с 1969 года получает отказы в разрешении на выезд).

Бывают случаи насильственного помещения лиц, подающих заявление о выезде, в психолечебницы, где над ними производят противозаконные медицинские эксперименты, разрушающие их психику (Хаим Гилель из Вильнюса). Бывают случаи лишения родительских прав на несовершеннолетних детей и насильственное удержание таких детей в СССР на этом основании (случай с Александром Темкиным и его дочерью).

Прилагаю лишь несколько документированных материалов по случаям многолетней задержки выезда семейств из СССР за границу. Описать и

даже перечислить все случаи я, конечно, не могу, так как в ожидании выезда сегодня в СССР находится, по официальным данным, опубликованным в Израиле, более 150 тысяч семей, судя по посланным и до сих пор нереализованным «вызовам». Даже министр иностранных дел СССР Андрей Громыко недавно признал на одной из пресс-конференций, что только по причинам «секретности» власти задерживают 1700 семей. О характере этой «секретности» можно судить по прилагаемым мною документам о докторе Полтинникове из Новосибирска. Он врач-офтальмолог, на пенсии с 1971 года. Тем не менее ему с женой и взрослой дочерью выезд запрещен, хотя сам начальник Центрального ОВИРа генерал Вереин еще в 1973 году признал полное отсутствие у этой семьи знаний каких-либо секретов.

За последнее время участились случаи арестов евреев, годами не получающих разрешений выехать из СССР и продолжающих добиваться осуществления своего права на выезд. Все эти люди приговариваются к различным срокам тюремного заключения. Так, только за последнее время арестованы и осуждены Ройтбурд (из Одессы), Малкин (из Москвы), Сильницкий (из Краснодара).

Все то, что я здесь рассказал, свидетельствует о тенденции советских властей всевозможными репрессиями запугать евреев в СССР и предотвратить возможные подачи заявлений на выезд в Израиль. Именно с этой целью в каждом городе СССР, где есть желающие выехать, систематически проводится «профилактика» КГБ: на виду у всех одна или несколько семей подвергаются

разного рода репрессиям (угрозы убийства, избиение на улице «хулиганами», взломы квартир, запугивание в КГБ, что они могут стать жертвами «хулиганов» и т. д.). А для успокоения и дезориентации общественного мнения в мире некоторые семьи получают разрешения на выезд.

Среди национальных групп, борющихся за выезд из СССР, основной удар властей направлен против евреев — очевидно, потому, что они первыми начали легальную массовую борьбу за выезд из СССР и стали катализатором для других. Поэтому власти всячески стремятся прекратить выезд евреев из СССР и репрессиями по отношению к ним запугать всех остальных, желающих выехать.

Я надеюсь, что мои показания помогут осознать свободному миру хоть часть того ужаса, в котором живут люди в СССР, именуящем себя оплотом демократии, а на самом деле являющемся большим концентрационным лагерем.

Вопросы членов жюри и ответы свидетеля Леонида Забелышенского

Вопрос. Существуют ведь определенные положения о выезде из страны и въезде в страну. Как они применяются по отношению к советским гражданам?

Ответ. Большинство из тех, кто подает документы на выезд, конечно, знают о Декларации прав человека, Пакте о гражданских и политических правах, но когда люди обращаются в органы, непосредственно ведающие выездом, им го-

ворят, что декларация декларацией, пакт пактом, а мы руководствуемся в своей работе, т. е. в том, выдавать или не выдавать разрешения на выезд, только теми инструкциями, которыми нас снабжают вышестоящие инстанции, только эти инструкции мы и выполняем. Как показывает опыт, в большинстве случаев эти инструкции направлены на ограничение прав, установленных соответствующими международными документами, официально признаваемыми правительством СССР.

Вопрос. Мы слышали, что бывают случаи, когда люди, попросившие разрешение на выезд в Израиль, теряют работу. Как обеспечивается работой население СССР? Как юридически отказывают в работе человеку? Ведь подача заявления на выезд не может быть причиной увольнения... Каков минимальный срок для увольнения с работы?

Ответ. Конечно, когда человека увольняют с работы после того, как он подал заявление или (как было в моем случае) сообщил о том, что хочет выехать, — не говорят, что его увольняют в связи с желанием эмигрировать из Советского Союза. Например, в моем случае сказали, что я не соответствую занимаемой должности как воспитатель студентов — хотя кафедра, где я работал, только что дала мне прекрасную производственную характеристику, и мои студенты никогда не жаловались на уровень моей квалификации. Так происходит практически во всех случаях.

Вопрос. Но могут ли вас в любой день выгнать с работы? Какие правила существуют для увольнения?

Ответ. Если человек работает в учебных заведениях, в редакциях газет и в других учреждениях, которые, по мнению представителей властей, как-то связаны с идеологией, то обращаться в суд по вопросу об увольнении он не может, оспаривать решение об увольнении он может только обращаясь к своему начальству. Так было в моем случае. Если же человек по закону и может обжаловать свое увольнение, то и здесь я не знаю ни одного случая, когда бы суд восстанавливал такого человека на работе, хотя бы и не было никаких оснований для увольнения.

ЗАБЕЛЫШЕНСКИЙ Леонид, род. 31 января 1941 года в г. Свердловске. В 1964 г. окончил Уральский политехнический институт по специальности «радиоэлектроника». Работал старшим инженером в Уральском политехническом институте, затем ассистентом кафедры вычислительной техники — вплоть до подачи в 1971 г. заявления с просьбой о выдаче выездной визы в Израиль. В течение последующих почти трех лет был лишен возможности устроиться на работу; в то же время получал постоянные отказы в разрешении на выезд. Подвергался постоянной слежке, угрозам и различного рода репрессиям. Был активным участником борьбы за осуществление права на выезд из СССР. В ноябре 1973 г. был арестован и приговорен к 6 месяцам лишения свободы. Во время пребывания в заключении получил тяжелую физическую травму — перелом позвоночника. В августе 1974 г. выехал из СССР в Израиль.

Ингеборг Левитс

Политика КПСС — политика русификации

Мои показания касаются губительной политики Советского Союза по отношению к Латвии, стране, которую Советский Союз пытается полностью русифицировать.

Эта политика состоит из многих аспектов. Она началась с массовой депортации гражданского населения в 1940-41 гг. и в первое пятилетие после войны. Большинство депортированных погибло.

Затем, следует отметить полное безразличие к реформам, необходимым для развития страны.

Однако самый актуальный вопрос — русификация Латвии. Не зная обстановки, можно подумать, что советская власть прибегает к насилию для осуществления своей политики русификации. Нет, до сих пор насильственных мер не предпринималось. Такие меры обречены на неудачу, когда народ солидарен и готов сопротивляться давлению.

На данном этапе Латвию, как и другие балтийские республики, систематически заселяют русские. Власти набирают новых поселенцев из всех районов Европейской России.

Нам ясно, что конечная цель этой политики — уничтожить латышский народ как независимую этническую группу, поэтому наше обвинение советского режима в геноциде оправдано, хотя этот процесс до сих пор протекал бескровно.

Почему же мы так уверены в конечной цели советского режима? Ведь мы находимся лишь на промежуточном этапе этого процесса. Ответ можно найти в русской истории. Около дюжины маленьких народов по соседству с Россией разделили участь, которая ожидает балтийские страны. Переход от монархии к коммунизму ничего в этом отношении не изменил. Русский коммунизм развил теорию слияния всех наций при коммунизме, что является просто прикрытием для русификации.

Конечно, и в других странах происходило поглощение этнических групп, как, например, индейцев в Америке. Как правило, это менее развитые группы. Однако латышский народ вполне жизнеспособен и так же одарен, как и русский народ. У него лишь один «недостаток»: это народ малый.

Хотелось бы подчеркнуть, что я не намереваюсь ни осуждать русских, ни разжигать ненависть к ним. Главный виновник — это коммунистический режим, который пользуется народами в собственных целях. Не сомневаюсь, что и латыши были им использованы во вред другим народам.

Мое свидетельство касается Латвии. Но оно в

равной мере относится и к Эстонии. В Литве положение примерно то же, хотя пропорции могут быть иными.

Речь идет не о слиянии этнически близких народов. Балтийские народы — эстонцы, латыши и литовцы — не славяне. Латыши и литовцы — балты. Эстонцы — угро-финны. У всех трех народов существуют четко выраженные этнические границы, отделяющие их как друг от друга, так и от России. Эти границы более или менее соответствуют политическим границам, которые были проведены в соответствии с мирными договорами между Россией и балтийскими республиками после первой мировой войны.

Балтийские народы отличаются от русских не только этнически. У них своя культура и история. В XVIII веке разные части Прибалтики были (в разное время) присоединены к Русской империи. До конца XIX века, однако, балтийские провинции жили своей жизнью: административно, культурно и юридически. Только в самом конце прошлого века русская администрация пыталась установить более тесную связь между балтийскими провинциями и империей и стала проводить политику русификации.

У всех балтийских народов — свой язык и своя письменность. У них — своя литература, свой фольклор и свой уклад жизни. Это объясняет четко выраженное чувство национального достоинства в балтийских народах. Эстонцы и большинство латышей — лютеране, а Восточную Латвию населяют католики. Русские же — до большевистского переворота — были православными. У балтийских народов культура западного

характера. Западные языки, литература и искусство гораздо более распространены в балтийских государствах, чем в России.

Главный элемент советской политики уничтожения балтийских государств — это поток русских поселенцев.

Ежегодно в Латвию прибывают от 15 до 18 тыс. (а в Эстонию — от 7 до 10 тыс.) иммигрантов. Для больших западных государств эти цифры могут показаться незначительными, но для балтийских стран такой приток иммигрантов весьма существен. Удельный вес нового населения особенно ощутим по следующим соображениям: а) это заселение продолжается уже 30 лет; б) одновременно уменьшается число латышей и эстонцев в результате депортации и кампании, направленной на переселение в Азию; в) из-за проводимой властями демографической политики сильно падает рождаемость среди латышей и эстонцев.

Перепись населения в 1959 г. показала, что из 2,1 млн. населения Латвии 62% составляли латыши, а в 1970 г. население возросло на 2,4 млн., но из них было всего 56,8% латышей. То же самое в Эстонии: в 1959 г. эстонцы составляли 74,6% всего населения в 1,2 млн. человек, а в 1970 г., несмотря на рост населения (1,4 млн.), эстонцев стало всего 68,2%. Темпы этого процесса остаются неизменными с 1970 г.

Степень русификации находит отражение в данных по этническому составу населения пяти главных городов Латвии. В 1959 г. из 580 тыс. населения г. Риги доля не-латышей составляла 55%. В 1974 г. рост населения столицы до 776

тыс. никак не отразился на латышах, доля которых упала до 37%. В городе Даугавпилсе, стоящем на втором месте в стране по числу жителей, (в 1974 г. — 109 тыс.) латышей всего 15%, в Лиепае (98 тыс.) — 42%, в Вентспилсе — около 42%, а в Елгаве (Митава), старой столице Курляндии, латышей в 1974 г. проживало всего 40%. Иными словами, латыши оказались меньшинством населения во всех крупных городах своей страны, а в более мелких городах новые поселенцы станут большинством в ближайшие годы.

Широко развернутая иммиграция возможна только при трех условиях для новых поселенцев: а) обеспечение их работой; б) обеспечение их жилищем и в) обеспечение им поддержки со стороны администрации.

Работа им предоставляется за счет создания новых или расширения уже существующих предприятий. При этом государство не считается с экономическими условиями или с целесообразностью; главное соображение — это обеспечение работой новых поселенцев.

В результате иммиграции в послевоенные годы остро ощущался жилищный кризис, препятствовавший созданию семей и считавшийся одной из причин низкой рождаемости среди латышей и эстонцев. Теперь широко развернуто жилищное строительство, но нужды населения остаются неудовлетворенными. Иммигранты получают квартиры и дома в первую очередь. Что касается поддержки со стороны администрации, то иммигрантам она обеспечена, так как все ведущие посты в стране занимают коммунисты, слепо выполняющие приказы Москвы. Задача русифи-

кации балтийских районов в основном выполняется КПСС.

Официально латыши считаются коренным большинством страны, она называется Латвийской ССР, а на самом деле всё — в руках русских.

Политическая деятельность в стране полностью проводится на русском языке, несмотря на участие в ней латышей. На сессиях латышского Верховного Совета, на партийных и профсоюзных конгрессах и на официальных торжествах говорят по-русски. Законы составлены на русском языке и зачастую разрабатываются в Москве (потом текст переводят на латышский). Суды работают на обоих языках: в зависимости от национальности заинтересованных сторон, судьи либо латыши, либо русские.

На заводах и на месте работы говорят по-русски. На некоторых заводах большинство трудящихся — русские. Мастера-латыши обязаны давать инструкции по-русски, так как русские рабочие отказываются учить латышский язык. Административные посты заняты либо русскими, либо латышами, но язык у них обязательно русский.

Русский язык изучают в обязательном порядке со второго класса начальной школы. У русских детей свои школы, и они могут, по желанию, изучать латышский язык. Однако особенного интереса они не проявляют. Существует система параллельных классов — для русских и для латышских школьников. На общих собраниях и в мероприятиях школы преобладает русский язык.

Присутствие иностранных рабочих на пред-

приятнях развитых западных стран тоже иногда вызывает отрицательную реакцию среди местного населения. Однако ряд обстоятельств исключает какое бы то ни было сравнение.

1. Иностранцы в балтийских странах гораздо многочисленнее, и число их не перестает расти.

2. На Западе иммигранты — выходцы разных стран, придерживающиеся разных культур, а потому их присутствие не подавляет местное население, как в балтийских странах, где все иммигранты — русские или, во всяком случае, придерживаются русских обычаев.

3. На Западе иммигранты стараются приспособиться к условиям принявшей их страны и выучить местный язык, а в балтийских странах они навязывают местному населению свой язык, свою культуру и свой быт.

4. На Западе иммигрант не имеет права деятельно участвовать в политической жизни принявшей его страны — до получения гражданства этой страны. В балтийских государствах, ново-прибывшие имеют все права наравне с местным населением и очень часто назначаются на высокие политические или экономические посты с самого первого дня своего пребывания в стране. Они назначаются на эти должности в Москве, хотя официально такие назначения делаются в Риге.

5. Принципиальная и существенная разница в том, что западные страны суверенны и иммигранты приспособляются к их интересам. Балтийские же страны обязаны выполнять принятые в Москве решения.

Я называю русификацию геноцидом. Увы,

международная конвенция по геноциду не охватывает преступления такого рода.

Ряд международных договоров защищает этнические меньшинства, являющиеся гражданами другой страны. Такого рода защита обеспечена тироляцам в Италии, югославам в Австрии, итальянцам в Югославии, шведам в Финляндии и т. п. Эти этнические меньшинства ограждены от уничтожения в результате наплыва этнического большинства на их территорию. Другие государства также следуют подобным принципам, даже не будучи связаны договорами или соглашениями.

И совершенно непонятно, почему Москва пользуется полной свободой в деле колонизации балтийских государств.

Генеральная Ассамблея и специализированные учреждения ООН утвердили ряд резолюций против колониализма и осудили попытки колониальных держав засылать поселенцев в колонии с целью изменения этнического состава коренного населения. Несколько лет тому назад такая резолюция была принята против Португалии. Южной Африке сделано предупреждение отказаться от колонизации Намибии. Если это запрещено в колониях, почему же Советскому Союзу разрешается русифицировать маленькие нерусские республики?

Советский Союз не проливает крови, проводя геноцид, он ссылается на свой суверенитет и на принцип невмешательства во внутренние дела страны.

На трибуне ООН советские дипломаты указывают на основную разницу между Советским Союзом и колониальными державами: советская

Конституция обеспечивает любой союзной республике право выйти из Союза, а колонии такого права не имеют.

Я утверждаю, что народы Советского Союза тоже не имеют такого права. Государства-члены ООН, которые борются за права человека и за международное право, имеют все данные для объективного исследования этого вопроса в рамках ООН. Такое исследование явилось бы большим благом для человечества.

ЛЕВИТС (урожд. Барг) Ингеборг, род. 31 марта 1926 года в Латвии. По окончании гимназии работала медсестрой в Германии (1943 — 1945 гг.). После капитуляции Германии жила недалеко от Берлина в занятой советскими войсками области. В конце 1945 г. в принудительном порядке была отправлена в Латвию, где была обязана каждые три месяца являться в полицию по месту жительства (в Риге) для регистрации. В скором времени И. Левитс, ее родители и сестры были арестованы и предназначены к депортации. Но И. Левитс удалось скрыться и 5 лет она прожила в Латвии нелегально. После легализации работала в Риге медсестрой, а с 1958 года — в различных рижских редакциях.

С 1972 года живет в ФРГ, занимается журналистской деятельностью.

Мафузе Джесур

О судьбе крымских татар

Я дочь крымского татарина, простого крестьянина. До и во время войны проживала в окрестностях г. Керчи. Я, как и другие мои единоплеменники, была лишена возможности продолжать учебу, окончила лишь 8 классов средней школы.

По установленному здесь правилу, я должна была бы говорить о судьбе

моего народа только в шестидесятые-семидесятые годы. Но, не говоря о начале и причинах трагедии крымских татар, невозможно объяснить их нынешнее положение. Поэтому прошу разрешить мне коротко остановиться на начале этой трагедии.

Продолжающаяся по сей день трагедия крымских татар началась в мае 1944 года, после освобождения Крыма от немецкой оккупации. Во время повторного прихода советских войск в Крым начались избиения, расстрелы, грабежи татар и изнасилование женщин. Затем началось насильственное выселение оставшихся в живых

татар. Огульно были высланы: дети, женщины, старики, инвалиды войны и труда, воевавшие против немцев партизаны и подпольщики, профсоюзные работники, отозванные из тыла для восстановления советской власти в Крыму. Мужчины, способные носить оружие, все были на фронте, в рядах Советской армии.

Вот что пишет татарка Тензиле Ибрагимова, ныне проживающая в Узбекистане, в г. Чирчике по улице Орджоникидзе, №38:

«Нас выслали из Фрайдорфского р-на, из деревни Аджиатман 18-го мая 1944 г. Выселение проходило очень жестоко. В 3 часа утра, когда дети еще спали, вошли солдаты, чтобы мы за пять минут собрались и вышли из дому. Нам не разрешили брать с собой ни вещей, ни продуктов питания. С нами так грубо обращались, мы думали, что нас на расстрел ведут. Выгнав из деревни, нас продержали целые сутки голодными. Стоял сплошной плач голодных детей. Муж сражался на фронте (как советский солдат). Я была с тремя детьми.

На грузовых автомобилях привезли в Евпаторию, а оттуда погрузили в товарные вагоны, битком набитые, как скот. Везли 24 суток в Самарканд. Оттуда вывезли в колхоз «Правда». Там мы работали и голодали. Многие от голода с ног валились. Из нашей деревни вывезли 30 семей, из которых остались в живых неполных пять семей. И в этих семьях остались по 1-2 человека, остальные погибли от голода и болезней.

Моя племянница Менубе Шейхисламова с десятью детьми была выслана с нами, а муж ее был с первых же дней войны в Советской армии и там погиб. Семья погибшего воина погибла в

ссылке в Узбекистане голодной смертью, только одна девочка по имени Пера осталась в живых, но от перенесенного ужаса и голода осталась калекой».

Такая же страшная судьба постигла всех остальных крымских татар. Перечислить все эти ужасы в этом кратком показании невозможно.

В ссылке за полтора года умерло 110.185 человек, что составляет 46,2% всех высланных. За три года немецкой оккупации погибло только 11% татар. В рядах Советской армии воевали на фронте из 7 районов Крыма 52.527 мужчин старше 18 лет, то есть, 55% населения этих районов. Многие крымские татары были награждены советскими орденами разных степеней. Татары сражались не только в регулярной армии, но и в партизанских отрядах. Советская печать во время войны похвально писала о Халилове, который до конца войны служил зенитчиком в Ленинграде.

Защитник Ленинграда, лейтенант, поэт Халилов, по профессии педагог, после войны не получил работы по специальности и не был допущен в Крым — был выслан. Начальник татарского партизанского отряда, Герой Советского Союза Муратов после войны был выслан в Казахстан. За требование права возвращения на родину, в Крым, несколько лет тому назад в Алма-Ате он был приговорен к четырем годам тюремного заключения.

Обвинять этих людей в сотрудничестве с немцами никак нельзя. А ведь крымские татары были высланы якобы за сотрудничество с немецкими оккупантами. Но вышеприведенные факты и цифры доказывают, что не все татары сотру-

ничали с немцами и вся их вина заключается в том, что они татары и мусульмане. Ведь открытые и приведенные в порядок при немцах мечети и кладбища были снова разрушены и сровнены с землей, чтобы от татар не осталось следа.

5 сентября 1967 г. Президиум Верховного Совета СССР наконец издал Указ о реабилитации крымских татар, согласно которому «татары, ранее проживавшие в Крыму, отныне могут проживать на всей территории СССР». Крымские татары добились своей реабилитации долголетней рискованной борьбой против произвола, борьбой за свои национальные права. Но выше-названный Указ Президиума Верховного Совета СССР на практике в жизнь не проводился. Выехавшие в Крым на постоянное жительство крымские татары были насильно выдворены милицией с его территории обратно. Таким образом, Указ Президиума Верховного Совета СССР, с одной стороны, был благородным жестом, успокаивающим мировое общественное мнение, а с другой стороны — жалкой, ничего не означающей подачкой для крымских татар. Им до сих пор не разрешается массовое возвращение на Родину даже за свои средства, не говоря уже о возвращении или компенсации отнятого у них имущества, домов и огородов.

В марте 1968 г. с целью сорвать намеченный на весну массовый выезд крымских татар, а также с целью создания видимости решения вопроса, власти объявили, что крымские татары будут переселены по так называемому оргнабору. Но и это явилось очередным обманом татар, потому что по этому оргнабору в Крым (к 5.9.1968 г.) были возвращены всего лишь 143 семьи. В то же

время форсированным темпом в неограниченном количестве в Крым вербуются люди других национальностей. Перевезенным в Крым украинцам и русским не разрешают покинуть Крым и вернуться на родину.

Приведу несколько примеров, показывающих, что Указ о реабилитации татар был издан не для выполнения его, а для иных целей.

Крымский татарин М. Чобанов в своем заявлении на имя генерального секретаря ООН Курта Вальдхайма пишет:

«Весной 1968 г., надеясь на этот Указ, я приехал на родину после 24-летней разлуки. В городах и селах Крыма большая потребность в рабочей силе, не переставая везут переселенцев из Украины и России. Но везде, куда бы я ни обращался, убедившись, что я крымский татарин, мне сразу категорически отказывали в работе и проживании в Крыму, а *подполковник милиции Пазин публично на площади перед облисполкомом, заявил, что «Указ вышел не для вас, а для иностранной прессы, чтобы они много не кричали о вас»*. Многие руководители говорили: «У нас есть секретное указание не принимать татар, если приму тебя, меня снимут с работы».

Татарин Бейтулаев в своем обращении в ООН и к мировой общественности пишет:

«От начальника милиции Белгородского района мы только слышали: «Уезжайте туда, откуда приехали, и освободите Белгородский район. Если не уедете сами, то вывезем и выбросим. Ни одну татарскую семью не буду прописывать».

Таких примеров можно привести очень много. Да и преследования, избиения во время молитвы и сборов, осуждение крымских татар по различ-

ным ложным мотивам представляют наглядные примеры нарушения прав целого народа и даже нарушения советского закона.

Разбросанные по Средней Азии, в Казахстане, Сибири и на Урале, крымские татары лишены права и возможности придерживаться национальных традиций, вести культурную работу. У нашего народа уже более 30 лет нет национальной школы на родном языке.

Мы, народ древней культуры, теперь обречены на физическое, духовно-культурное уничтожение. Единственный путь спасения — это помощь со стороны и внутри страны.

Татары обращались в ООН, к мировой общественности, в ЦК КПСС, в Верховный Совет СССР, к руководителям разных стран и партий, но эффективной помощи нам никто не оказал, на нашу судьбу не обратили внимания. В нашу защиту в СССР выступили такие видные люди — борцы за права человека, — как старый большевик, писатель, ныне покойный Костерин, генерал Григоренко, Габай, историк Амальрик, украинский ученый Караванский, Андрей Григоренко, его мать и другие, а самое главное, нас защищал академик Сахаров.

Все эти люди подвергаются преследованиям за защиту законных прав крымского татарского народа.

Мы надеемся, что после этого «Слушания» академика Сахарова мировая общественность обратит внимание на нашу трагедию.

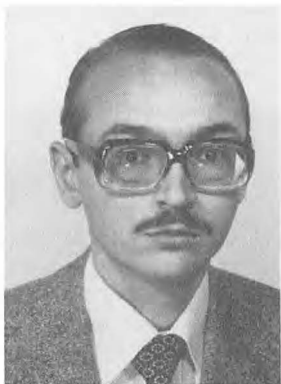
ДЖЕСУР Мафузе, род. 7 мая 1925 года в г. Керчь (Крым), крымская татарка. В 1941 г. закончила среднюю школу. До

1943 г. жила с родителями в Крыму. Во время войны Крым был оккупирован немцами, и осенью 1943 г., во время наступления советских войск М. Джесур была вынуждена покинуть родину (выехала на Запад). С тех пор о судьбе своих родителей никаких сведений получить не смогла.

В 1943-1945 гг., до окончания войны, жила в Германии. В конце 1945 г. выехала в Италию, жила в разных лагерях для перемещенных лиц. Вышла замуж за крымского татарина и вместе с мужем в 1948 г. из Италии выехала в Турцию, где жила до 1957 г. С 1957 г. по настоящее время проживает в ФРГ (в Мюнхене), работает служашей.

Андрей Григоренко

Национально-патриотическое движение крымских татар

Я остановлюсь на проблеме крымских татар. Для пояснения сущности проблемы я вынужден в нескольких словах рассказать, что произошло более трех десятилетий тому назад. В четыре часа утра 18 мая 1944 года во все дома крымских татар ворвались солдаты Советской армии. На сборы дали 20 минут. Затем — дли-

тельный этап в Азиатскую часть СССР в вагонах для скота. Во время этапа люди умирали от скученности, голода, холода и жажды. В первую очередь умирали старики и дети. По приблизительным данным, за первые два года после депортации умерло около 100.000 человек, т. е. около 40% всей крымско-татарской нации. 30 июня 1944 года был издан Указ под названием «Закон об упразднении Чечено-Ингушской АССР и о преобразовании Крымской АССР в Крымскую область». Этот Указ обвинял чеченцев, ингушей и крымских татар в поголовном колла-

борационизме в период второй мировой войны.

В местах ссылки был установлен режим спецпоселений. Согласно установленному порядку, жители спецпоселений не имели права покидать пределы поселка. Причем поселки были в пустынных местах, и спецпоселенцы должны были собственными силами, без государственных субсидий, сами строить жилища и осваивать пустынные районы. Выход за пределы спецпоселений карался либо расстрелом на месте, либо 25-ю годами тюрьмы. Эти ограничения распространялись также и на детей. После окончания войны на спецпоселения были отправлены также и все ветераны войны, вне зависимости от воинских званий и правительственных наград. Единственное исключение было сделано для дважды Героя Советского Союза, летчика, Аметхан-Султана. Однако последний был ограничен в праве свободного передвижения по Советскому Союзу.

Режим спецпоселений был снят Указом Президиума от 28 апреля 1956 года. Однако в этом Указе, в частности, было сказано: «Снятие ограничений с указанных лиц и членов их семей не влечет за собой возвращения им имущества, конфискованного при выселении, и эти лица не имеют права возвращаться в места, откуда они были выселены».

Естественно, что такое решение вопроса не могло удовлетворить подавляющее большинство лиц, принадлежащих к депортированным нациям.

С 1957 года крымские татары пытаются добиться восстановления своих национальных прав. Следует отметить, что они не требовали возвращения конфискованного имущества и восстановления автономии. Крымские татары просили для

себя только одного права — проживать на своих исторических землях. Все просьбы и заявления были выдержаны в самых лояльных тонах. Однако просьбы эти не удовлетворялись и оставались без ответа. С 1964 года национальное движение крымских татар принимает некоторые организованные формы. Появляются выбранные представители народа, «Инициативные группы содействия партии и правительству в решении национального вопроса крымско-татарского народа». В эти группы избирается более 500 человек, кроме того, на добровольные пожертвования, в Москву отправляются постоянные представители Инициативных групп, снабженные народными мандатами, подписанными совершеннолетними крымскими татарами. Хотя представители верховной советской власти неоднократно принимали некоторых народных представителей, вопрос не сдвигался с мертвой точки. Единственным достижением явился Указ Президиума от 5 сентября 1967 года «О гражданах татарской национальности, ранее проживавших в Крыму». В результате этого Указа упраздняялась крымско-татарская нация и делалась оговорка, что лица этой нации укоренились на местах ссылки. Таким образом, проблема переселения в Крым оставалась открытой. Отчаявшись добиться организованного переселения в Крым, люди, продав все свое имущество в Средней Азии, в индивидуальном порядке устремились на свою историческую родину.

С какими проблемами им пришлось столкнуться в Крыму, мне пришлось непосредственно наблюдать. Людей не прописывали в гостиницах, покупки частных домов признавались

недействительными. Вход в облисполком был блокирован милицией и людьми в штатском. Я наблюдал такую картину: женщина — мать десятерых детей — пыталась пройти в обком на прием. Ее моментально окружили люди в штатском, которые начали ее отталкивать и пинать ногами детей. Сопровождалось все это выкриками о том, что крымские татары убивали русских во время последней войны. Замечу, что старшему из детей было семнадцать лет, а дело происходило в 1968 году.

Не имея возможности поселиться в гостиницах или в частных домах, взрослые и дети были вынуждены ночевать на голом цементном полу в Симферопольском аэропорту и на вокзале. Милиция среди ночи будила людей и выгоняла на улицу. Часть людей была вынуждена ночевать под открытым небом в городских парках Симферополя и в окрестностях города, где их также постоянно преследовала милиция. При мне произошло несколько случаев, когда милиция без всяких видимых причин арестовывала людей и осуждала на 15 суток «за мелкое хулиганство».

Так, например, 26 июня 1968 года группа крымских татар пришла на прием в Крымский облисполком. Все были впущены в здание. После этого были закрыты все двери и усиленные наряды милиции начали хватать людей и отправлять в городские отделения милиции, где всем было предъявлено обвинение в мелком хулиганстве, десятерых из задержанных выслали ночью под конвоем в Среднюю Азию, девятерых приговорили к заключению сроком на 15 суток. Одному же, Мамедье Чобанову, было предьяв-

лено обвинение «в злостном хулиганстве и сопротивлении властям». 26 августа Чобанов был осужден Симферопольским судом на три года заключения.

17 мая 1968 года, накануне 24-й годовщины депортации, несколько тысяч крымских татар прибыло в Москву с целью провести мирную демонстрацию у здания ЦК КПСС. Однако накануне демонстрации по всему городу была устроена милицейская облава. Все лица, которые, как казалось милиции, могли быть крымскими татарами, подвергались арестам на улице. По выяснению в отделении милиции национальной принадлежности, крымские татары под конвоем выдворялись в Среднюю Азию. В этой демонстрации должны были принять участие и некоторые жители Москвы, относящиеся с сочувствием к движению крымских татар. К зданию ЦК КПСС нас явилось около двухсот человек. Какие-то лица в штатском при подходе к Старой площади, на которой расположено здание ЦК КПСС, арестовывали людей с восточным типом лица. Кроме того, по фотографиям они задерживали и людей других национальностей. Таким образом был задержан и я с несколькими моими друзьями. Когда нас доставили в отделение милиции, там уже находилось несколько сот людей различных национальностей, в том числе и два иностранных туриста. Крымских татар отсортировывали и отправляли в так называемый спецприемник МВД, откуда их этапировали в Среднюю Азию. Лиц, случайно попавших в облаву, отпускали после выяснения национальной принадлежности. Тех же, кого задержали по фотографиям, продержали в ми-

лиции до позднего вечера и подвергли допросам.

Как я уже отмечал выше, крымские власти отказываются признавать законной куплю крымскими татарами частных домов. Так, в 1969 году моим другом Эльдаром Шабановым был приобретен частный дом в городе Белогорске (бывшем Карасубазаре). Хотя бывший хозяин дома Швалев заявлял во всех инстанциях о вполне законной продаже дома, крымские власти отказывались признать куплю дома законной. Бывший хозяин дома был подвергнут милицией краткосрочному аресту — с целью вынудить его отказаться от продажи дома Шабанову. Самого Шабанова также вынуждали отказаться от покупки дома в Крыму. За последние пять лет, прошедших с момента приобретения дома, Эльдар Шабанов трижды приговаривался к различным срокам лишения свободы. И только совсем недавно власти были вынуждены отступить и прописать семью Шабанова в доме, принадлежащем им более пяти лет.

Но далеко не во всех случаях дело кончается столь благополучно, как у Шабанова. Тысячи людей вынуждены жить без так называемой прописки. Отсутствие же прописки лишает человека возможности получить работу и тем самым — средств к существованию. В покупку же дома вкладываются все сбережения, а частично и деньги, занятые у родственников и друзей. Кроме всего прочего, человек, проживающий без прописки, может быть, согласно уголовному законодательству СССР, приговорен к тюремному заключению.

Так, например, летом 1969 года Бейтулаев Шевкет купил в селе Сенное Белогорского района

дом у Лучинского Федора Адамовича. Оба они обращались в нотариальную контору для официального оформления купли-продажи дома. Нотариальная контора отказалась заверить акт купли-продажи на основании отсутствия у Бейтулаева прописки, а милиция отказывалась его прописывать на основании отсутствия нотариально заверенного акта купли-продажи. В ответ на настойчивые требования признать куплю-продажу дома милиция пригрозила «выбросить» Бейтулаева с семьей из Крыма.

В ночь с 28 на 29 июня 1969 года группа лиц в милицейской форме и в штатской одежде, 16 человек, ворвались в дом через выбитые оконные рамы. Бейтулаев, его жена и дочь были вытащены из постели и со скрученными руками и заткнутыми ртами брошены в машину, которая доставила их на ближайшую железнодорожную станцию. Оттуда их под конвоем вывезли в Краснодарский край и высадили на маленькой станции.

Можно привести десятки таких случаев.

Наиболее же активных членов движения подвергают длительным срокам заключения. Особые репрессии обрушиваются в первую очередь на национальную интеллигенцию. Это, по заявлению майора КГБ Свалова, объясняется тем, что КГБ легче бороться с чернорабочими, чем с интеллигенцией.

Так, с 1 июля по 5 августа 1969 года в Ташкенте проходил суд над 10 крымскими татарами. Все они были признаны виновными в распространении клеветнических измышлений, порочащих советскую систему. Среди осужденных был Ролан Кадыев, физик, чье имя достаточно хоро-

шо известно. Ролан был осужден на три года лишения свободы. После выхода из заключения он, блестящий физик, имеющий мировое имя, вынужден работать на должности, не требующей даже общего среднего образования. Написанная еще до заключения диссертация не принимается к защите ни в одном советском университете по единственной причине — Кадыев сидел «за политику».

Гомер Баев. Инженер. 1938 года рождения. Был арестован КГБ летом 1968 года в Симферополе и осужден на два года тюрьмы только за то, что хотел жить на земле своих предков. На суде над ним власти не смогли представить никаких, даже мало-мальских доказательств его «клеветнической деятельности».

Мой друг Решат Джемилев, участник национального движения крымских татар и интернационального Движения за права человека в СССР многократно подвергался арестам. Приведу один из таких случаев.

27 августа 1967 года Решат Джемилев в составе группы представителей крымских татар, бывших на приеме у высших представителей власти — председателя КГБ Андропова, генерального прокурора СССР Руденко, секретаря Президиума Верховного Совета СССР Георгадзе и министра внутренних дел Щелокова — должен был выступить с отчетом об этой встрече перед 2.000 своих соотечественников в одном из скверов Ташкента. На собравшихся выслушать этот отчет без всякого предупреждения набросилась милиция. Собрание было разогнано. 130 человек — арестовано. 119 из них были осуждены на 15 суток «за мелкое хулиганство». Остальные

11 — 28 ноября предстали перед судом. Все обвиняемые были признаны виновными и приговорены к различным срокам заключения, некоторые условно. Решат Джемилев был приговорен к 1 году исправительных работ с удержанием в пользу государства 20% заработка.

12 октября 1972 года Решат Джемилев был вновь арестован, а в апреле 1973 года приговорен к трем годам лишения свободы по обвинению «в распространении клеветнических измышлений, порочащих советскую систему». Интересно, что за несколько дней до его ареста в ряде городов СССР были развешены фотографии Решата с надписью «разыскивается опасный преступник», несмотря на то, что Решат Джемилев не скрывался и был арестован у себя дома. Сейчас он отбывает наказание в Красноярском крае, в лагере строгого режима. Я перечислю, какие «клеветнические измышления» вменялись ему в вину: подписи под обращениями Инициативной группы защиты прав человека в СССР, выступления против вторжения советских войск в Чехословакию, участие в национальном движении крымских татар, участие в демонстрации протеста против ареста моего отца и т. п.

Другой лидер крымско-татарского национального движения — Мустафа Абдулджемиль (Джемилев). Трижды осуждался за свое участие в Движении за права человека и национальном движении крымских татар. Сейчас против него фабрикуется новое обвинение, возбужденное в лагере, где он отбывал последний срок. Такая практика в последние годы получает все более широкое распространение. Перед самым концом срока потенциально опасного для режима чело-

века привлекают в лагере к суду по ложному обвинению. Так было с писателем Анатолием Марченко, отбывающем в настоящее время ссылку в Чуне (Читинская область). Так было с Владимиром Дремлюгой, вынужденным впоследствии эмигрировать. Так было с Андреем Амальриком, которого в настоящее время советские власти выдворили из Москвы и принуждают к эмиграции из страны, и рядом других лиц.

Я перечислил только отдельные хорошо мне известные случаи преследования крымских татар. Но это совсем не полный список. Только по моим, далеко не полным данным, за пять лет — между 1963 и 1969 годами — за участие в крымско-татарском национально-патриотическом движении на сроки от 6 месяцев до 7 лет были осуждены около 100 человек. Число приговоренных к различным наказаниям без лишения свободы и на сроки до 6 месяцев достигает нескольких сот человек.

Кроме того, в настоящее время в тюрьмах, «спецпсихобольницах» и лагерях отбывают наказание люди других национальностей, выступавшие в поддержку крымских татар. Среди этих людей — Леонид Плющ, пытаемый «преступниками в белых халатах» в Днепропетровской «психушке»; украинский поэт и литературовед Иван Светличный, отбывающий наказание в пермских лагерях; один из лидеров Движения за права человека в СССР Владимир Буковский, заключенный Владимирской тюрьмы, и многие, многие другие.

Ввиду нехватки времени, я мог только вкратце остановиться на одной проблеме — национально-

патриотическом движении крымских татар. В аналогичном положении находятся в СССР евреи, месхи-турки, немцы и другие национальные меньшинства. Даже нации, формально имеющие статус союзных республик, подвергаются в СССР культурной и политической дискриминации. Людей, пытающихся выступить в защиту своих этнических особенностей и гражданских прав, бросают в тюрьмы, лагеря и «психушки» — душегубки наших дней и позор двадцатого века. Я надеюсь, что люди во всем мире обратят внимание на то, что творится в так называемом социалистическом лагере. Ведь пренебрежение к правам человеческой личности может легко распространиться далеко за пределы этих государств и затопить весь мир.

Вопросы членов жюри и ответы свидетеля Андрея Григоренко

Вопрос. Какая разница в юридическом положении крымских татар и немцев Поволжья — ведь обоим этим народам не было предоставлено статуса автономной республики после реабилитации? Почему нет ограничений в выборе места жительства для немцев Поволжья и почему для крымских татар резко ограничена возможность жить в Крыму?

Ответ. Немцам Поволжья тоже невозможно получить так называемую прописку на территории бывшей республики немцев Поволжья.

Вопрос. Значит, они в одинаковом положении?

Ответ. Положение немцев Поволжья и крым-

ских татар не совсем одинаково. Дело в том, что Указом 1967 года, который я уже упоминал, нация крымских татар формально упразднена. Были заменены паспорта: там, где раньше в графе «национальность» было записано «крымский татарин», теперь стоит просто — «татарин». Но крымские власти все равно легко распознают крымских татар — по записи о месте рождения человека. А для балкар и чечено-ингушей, хотя они и получили автономию, тоже существуют ограничения: эти люди не имеют права селиться в горах выше определенной высоты.

Вопрос. Как было дело с покупкой дома Шабановым? Эта покупка была оформлена в нотариальном порядке, прошла все стадии оформления, а потом, на стадии прописки, возникли препятствия? или же дело остановилось на этапе нотариального заключения договора?

Ответ. До определенной стоимости, формально, акт купли-продажи вообще не требует нотариального заверения. Дом Шабанова стоил меньше этой суммы, и для заключения этой сделки требовалось лишь присутствие двух посторонних людей — при этом и присутствовали два постоянных жителя Белогорска. Но когда Шабанов и Швалев пришли в милицию, чтобы прописать Шабанова в этом доме, в прописке было отказано и потребовали нотариального заверения купли-продажи. А нотариальная контора отказалась ее заверить — и не на основании того, что сумма недостаточна, а из-за отсутствия у Шабанова крымской прописки.

Вопрос. Понятно. Тот же случай, что и во втором деле с покупкой дома?

Ответ. Да, то же самое.

Вопрос. По какой статье предстали перед судом участники собрания в одном из скверов Ташкента?

Ответ. Они обвинялись в злом хулиганстве — по 206-й статье Уголовного кодекса.

Вопрос. Похоже на то, что власти не дают прописки инакомыслящим, чтобы лишить их возможности действовать?

Ответ. Это весьма распространенный прием: не предоставлять прописки и тем самым лишать человека каких бы то ни было средств к существованию, а кроме того, ставить его в положение уголовного преступника, потому что проживание на территории СССР без прописки в течение более чем трех суток может влечь за собой наказание, вплоть до заключения в лагерь.

Вопрос. Как ваш отец? как его здоровье?

Ответ. После перенесенных тяжелых годов одиночного заключения в тюремной психушке города Черняховска его здоровье очень резко пошатнулось. В заключении он несколько раз во время прогулок подвергался нападению агрессивных больных. В Ташкентской тюрьме, где он пробыл более года, его многократно избивали, и здоровье его резко ухудшилось. После выхода из заключения у него случился инфаркт миокарда. Сейчас он поправляется и отдыхает.

Вопрос. Имеете ли вы представление, сколько крымских татар было выселено в 1944 году и сколько сейчас желает вернуться?

Ответ. Около 250 тысяч. Сейчас нация вернулась приблизительно к той же численности, т. е. в ссылке живет примерно 250 тысяч крымских татар. По переписи, которая проводилась крым-

скими татарами, около 90% нации желает вернуться на родину.

Вопрос. Верно ли, что Амальрику обещали вернуть московскую прописку, если он прекратит свою диссидентскую деятельность?

Ответ. Верно, но не совсем. В общем-то власти предпочли его все-таки выкинуть из Москвы, вне зависимости от того, прекратит он эту деятельность или нет. И вообще прекращение диссидентской деятельности, если так позволительно будет сказать, не приводит к прекращению преследований. Человека, хотя бы однажды репрессированного по политическим мотивам, будут преследовать до конца жизни.

ГРИГОРЕНКО Андрей, род. 6 сентября 1945 года в Москве. Работать начал в 1961 г., рабочим-слесарем. В 1963 г. окончил вечернюю среднюю школу и поступил в Московский энергетический институт (МЭИ). В 1960-1961 гг. был членом нелегального молодежного дискуссионного клуба. В 1963-1964 гг. был членом нелегальной организации, марксистского направления, — «Союз борьбы за возрождение ленинизма» (СБЗВЛ), за что был исключен из МЭИ и из комсомола.

Начиная с участия в демонстрации 5 декабря 1965 г. на площади Пушкина в Москве (в связи с делом Ю. Даниэля и А. Синявского), А. Григоренко принимал постоянное участие в Движении за права человека в СССР.

В 1971 г. А. Григоренко закончил Московский инженерно-строительный институт.

В 1975 г. эмигрировал из СССР.

Выступление юридического эксперта «Слушания» д-ра А. Штромаса

Мне предстоит дать юридическую оценку фактам, о которых рассказывали выступавшие здесь свидетели.

Я считаю, что наиболее важными проблемами, требующими некоторого юридического разъяснения, в выступлении свидетеля Балашова являются следующие:

Свидетель Балашов утверждает, что политзаключенные становятся впоследствии, по отбытии ими наказания, постоянными изгнанниками. Как это положение выглядит с точки зрения советского законодательства? Согласно статьям 25 и 26 УК, ссылка и высылка могут быть назначены в качестве дополнительных мер наказания сроком до 5 лет. Более того, ссылка и высылка в качестве таких дополнительных мер наказания могут быть назначены лишь в том случае, когда это наказание прямо предусмотрено в соответствующей статье Особенной части УК. Если мы возьмем случаи, в которых гражданам прямо

предъявлены политические обвинения, то увидим: да, те преступления, которые перечислены в разделе о государственных преступлениях, включая и ст. 70 УК, предусматривают возможность ссылки как дополнительной меры наказания. Но ни статьи 190¹, 190², 190³, ни статьи 142 и 227 такой меры наказания в качестве дополнительной не предусматривают. Значит, если говорить в строгом соответствии с УК, такое положение, которое нам сегодня обрисовал свидетель Балашов, незаконно. Но я постараюсь проанализировать, какие есть дополнительные положения в очень сложной системе советского права, которые позволяют удалять людей на очень продолжительное время от места их жительства. В Советском Союзе, как известно, существуют правила прописки. Эти правила в основных чертах отражены в Положении о паспортах, но, кроме того, содержатся в ряде инструкций и положений, не опубликованных и считающихся секретными. В частности, одно из таких положений, которое известно всем практически, но которое, вероятно, никому не привелось прочесть, заключается в том, что Москва, Московская область, Ленинград, Ленинградская область, Киев и некоторые другие крупнейшие города Советского Союза — это зоны, находящиеся на спецрежиме. И если человек, который был арестован и отбыл наказание, раньше жил в этих городах, то для того, чтобы вернуться на свое место жительства, ему надо получить специальное разрешение властей. Во многих случаях, когда речь идет о менее крупных городах и менее важных областях, он спокойно может вернуться к себе домой, а вот в этих случаях

он просто так вернуться к себе домой не может, и чаще всего ему в прописке, особенно если он сидел по статье политической, отказывают. Правда, не всегда на постоянно. Например, Юлий Даниэль, как мы знаем, не так давно получил все-таки возможность, — через брак, правда, — быть прописанным в Москве, хотя после отбытия наказания он должен был жить в Калуге. Вот это одна система мер, хотя и противоречащих УК, т. е. закону в собственном смысле слова, но предусмотренных в секретных административно-правовых актах органов управления (подзаконных актах).

Вторая система, которая тоже здесь играет очень крупную роль, это так называемый режим административного надзора, установленный Исправительно-трудовыми кодексами союзных республик и Основами исправительно-трудового законодательства СССР. Люди, согласно этим законам, после отбытия наказания за определенные преступления могут быть подвергнуты административному надзору, ограничивающему их право свободно менять место жительства и передвигаться по стране вообще. Кстати, очень любопытная вещь: кто решает, устанавливать надзор или нет? Решает либо милиция по месту жительства отбывшего наказание лица, либо сама администрация места заключения, из которого это лицо освобождается. Вот что, в частности, говорится в ст. 108 Исправительно-трудового кодекса РСФСР в отношении случаев, когда надзор устанавливается по инициативе администрации ИТУ: «Документы, необходимые для установления административного надзора, направляются администрацией исправительно-трудовой колонии или тюрьмы в органы милиции

по месту жительства отбывшего наказание». Но в тех случаях, когда человеку запрещается жить там, где он жил прежде, естественно, перед выходом из тюрьмы надо определить, где он будет жить. И соответственно, он уже поселяется в определенном пункте и уж оттуда, в силу своего положения административно поднадзорного, никуда выехать не может. Вот так юридически осуществляется система мер, позволяющих подвергать бывших заключенных долгосрочной ссылке после отбытия наказания. При этом следует отметить, что срок административного надзора может достигать и до 10 лет. А в некоторых случаях даже более того. Если же поднадзорный, по мнению милиции, не проявляет «признаков исправления», то срок административного надзора за ним могут продлевать все время, до конца жизни.

Такова система правовых норм, которая позволяет воплощать в жизнь, вопреки тому, что установлено уголовным законодательством страны, те меры, о которых говорил свидетель Балашов.

Второй момент из показаний Балашова. Он называл целый ряд лиц, которые отбывают свой срок наказания свыше 20 лет лишения свободы. Это незаконно по следующим основаниям. В 1958 г. были приняты Основы уголовного законодательства Союза ССР, по которым максимальный срок лишения свободы установлен в 15 лет. А в силу ст. 6 этих же Основ, все законы, смягчающие ответственность или наказание, имеют обратную силу. Поэтому, по закону, следовало бы пересмотреть, в соответствии с новым законодательством, сроки наказания тех

лиц, которые ранее были осуждены на более длительные сроки, чем 15 лет. И пересмотрели. Не все, но многие такие сроки пересмотрели и привели в соответствие с новым законодательством. Но была инструкция, опять же секретная, недоступная для изучения, в которой было сказано (по сведениям неофициальным, не публикуемым): лица, которые были присуждены к высшей мере наказания — расстрелу — и которым впоследствии мера наказания была заменена 25 годами заключения, должны отбывать этот срок полностью. Более того, некоторые особо опасные преступники, которые с самого начала получили по суду срок в 25 лет, особенно в тот период, когда в СССР не было смертной казни (до 1950 года), — тоже должны отбывать свой срок полностью. Вот это исключение из общего правила, основанное опять же на секретном и явно расходящемся с прямыми требованиями закона толковании нового законодательства, дает основание органам, применяющим эти законы, держать этих людей в тюрьмах и лагерях свыше сроков, которые предусмотрены действующим ныне законодательством.

Целый ряд проблем связан и с фактами, относящимися к режиму содержания заключенных в лагерях и тюрьмах... Законен ли тот невыносимый режим, который заключенным приходится испытывать, когда они отбывают наказание, и о котором столь выразительно говорил здесь свидетель Балашов и другие свидетели? Надо сказать, что советский исправительно-трудовой кодекс РСФСР 1924 года был одним из самых либеральных кодексов в мире. На практике он почти никогда не применялся. Уже в 1930 году

было введено общесоюзное положение об исправительно-трудовых лагерях, и в соответствии с ним в 1933 году был принят новый исправительно-трудовой кодекс. Эти акты были уже куда менее гуманны, но вполне на уровне мировых стандартов, где-то даже превосходя их свежестью идей, духом новаторства. Но и эти законы на практике не применялись. По существу, вся лагерная жизнь регулировалась комплексом секретных инструкций*. Сейчас мы живем в период укрепления законности, и перед советским законодателем стояла дилемма: взять ли, с точки зрения поверхностного, репрезентативного законодательства, либеральную линию и потом ужесточить ее путем негласно отменяющих его положения инструкций или взять откровенно репрессивную линию в самом законодательстве, ужесточая ее, конечно, еще более через инструкции, но существенно не нарушая самих положений закона. И было решено принять жесткую линию в законодательстве. И ныне действующий Исправительно-трудовой кодекс РСФСР (1971 года), действительно, является одним из самых отсталых, самых репрессивных в мире, и весь этот страшный режим — голод, система произвольных наказаний за нарушение режима, лишение возможности пользоваться своими денежными средствами, ограничение свиданий, переписки, посылок и т. д. — действительно основан

* Как отмечают советские ученые-юристы Е. Г. Ширвиндт и Б. С. Утевский, «после издания ИТК РСФСР 1933 года ИТК союзных республик игнорировались и были преданы забвению» (см. «Исправительно-трудовое право», М., Гос. изд-во юридической литературы, 1957, стр. 70).

на законе. Закон этот плох, но, в отличие от предыдущих, он хоть соблюдается в своих основных чертах.

Из всех тех моментов, о которых я сейчас говорил, мы можем сделать некоторые выводы.

1. В Советском Союзе, наряду с официальными нормами закона, существует целый ряд квазизаконодательных норм, не публикуемых, считающихся секретными и не доводящихся ни до чьего сведения, кроме тех органов, которые должны этот закон применять.

2. Очень часто эти нормы противоречат, как уже было показано, нормам официальных законов, объявленных во всеуслышание. Это противоречие законодательства устраняется только одним способом: выполняются инструкции, выполняются постановления Совмина, т. е. в первую очередь выполняются нормы, которые изданы в виде подзаконных актов, а не нормы закона. Что же касается норм закона как такового, то они применяются в тех случаях, когда нет негласно отменяющих их или негласно корректирующих их других норм.

Я хотел бы остановиться также на вопросе, затронутом Борисом Шрагиным: о праве на труд и об увольнении с работы. Во-первых, надо сказать, что в Советском Союзе наличие безработицы официально не признается. Если вы нигде в данный момент не работаете, вам не дают никаких пособий, никаких вспомоществований, вы просто начисто лишены средств к существованию. Таким образом, увольнение с работы равносильно конфискации имущества, конфискации единственного средства к элементарному существованию. Более того, быть безработным в

СССР противозаконно: человек, более длительное время нигде не работающий, может быть привлечен к уголовной ответственности по ст. 209¹ УК РСФСР как тунеядец.

Тут спрашивали, имели ли право уволить г-на Шрагина из-за его идеологической непригодности. Это не такой уж юридически бесспорный казус, как может показаться на первый взгляд. Дело в том, что ст. 33, пункт 2-й Кодекса законов о труде РСФСР гласит, что в случае «обнаружившегося несоответствия рабочего или служащего занимаемой должности или выполняемой работе вследствие недостаточной квалификации...» он может быть уволен. Человек работал в институте, считающемся идеологическим, занимался философией, т. е. отраслью идеологии. Соответственно его ненадежность в идеологическом отношении могла быть сочтена судом, если бы дело туда попало, как признак неквалифицированности для занятия этой должности. Кроме того, я хочу сказать, что есть целые группы людей, которые в случае увольнения не подпадают под действие норм Кодекса законов о труде и тем самым под защиту суда, который применяет эти законы. Есть так называемый перечень № 1, он не секретный, открытый, и в ст. 220 Кодекса законов о труде РСФСР прямо говорится, что лица, включенные в этот перечень, не подлежат защите суда, т. е. их можно увольнять по любому основанию и даже без такового. Любое более или менее видное должностное положение подпадает под этот перечень.

Способов увольнения много: сокращение штатов — очень удобный повод, можно просто лик-

видировать отдел, потом создать его заново, приняв снова пять человек уволенных и не приняв одного, того, кого надо было уволить. Эти дела просто нельзя оспаривать в судебном порядке.

Еще очень важный момент, отличающий советское трудовое законодательство, состоит в том, что в нем не предусмотрена юридическая защита права приема на работу. Право приема на работу не может быть оспорено, это дело дискретного решения администрации — примут или не примут. Непринятие на работу обжаловать некуда, юридических гарантий в этом деле нет.

Что касается выступления г-на Варди, то в советском Уголовном кодексе есть и статья, предусматривающая ответственность за пропаганду войны, и статья, предусматривающая ответственность за пропаганду национальной и расовой розни и вражды. Но дел по этим статьям в практике советских судов, насколько мне известно, нет, так что мне очень сложно оценивать приведенные здесь факты с позиций закона. Формально они вроде и могли бы подпасть под его действие, но беда в том, что нормы закона здесь столь общи, столь «каучуковы», что под них при желании можно было бы подвести любое высказывание или действие.

На кое-какие вопросы об уголовно-исправительном праве ответила г-жа М. В. Синявская, и ответила довольно точно.

В связи с выступлением Андрея Григоренко скажу об одном характерном эпизоде: людей, собравшихся выслушать Джемилева на одной из площадей Ташкента, арестовали и судили по

статье УК Узбекской ССР, аналогичной ст. 206 УК РСФСР — за хулиганство. Интересно отметить, что для такого массового явления, как «сборище в открытом месте», существует в УК специальная статья — 190³ УК РСФСР, предусматривающая наказание за устройство сборищ, за нарушение движения транспорта, за всё, что связано с демонстрацией на открытом месте. Есть также статья «массовые беспорядки»... (ст. 79 УК РСФСР). Иначе говоря, существует несколько статей специального свойства. Но в том-то и суть 206-й статьи, что ее всегда можно применить, когда поступок человека не подпадает точно ни под одну из других статей УК. Она предусматривает ответственность за хулиганство, которое определяется как «умышленные действия, грубо нарушающие общественный порядок и выражающие явное неуважение к обществу». Таким образом, любое действие, попадающее в поле зрения, обращающее на себя внимание и чем-то шокирующее любых окружающих, может быть интерпретировано как хулиганство. Это очень удобная для властей статья, и они привыкли очень широко ею пользоваться. Иначе говоря, при необходимости всегда можно подобрать статью, чтобы репрессировать человека или, как гласит народная поговорка: «Был бы человек, а статья найдется» — на этот факт я и хотел обратить ваше внимание.

Еще одно обстоятельство в связи с выступлением свидетеля Григоренко. Насильственное выселение или удаление граждан с какой-либо территории на том основании, что они на ней не прописаны, является актом грубого произвола и полностью противоречит советским зако-

нам. Бейтулаева и других, о которых говорил Григоренко, милиция имела право оштрафовать за нарушение паспортных правил; она имела право возбудить против них уголовное дело (ст. 198 УК РСФСР), если они, будучи оштрафованными дважды, не покинули данного места, и передать его на рассмотрение суда. Однако для совершения тех действий, о которых говорил А. Григоренко (насильственная депортация), никаких законных оснований у милиции не было.

Вопросы членов жюри и ответы д-ра А. Штромаса

Вопрос. Вы сказали, что существует особое положение относительно Москвы, Ленинграда, Киева и их областей, и для того, чтобы жить в этих местах, надо получить специальное разрешение. Относится ли это ограничение ко всем? Вызвано ли это тем, что города эти перенаселены и имеются затруднения жилищного характера, или это положение относится лишь к людям неблагонадежным в политическом смысле?

Ответ. Это ничем рациональным не вызвано вообще. Существует правило, и его положено соблюдать. Относится оно одинаково ко всем, но к политически неблагонадежным в особенности. Получить прописку в Москве и подобных городах в отдельных случаях все же можно. Например, если вы вступили в брак с постоянным жителем города, в котором желаете прописаться. Но если у вас даже есть возможность получить работу в Москве, и вы к тому же можете раз-

решить путем обмена (с одинаковым количеством жителей, выезжающих из Москвы и въезжающих в нее) свою квартирную проблему, — получить прописку все равно очень трудно. Для этого нужно специальное разрешение Моссовета. Если о предоставлении вам прописки хлопочет учреждение или предприятие, в котором вы должны работать, и если ему отпущена норма на прием иногородних, — тогда это возможно. Приведу пример из своего личного опыта. Я жил в Вильнюсе и переехать мне из Вильнюса в Москву было очень трудно, хотя работа у меня и была, — трудно было получить прописку. Но в связи с тем, что работа была мне предоставлена в результате избрания по конкурсу, я в конце концов решил эту проблему положительно (избрание по конкурсу, при соблюдении прочих условий, дает право на прописку). Так что для получения прописки в Москве и Ленинграде есть общие ограничения, являющиеся лишь одним из крайних выражений общего ограничения права на свободу передвижения граждан СССР в своей стране.

Вопрос. Есть ли в СССР положения, направленные на то, чтобы гарантировать независимость судов и судей от исполнительных органов власти, и если есть, то эффективны ли они и соблюдаются ли они властями?

Ответ. Во-первых, советский Уголовно-процессуальный кодекс исходит, конечно, из Конституции, которая есть как бы источник всех других законоположений. А Конституция формально предусматривает, конечно, полную независимость судей от кого бы то ни было, кроме закона (ст. 112). Этот принцип записан в Консти-

туции, повторяется в кодексе и обязателен для всего Советского Союза. Но, с другой стороны, если вы проанализируете ту же Конституцию, вы увидите, в статье, кажется, 126, что руководящим ядром всего советского общества и государства является Коммунистическая партия Советского Союза. Так что, с одной стороны, принцип полной независимости судей, а с другой — конституционный же принцип, очень важный притом, что всё зависит от директив, которые дает Коммунистическая партия. Коммунистическая партия в данном случае означает не то, что означают партии в западных странах: это мощный централизованный аппарат реальной власти в стране, который руководит всеми видами государственной и общественной деятельности. Иначе говоря, в случаях, когда в этом есть необходимость, партийный аппарат указывает судам, что необходимо по тому или иному делу предпринять, и суды зависят от решения, принятого по данному делу партийным аппаратом. Каждый орган государства, все общественные учреждения находятся как бы под двойным руководством: 1) под руководством вышестоящей инстанции самого этого учреждения, 2) под общим руководством партаппарата. Партаппарат — это политическая основа власти, все другие звенья администрации имеют, конечно, свою особую компетенцию, но целиком и полностью зависят от того, как их действия в сфере этой компетенции будут оценены партаппаратом. Как говорил г-н Шрагин, вы имеете только одного работодателя, вы должны ему подчиняться, быть по отношению к нему послушным и почтительным.

Вопрос. Как судья это осуществляет на практике?

Ответ. Судья об этом и не думает. Дело передается ему для рассмотрения из следственных органов. В тех случаях, которые имеют политическую подоплеку, вместе с делом передаются и соответствующие директивы компетентного партийного органа. Судья их и осуществляет. А по остальным делам? Например, есть общее решение партии об усилении борьбы с хулиганством. Это общая директива партии, ее задание, спущенное суду сверху. Судья хорошо знает, что при рассмотрении дел о совершении хулиганских поступков он должен быть очень осмотрительным, чтобы не уклониться от принятого партией направления. Иначе ему не удержаться на должности. Есть, впрочем, и такие дела, которые решает сам судья вполне независимо. Это те дела, которым не придан, так сказать, особый статус, по которым на данном отрезке времени не предусмотрена какая-то определенная линия партии. Я приведу пример из своей собственной юридической практики. Я защищал одну молоденькую девушку, восемнадцати лет, обвинявшуюся в преступлении, по которому, как мне казалось, никаких особых директив со стороны партии нет. Суд приговорил ее к двум годам заключения, что было и невероятно, и неожиданно, никто просто не мог этому поверить. Но оказывается, что накануне процесса суд получил из Верховного Суда по данной категории дел новые инструкции, еще пока никому другому не известные. Вот он их и применил, хотя еще за день до этого вынес бы по данному делу совершенно иной приговор. Судья должен бес-

прекословно выполнять инструкции вышестоящих органов, это его первая обязанность. Если он не будет на них должным образом откликаться, его либо сместят, либо не выдвинут для переизбрания на следующий срок. Ведь в СССР нет принципа несменяемости судей.

Вопрос. Является ли антисемитизм, выражение антисемитских чувств, преступлением, согласно советскому праву? А если это преступление, то знаете ли вы о каких-либо процессах, которые проводились по обвинению в этом в СССР после 1945 года?

Ответ. Слово «антисемитизм» ни в каких советских законах не упоминается. Нет никаких законов, которые специально предусматривали бы ответственность за антисемитизм. Однако в Конституции СССР и в советском Уголовном кодексе национальная вражда и рознь, национальная дискриминация объявляются незаконными в общем виде, что может быть отнесено и к проявлениям антисемитизма. Ст. 74 УК РСФСР прямо об этом говорит: «Пропаганда или агитация с целью возбуждения расовой или национальной вражды или розни, а равно прямое или косвенное ограничение прав и установление прямых или косвенных преимуществ граждан в зависимости от их расовой или национальной принадлежности наказывается лишением свободы на срок от 6 месяцев до 3-х лет или ссылкой на срок от 2 до 5 лет». Таково положение закона. Мне лично о делах по этой статье неизвестно. Может быть, известно кому-нибудь другому. У нас нет официальной статистики по делам, и в той практике, которую я знаю, дел по этой статье я никогда не видел.

Вопрос. Просьба прокомментировать законы по помещению инакомыслящих в психиатрические лечебницы.

Ответ. Я не медик, я юрист, вчера мы слышали много разных свидетельств о том, что здоровых людей помещают в психиатрические больницы по определению судов, в случае, когда эти суды признают данных лиц а) не вменяемыми и б) совершившими действия, предусмотренные такими статьями УК, как ст. 70, 190¹ и т. п. Я хотел бы в этой связи обратить внимание жюри на статью 403-ю Уголовно-процессуального кодекса. Сказано в ней следующее: «Принудительные меры медицинского характера (речь идет о помещении в психиатрические больницы общего или специального типа. — А. Ш.)... применяются судом к лицам, совершившим общественно опасные деяния (поясняю, что общественно опасными деяниями, с точки зрения советского права, являются те деяния, которые предусмотрены УК, т. е. преступления, официально признанные таковыми законом. — А. Ш.)... в состоянии невменяемости или заболевшим после совершения преступления душевной болезнью, лишаящей их возможности отдавать себе отчет в своих действиях или руководить ими, если эти лица (это очень важный момент. — А. Ш.) *по характеру совершенного ими деяния и своему болезненному состоянию представляют опасность для общества*». Иначе говоря, из этой статьи со всей ясностью следует, что совершение общественно опасного деяния (преступления в формальном значении этого слова) само по себе не является достаточным основанием для того, чтобы подвергнуть лицо принудительной мере медицин-

ского характера, т. е. для помещения этого лица в психиатрическую лечебницу в принудительном порядке. Для этого необходимо еще установить, что данное лицо может представлять по характеру либо своего заболевания, либо совершенного им преступного деяния опасность для окружающих (т. е. для общества). Для меня, как для юриста, весьма сомнительно, что можно считать представляющими опасность для общества людей, чьи незаконные действия выражаются в словах, в выражении каких-то мнений (так называемые «оральные» преступления) и не связаны с насилием над другими людьми, с покушениями на их собственность... Мне кажется, что слова, мнения, могут быть смешными, могут быть выраженными в неподобающей форме, но непосредственной опасности для окружающих они не представляют. Поэтому для меня сомнительна юридическая обоснованность насильственного помещения в психобольницы людей, независимо от того, какое у них состояние психики, если их деяния выразились в произнесении слов или в выражении мнений, которые почему-либо кажутся неприемлемыми для данного общества. Это большая проблема. Мы всегда сосредотачиваем внимание на том, что психиатры признают здоровых людей больными. Это тоже важный вопрос. Но и в этом случае, когда человек признан психически больным, встает вопрос: можно ли насильственно помещать его в психобольницу на том только основании, что суд признал его виновным в совершении преступления, дополнительно не обосновав при этом опасности его оставления на свободе? По закону, нельзя. А судьи это делают сплошь да рядом, ибо в том

случае, когда преступное деяние выражено в форме произнесения слов или написания документов либо каких-нибудь других произведений, обосновать опасность для общества оставления на свободе людей, такие деяния совершивших, представляется логически невыполнимой задачей. Юридически же такая практика недопустима.

Вопрос. Как относятся русские диссиденты к проблеме национальной независимости прибалтийских народов и других народов СССР?

Ответ. Не знаю, как на это ответить. Тут уже говорили о конституционных положениях, определяющих права наций в СССР. Я могу только сказать: из того, что мне известно, в русском оппозиционном движении сегодня нет почти никого, кто противился бы или оспаривал бы право всех наций на самоопределение.

Вопрос. Сколько политзаключенных сегодня в СССР?

Ответ. Официальных данных такого порядка нет. По свидетельским показаниям мы слышали, что все лица, совершившие преступления по разделу УК об особо опасных государственных преступлениях (т. е. осужденные по чисто политическим статьям), сосредоточены в нескольких лагерях. Там, как известно, находится примерно 2,5 — 3 тыс. заключенных (эта цифра время от времени меняется). Но я хотел бы отметить, что, с моей точки зрения, на основе сравнительно-правового исследования, т. е. примерно учитывая, какие преступления в большинстве стран признаются политическими, кроме преступлений, указанных в разделе «особо опасные государственные преступления», преступления, предусмотренные в других разделах УК, как, например,

статьи 190¹, 190², 190³ (устанавливающие ответственность за выражение людьми своих мнений и взглядов, за действия, связанные с их участием в демонстрациях, забастовках и т. д.) или статьи 142 и 227 (устанавливающие ответственность за нарушение законов об отделении церкви от государства и за злоупотребление проведением религиозных обрядов) тоже следует отнести к статьям политическим, поскольку здесь речь идет о том, что людей преследуют за выражение каких-то их убеждений, взглядов, интересов, или за следование определенным традициям и т. д. Заключение по этим статьям трудно подсчитать, потому что дела такого рода распространены по всему СССР, статистики нет, и лица, осужденные по этим статьям, находятся в самых разных лагерях, по всей территории страны. Эмнести Интернэшонал насчитывает сегодня примерно 10 тысяч политзаключенных в СССР. Цифра эта мне кажется вероятной. Ее также приводит и А. Д. Сахаров, правда, исключая заключенных по религиозным делам.

Еще один момент: есть целый ряд преступлений, которые проходят в судах как общеуголовные, но на самом деле их возбуждение часто вызвано какими-то политическими мотивами, например, известное всем дело Фельдмана, осужденного за хулиганство, или дело проходившего здесь в качестве свидетеля Леонида Забелышенского, осужденного в свое время по ст. 209¹ УК РСФСР за тунеядство. А если покопаться в прошлом, то неизбежно всплывут в памяти дела А. Гинзбурга (подделка документов, 1961 год), И. Бродского (тунеядство), А. Амальрика (тунеядство) и т. д. А сколько тысяч таких дел про-

водится по Союзу? Нам это неизвестно. Вот почему так трудно точно оценить число политзаключенных в СССР и вот почему цифра в 10000 человек представляется весьма вероятной при минимальной цифре 2500 — 3000 человек.

Вопрос. Каковы положения закона о религиозном воспитании детей?

Ответ. В СССР нет законов, официально запрещающих родителям давать детям в семье религиозное воспитание. С другой стороны, организация религиозных школ, систематических занятий по обучению несовершеннолетних религии вообще карается в соответствии с разъяснением, данным Указом Президиума Верховного Совета РСФСР от 18 марта 1966 г., по ст. 142 УК РСФСР, как нарушение закона об отделении церкви от государства и школы от церкви. В соответствии с тем же Указом несовершеннолетние не могут привлекаться ни к каким церковным мероприятиям и делам, в частности, участвовать в собраниях религиозной общины, встречах со священником и т. д. Единственное, что несовершеннолетнему не запрещено, — это пребывание в храме во время общецерковного богослужения. Итак, единственная законная связь детей с религией состоит в возможности присутствовать на религиозных службах в храме и получать религиозное воспитание в пределах их собственной семьи.

Нарушение родителями этих положений закона влечет либо ответственность по ст. 142 УК РСФСР, либо штраф до 50 руб., налагаемый в административном порядке местными Советами. Однако самая тяжкая мера, применяемая к родителям в связи с религиозным воспитанием детей, предусмотрена не Уголовным кодексом, а Кодексом о

браке и семье. Согласно ст. 52 этого Кодекса, родители должны воспитывать своих детей «в духе морального кодекса строителя коммунизма...» Ст. 59 этого же Кодекса, устанавливающая основания для лишения родительских прав, предоставляет судам право применять эту меру к родителям, уклоняющимся «от выполнения своих обязанностей по воспитанию детей» или оказывающим «вредное влияние на детей своим аморальным, антиобщественным поведением». В соответствии со ст. 64 Кодекса о браке и семье РСФСР, «суд может принять решение об отобрании ребенка и передаче его на попечение органов опеки и попечительства, независимо от лишения родительских прав, если оставление ребенка у лиц, у которых он находится, опасно для него». Все эти законы очень часто применяются в отношении родителей, которые были обвинены в тех или иных нарушениях законов, относящихся к религии, даже если эти обвинения с воспитанием детей ничего общего не имели. Показания свидетелей Гамма, Бресендена, Левитина-Краснова и Классена лишь подтверждают обычную практику советских властей по применению законов, на которые я только что сослался.

ШТРОМАС Александр, род. 4 апреля 1931 года в г. Каунасе (Литва). С 1941 по 1943 год был в заключении в нацистском концлагере. В 1952 г. окончил юридический факультет МГУ. 1952-1955 гг. работал адвокатом в Литве. В 1955-1958 гг. — аспирант Всесоюзного института юридических

наук (Москва). С 1958 по 1973 г. работал в юридических научно-исследовательских учреждениях Вильнюса и Москвы (короткое время в 1966 г. был доцентом Ивановского факультета Всесоюзного юридического заочного института — в гор. Иваново).

Был заведующим отделом, сектором, а главным образом — старшим научным сотрудником. В 1959-1961 гг. работал сначала заведующим научно-исследовательской лабораторией, а затем и. о. директора НИИ в Литве. В Москве работал во Всесоюзном НИИ советского законодательства и во Всесоюзном НИИ судебных экспертиз.

В сентябре 1973 г. выехал из СССР в Англию.

С 1 апреля 1974 г. по настоящее время — старший научный сотрудник Бредфордского университета.

Представители различных политических партий, входящих в Датский парламент, и представители прессы — на «Слушании Сахарова»

Резюме «Слушания»

В соответствии с воззванием академика Андрея Сахарова, в здании Датского парламента 17, 18 и 19 октября 1975 года состоялось «Международное Слушание Сахарова».

Международное жюри, состоящее из людей различных политических и религиозных воззрений, заслушало и опросило 24 свидетеля; большинство из них сделали заявления относительно им лично известных нарушений прав человека.

Целью «Слушания» было — пролить свет на обстановку, сложившуюся в Советском Союзе в течение последних 10 лет.

Члены жюри, задававшие вопросы свидетелям:
проф. Эрлинг Бьель, Дания

Майкл Бурдо, Англия

д-р Корнелия Герстенмайер, ФРГ

Эжен Ионеско, Франция

д-р Франтишек Яноух, Швеция

Хаакон Ли, Норвегия

г-жа Зинаида Шаховская, Франция

д-р А. Штромас, СССР (в наст. время живет в Англии)

Виктор Спарре, Норвегия

проф. З. Стыпулковский, Англия

проф. С. Свяневич, Канада

Симон Визенталь, Австрия

К этим именам следует добавить и представителей политических партий — членов Датского парламента. Советские представители были приглашены участвовать в работе «Слушания», но они предпочли этого не делать.

На «Слушании» рассматривались следующие четыре вопроса:

преследование политических инакомыслящих,
преследование верующих,
злоупотребления психиатрией,
положение наций и национальных меньшинств
в СССР.

Жюри считает, что показания некоторых свидетелей не касались непосредственно того периода, освещение которого входило в задачу «Слушания». Большинство свидетелей, однако, дали требуемые показания о своем личном опыте в период 1965 — 1975 гг., в основном приводя весьма точную информацию относительно времени и места соответствующих событий. Этот весьма обширный материал будет собран и предоставлен в распоряжение международных организаций и других заинтересованных учреждений.

Основываясь на заявлениях, сделанных свидетелями, жюри пришло к выводу:

что в Советском Союзе свобода мысли и слова ограничена;

что неконформистски настроенных граждан ущемляют в жизненно важных вопросах — таких, как работа, жилищная проблема, возможность получения образования;

что свобода передвижения внутри страны, возможность поездок за границу, так же, как и право на эмиграцию, — во многом ограничены;

что свобода вероисповедания также существенно ограничена;

что интересы и чаяния советских национальных меньшинств (например, таких, как евреи) и других народностей СССР подавлены в ряде весьма жизненных вопросов; особенно это ка-

сается тех народов, которые были лишены своих национальных территорий (например, крымские татары и немцы Поволжья);

что в Советском Союзе в тюрьмах, лагерях и психиатрических лечебницах находятся люди, которые, будучи лишены свободы, зачастую содержатся в бесчеловечных условиях, люди, которых безусловно следовало бы именовать политическими заключенными.

Свидетели дали совершенно разные показания относительно количества таких заключенных. Жюри полагает, что представленные показания явно не достаточны для определения точных цифр.

Это «Слушание» дало жюри большие основания сомневаться в том, что Советский Союз соблюдает принципы, положенные в основу международных соглашений о гражданских и политических правах, ратифицированных Советским Союзом в 1973 году, а также положения Заключительного акта Хельсинкских соглашений, также подписанного Советским Союзом, особенно в части, касающейся вопроса уважения прав человека и основных свобод, включая свободу мысли, совести, религии и убеждений. Согласно этой части Заключительного акта, «государства-участники будут уважать права человека и основные свободы, включая свободу мысли, совести, религии и убеждений, для всех, без различия расы, пола, языка и религии», а далее в этом же документе говорится, что государства-участники «будут поощрять и развивать эффективное осуществление гражданских, политических, экономических, социальных, культурных и других прав и свобод, которые все вытекают из

достоинства, присущего человеческой личности, и являются существенными для ее свободного и полного развития» (ст. VII).

Жюри хочет обратить внимание на непосредственно следующие за этим два раздела Заключительного акта Хельсинкских соглашений, ст. VII:

В этих рамках государства-участники будут признавать и уважать свободу личности исповедовать, единолично или совместно с другими, религию или веру, действуя согласно велению собственной совести».

«Государства-участники, на чьей территории имеются национальные меньшинства, будут уважать право лиц, принадлежащих к таким меньшинствам, на равенство перед законом, будут предоставлять им полную возможность фактического пользования правами человека и основными свободами и будут таким образом защищать их законные интересы в этой области.

В надежде, что подпись советского правительства под Заключительным актом Хельсинкских соглашений будет означать прекращение в будущем нарушений прав человека — нарушений, выявленных во время этого «Слушания», — жюри желает присоединиться к лауреату Нобелевской Премии мира Андрею Сахарову в его призыве к советскому правительству дать амнистию всем политическим заключенным, поскольку это действие вполне соответствует Хельсинкским соглашениям.

Жюри также установило, что уже существующие соглашения не содержат достаточных гарантий прав политических заключенных. Поэтому жюри считает, что необходима особая междуна-

родная конвенция по защите прав политических заключенных в мировом масштабе.

*Эрлинг Бьель
Эжен Ионеско
Зинаида Шаховская
З. Стыпулковский
Майкл Бурдо
Франтишек Яноух*

*А. Штромас
С. Свяневич
Корнелия Герстенмайер
Хаакон Ли
Виктор Спарре
Симон Визенталь*

Закрытие «Международного Слушания Сахарова». На трибуне -- председатель Организационного комитета «Слушания» Эрно Эстерхаз

СОДЕРЖАНИЕ

Бернард Караватский. Вступление	1
Андрей Сахаров. Обращение к «Слушанию Сахарова»	1
Заявление Симона Визентала	5
Владимир Максимов. Открытое заявление	12

ПРЕСЛЕДОВАНИЕ ИНАКОМЫСЛЯЩИХ

Виктор Балашов. О нарушении прав человека в СССР	15
Лев Квачевский. Фарс советского правосудия	32
Борис Шрагин. О преступлениях советского режима против права человека на труд	42
Александр Варди. О нарушении в СССР права детей на воспитание в духе гуманизма	57
Димитрий Панин. О беззаконии и произволе в СССР	72
Мария Синявская. Судьба жены заключенного	85
Симас Кудирка. Литва должна быть Литвой	103
Авраам Шифрин. Система беззакония и рабского труда	108

ПСИХИАТРИЧЕСКИЕ БОЛЬНИЦЫ И ЭКСПЕРИМЕНТЫ НА ЛЮДЯХ В СССР

Марина Файнберг. Помещение инакомыслящих в психобольницы гражданского типа	153
Виктор Файнберг. Помещение инакомыслящих в тюремные психобольницы	169
Люба Маркиш. Эксперименты на людях в СССР	183
Давид Азбель. Жертвы экспериментов	195
Вопросы членов жюри и ответы свидетелей Л. Маркиш и Д. Азбеля	203

ПРЕСЛЕДОВАНИЕ РЕЛИГИИ

Анатолий Левитин-Краснов. Положение верующих в СССР	215
Герхард Гамм. Беззаконное законодательство	247
Давид Классен. О преследовании баптистов в СССР	259
Евгений Бресенден. Гонения в СССР на христиан веры евангельской — пятидесятников	269

УЩЕМЛЕНИЕ ЗАКОННЫХ ПРАВ НАЦИЙ И НАЦИОНАЛЬНЫХ МЕНЬШИНСТВ

Ионас Юрашас. О преследованиях литовского народа	283
Андрей Зварун. Преследование украинской национальной культуры	306
Эдуард Оганесян. Нарушение национальных прав армянского народа	314
Давид Классен. Преследование немецкого народа в СССР	321
Вопросы членов жюри и ответы свидетелей Д. Классена, А. Зваруна, И. Юрашаса	324
Рейза Палатник. Об уничтожении еврейской культуры в СССР	329
Леонид Забельшенский. Нарушение права на выезд	355
Ингеборг Левитс. Политика КПСС — политика русификации	374
Мафузе Джесур. О судьбе крымских татар	383
Андрей Григоренко. Национально-патриотическое движение крымских татар	390
Выступление юридического эксперта «Слушания» д-ра А. Штромаса	404
Резюме «Слушания»	426

